

ПАДЕНИЕ ТИТАНА, ИЛИ ОКТЯБРЬСКИЙ КОНЬ

Цезарь в интерпретации
Колин Маккалоу — человек,
одаренный харизмой,
умом, проницательностью
и энергичностью щедрее, чем
кто-либо другой в истории.

Library Journal

КОЛИН
МАККАЛОУ

ВЛАДЫКИ
РИМА

Владыки Рима

Колин Маккалоу

**Падение титана, или
Октябрьский конь**

«Азбука-Аттикус»

2002

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Маккалоу К.

Падение титана, или Октябрьский конь / К. Маккалоу —
«Азбука-Аттикус», 2002 — (Владыки Рима)

ISBN 978-5-389-19271-3

Грандиозный по своему замыслу и яркий в деталях, шестой роман Колин Маккалоу из цикла «Владыки Рима» переносит читателей в сложный и увлекательный мир последних дней Римской республики. На пике своего могущества Гай Юлий Цезарь оказывается втянутым в гражданскую войну в Египте, где он очарован Клеопатрой, золотоглазой царицей этой страны. Однако долг призывает его забыть свою любовь и вернуться в Рим, где власть его кажется неколебимой, но на деле зиждется на зыбкой почве: у Цезаря нет наследника, а потому преемником его может стать любой, у кого достанет храбрости свергнуть могущественного правителя. Близятся Мартовские иды, а следовательно, драматическое завершение одной из самых ярких историй, какие помнит человечество.

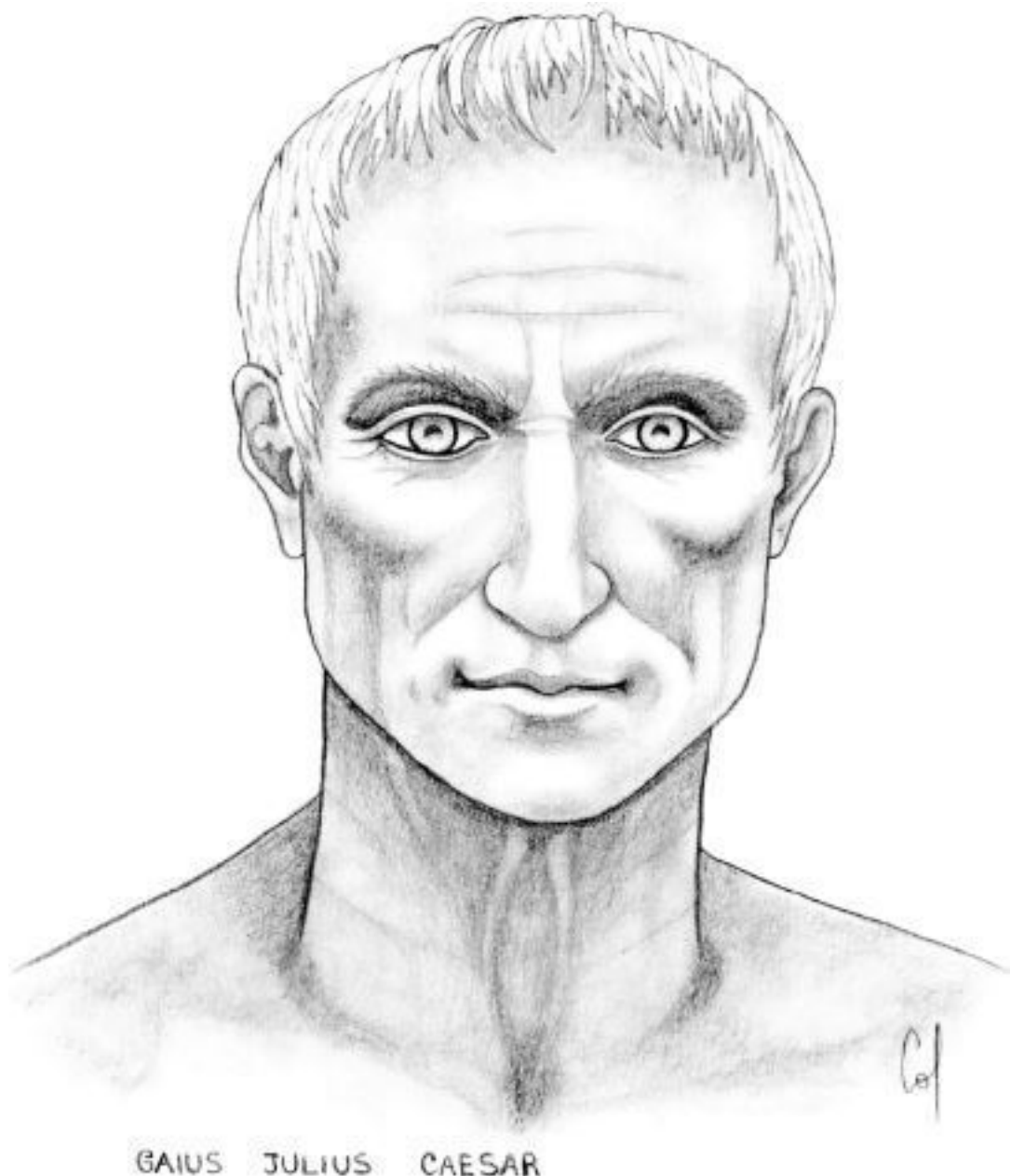
УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-19271-3

© Маккалоу К., 2002
© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

I		7
	1	7
	2	13
	3	51
	4	75
	5	83
II		85
	1	85
	2	97
	3	122
III		133
	1	134
	Конец ознакомительного фрагмента.	137

Колин Маккалоу

Падение титана, или Октябрьский конь

*Послу Эдварду Дж. Перкинсу
и Уильяму Дж. Кроу, профессору политологии
Университета Оклахомы,
за верность долгу и все невоспетые заслуги —
с любовью и восхищением*

© А. П. Кострова, перевод, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Октябрьские иды отмечали конец сезона военных кампаний, и в этот день устраивались скачки на траве Марсова поля, сразу за Сервиевой стеной республиканского Рима.

Лучших боевых коней года впрягали парами в колесницы и на бешеной скорости гнали вперед. Правый конь победившей пары становился Октябрьским. Специальный жрец бога войны Марса, *flamen Martialis*, согласно ритуалу, убивал его копьем. Затем Октябрьскому коню отрезали голову и гениталии. Гениталии сразу уносили, чтобы окропить кровью священный очаг в Регии, старейшем храме Рима, после чего отдавали весталкам, которые сжигали их в священном пламени Весты. Пепел смешивали с тестом, из которого пекли лепешки, подносимые богам в годовщину основания Рима его первым царем Ромулом. Голову же коня бросали в толпу, состоявшую из двух противоборствующих команд – жителей Субуры и Священной дороги. Если трофеем завладевала Субура, его прибавляли к стене башни Мамилия, если Священная дорога – к стене Регии.

Этим ритуалом, таким древним, что никто не помнил его истоков, Рим отдавал дань двойной силе, на которой зиждились его мощь, его процветание, его слава, – войне и земле. Заклание Октябрьского коня было одновременно и прощанием с прошлым, и взглядом в грядущее.

I
Цезарь в Египте Октябрь 48 г.
до Р. Х. – июнь 47 г. до Р. Х

1

– Я был прав, это просто небольшое землетрясение, – сказал Цезарь, отодвигая бумаги. Кальвин и Брут удивленно подняли головы.

– О чем это ты? – спросил Кальвин.

– О знамениях, указывающих на мою божественную природу, Гней! Статуя Победы поворачивается в Эпире, звон мечей и щитов слышен в Антиохии и Птолемаиде, грохот барабанов – в храме Афродиты в Пергаме, припоминаете? Боги обычно не вмешиваются в людские дела, а уж для того, чтобы разбить Магна при Фарсале, им и вовсе незачем было себя утруждать.

Поэтому я провел несколько расследований в Греции, на севере провинции Азия и в Сирии, на реке Оронт. Все эти знамения случились в один день, в один и тот же момент – небольшое землетрясение, и только. Такое бывает. Статуи странно ведут себя, в земных недрах что-то грохочет. Это в Италии не раз отмечали жрецы.

– Ты спускаешь нас на землю, Цезарь, – усмехнулся Кальвин. – Я только начал думать, что работаю на бога. – Он посмотрел на Брута. – Ты тоже разочарован, Брут?

Большие печальные глаза под тяжелыми веками были серьезны. Брут задумчиво посмотрел на Кальвина.

– Не разочарован и не огорчен, Гней Кальвин, хотя я тоже не думал о естественной причине. Я просто посчитал все эти сообщения лестью.

Цезарь поморщился:

– Лесть – это еще хуже.

Все трое сидели в удобной, хоть и не роскошно обставленной комнате, которую этнаρχ Родоса предоставил им для работы. Окно выходило на шумную гавань этого цветущего острова Эгейского моря, где пересекались многие морские пути. Приятный пейзаж: множество кораблей, синева водной глади, горы Ликии на горизонте. Но никто в окно не смотрел.

Цезарь сломал печать на очередном письме.

– С Кипра, – пояснил он, прежде чем его подручные вернулись к работе. – Клавдий-младший сообщает, что Помпей Магн отплыл в Египет.

– Я был готов биться об заклад, что он присоединится к своему двоюродному брату Гирру при дворе парфянского царя. Что ему нужно в Египте? – удивился Кальвин.

– Вода и провизия. Если он и дальше будет плыть с такой скоростью, то пассатные ветры задуют прежде, чем он покинет Александрию. Думаю, Магн намерен присоединиться к остальным беглецам в провинции Африка, – сказал Цезарь с легким сожалением.

– Значит, ничего не кончилось, – вздохнул Брут.

– Это может закончиться в любой момент, – прозвучал резкий ответ. – Стоит только Магну и его «сенату» прийти ко мне и сказать: «Да, Цезарь, мы были не правы. У нас не имелось никаких оснований не позволять тебе баллотироваться на консульскую должность *in absentia*!»

– О, ты напрасно ждешь здравомыслия от таких людей, как Катон, – заметил Кальвин, игнорируя демонстративное молчание Брута. – Пока он жив, ничего подобного ни от Магна, ни от его сената ты не дождешься.

– Я это знаю.

Цезарь пересек Геллеспонт три рыночных интервала назад и поплыл к югу, следуя вдоль восточного берега Эгейского моря, чтобы посмотреть, насколько бедственно положение провинции Азия после того, как по ней прошли республиканцы, лихорадочно собирая флот и деньги. Из храмов были изъяты самые ценные сокровища, были взломаны и опустошены хранилища банков, плутократов и сборщиков налогов. Метелл Сципион, правитель Сирии, а не провинции Азия, поспешая к Помпею в Фессалию, остановился здесь и незаконно обложил налогами все, что пришло ему на ум: окна, столбы, двери, рабов, неимущих, зерно, скот, оружие, артиллерию и передачу земли. Когда и этого оказалось мало, он ввел и собрал временные налоги на десять лет вперед, а протестующих публично казнил.

Хотя депеши, доходившие до Рима, больше касались разнообразных подтверждений божественной природы Цезаря, чем столь приземленных вещей, его поездка имела своей целью установить факты и предпринять необходимые меры, чтобы помочь разоренной провинции оправиться, ибо она уже была не в состоянии сама залечить свои раны. Цезарь поговорил с городскими главами и торговцами, упразднил институт откупщиков, отменил налоги на следующие пять лет, издал приказ вернуть найденные в шатрах в Фарсале сокровища тем храмам,

откуда их взяли, и пообещал, что, как только будет организовано новое правительство в Риме, он примет определенные меры для помощи несчастной провинции.

Вот почему все в провинции Азия склонны считать его богом, думал Гней Домиций Кальвин, наблюдая, с каким тщанием Цезарь здесь, на Родосе, изучает бумаги, завалившие его стол. Последним человеком, что-то смыслящим в экономике и имевшим дело с этой провинцией, был Сулла, чья справедливая система налогообложения была отменена через пятнадцать лет после введения, и сделал это не кто иной, как Помпей.

«Может быть, – размышлял Кальвин, – определять обязанности Рима по отношению к зависящим от него территориям должны именно представители древних патрицианских родов. Наши же связи с прошлым не столь крепки, поэтому мы заботимся больше о настоящем, чем о будущем. В последние дни Цезарь выглядит очень усталым. Нет, он, как всегда, в форме, подтянутый и опрятный, но усталость видна. Поскольку он ест только здоровую пищу и не берет в рот вина, ему не приходится сожалеть об излишествах, и его по-прежнему освежает даже короткий сон. Беда в том, что он взваливает на себя непомерно много работы, а помощников, которые пользовались бы его полным доверием, не хватает. Взять хотя бы Брута», – угрюмо подумал Кальвин (ему Брут не нравился). Он великолепный финансист, но вся его энергия направлена на защиту интересов ростовщической конторы «Матиний и Скаптий», которую, в сущности, следовало бы назвать «Брут и Брут»! А это вовсе не пристало сенатору. Каждый влиятельный человек в провинции Азия должен «Матинию и Скаптию» миллионы, и то же относится к царю Галатии Дейотару и царю Каппадокии Ариобарзану. Поэтому Брут ворчит, и это раздражает Цезаря, а он ненавидит, когда его раздражают.

– Десяти простых процентов недостаточно, – горестно вздыхает Брут. – Это просто пагубно для римских дельцов.

– Тогда твои римские дельцы – не дельцы, а презренные ростовщики, – хмурится Цезарь. – Сорок восемь сложных процентов – это преступление, Брут! Именно такой барыш твои ставленники Матиний и Скаптий намеревались получить с жителей Саламина на Кипре, а когда они не смогли заплатить проценты, их уморили голодом. Наши провинции должны быть экономически стабильными, чтобы вносить свою лепту в благополучие Рима.

– Заимодавцы не виноваты, что должники соглашались на такие условия, – возражает обиженно Брут. – Долг есть долг, и его надо возвращать с теми процентами, на какие договорились. А теперь ты объявил незаконными многие добровольно подписанные контракты!

– Ростовщичество всегда было преступлением. Ты, Брут, славен своими эпитамами – кто еще сумел бы втиснуть всего Фукидида в две страницы? Уж не пытаешься ли ты теперь ужать Двенадцать таблиц в одну коротенькую страницу? Если это *mos maiorum* подтолкнули тебя встать на сторону твоего дяди Катона, тогда ты должен помнить, что законы Двенадцати таблиц вообще запрещают брать с займов проценты.

– Это было шестьсот лет назад.

– Если занимающие согласны на грабительские условия займа, значит им вовсе не следует давать займы, и тебе это понятно. На самом деле ты, Брут, жалуешься на то, что я запретил римским ростовщикам нанимать войска или ликторов, чтобы собирать долги силой.

И так изо дня в день.

Конечно, для Цезаря Брут был проблемой. Цезарь взял его под крыло после Фарсала, во-первых, из-за бывшей любви к Сервилии, его матери, а во-вторых, чувствуя вину за то, что разорвал помолвку Брута со своей дочерью Юлией, чтобы заполучить Помпея. Он понимал, что тем самым разбил бедному юноше сердце. Но Цезарь не ведал, что за человек Брут, когда пожалел его после Фарсала. Они не виделись двенадцать лет, и Цезарь не знал, что прыщавый юнец, превратившийся теперь в прыщавого мужчину тридцати шести лет, был трусом на поле битвы и львом, когда дело касалось защиты его ошеломляющего состояния. Никто не смел сказать Цезарю то, о чем судачили все: при Фарсале Брут бросил свой меч, так и не обагрив

его вражеской кровью, и отсиживался в болоте, а потом первым кинулся победителю в ноги. «Нет, – твердо сказал себе Кальвин, – мне не нравится трус Брут, и глаза бы мои на него не глядели! Называет себя республиканцем, вот уж действительно! Это просто звучное имя, каким все они думают оправдать гражданскую войну, в которую ввергли Рим».

Брут поднялся из-за стола.

– Цезарь, у меня назначена встреча.

– Тогда иди, – был ответ.

– Значит ли это, что червяк Матиний на Родосе? – спросил Кальвин, когда внизу хлопнула дверь.

– Боюсь, что да.

Морщинки собрались у внешних уголков голубых глаз, необычных из-за черных ободков по внешнему краю радужки.

– Веселей, Кальвин! Скоро мы избавимся от Брута.

Кальвин улыбнулся в ответ:

– Что ты хочешь с ним сделать?

– Оставлю во дворце правителя в Тарсе. Это наш следующий – и конечный – пункт назначения. Я не могу придумать более подходящего наказания для Брута, чем заставить его вернуться к Сестию, у которого он украл два легиона в Киликии, чтобы привести их к Помпею Магну. Сестий вряд ли об этом забыл.

Один короткий приказ – и все завертелось. На другой день Цезарь покинул Родос и отплыл к Тарсу с двумя полными легионами и с тридцатью двумя сотнями ветеранов, собранных из остатков его старых легионов, главным образом шестого. С ним шли восьмьсот германских всадников на прекрасных лошадях ремов и горстка воинов-пехотинцев убиев, отменных метателей копий.

Разрушенный стараниями Метелла Сципиона Тарс продолжал как-то существовать под опекой Квинта Марция Филиппа – младшего сына Луция Марция Филиппа, племянника Цезаря и тестя Катона, эпикурейца, вечно колеблющегося и не знающего, на чью сторону встать. Похвалив молодого Филиппа за здравомыслие, Цезарь тут же посадил Публия Сестия обратно в курульное кресло наместника и назначил Брута его легатом, а Филиппа-младшего – проквестором.

– Тридцать седьмой и тридцать восьмой легионы нуждаются в отдыхе, – сказал он Кальвину. – Помести ребят на шесть рыночных интервалов в хороший лагерь в горах над Киликийскими воротами, а потом вместе с военным флотом пошли в Александрию. Я буду ждать их там, мы пойдем на запад и выгоним республиканцев из провинции Африка, прежде чем они уютно устроятся в ней.

Кальвин, высокий светловолосый и сероглазый мужчина лет пятидесяти, ни на мгновение не усомнился в этих распоряжениях. Решения Цезаря всегда оказывались единственно верными. Кальвин, всего год назад присоединившийся к Цезарю, видел достаточно, чтобы понять, что это именно тот человек, к которому будут стремиться все мудрые люди, если они хотят добиться успеха. Консервативный политик, который должен бы был примкнуть к Помпею Великому, Кальвин выбрал Цезаря, после того как смертельно устал от слепой враждебности таких людей, как Катон и Цицерон. Поэтому Кальвин поехал в Брундизий, нашел там Марка Антония и попросил переправить его к командующему. Антоний немедленно согласился, зная, что Цезарь обрадуется переходу на его сторону столь уважаемого консулара, как Кальвин.

– Ты желаешь, чтобы я оставался в Тарсе, пока не дождусь известий от тебя? – спросил он.

– Как хочешь, Кальвин, – ответил Цезарь. – Я скорее склонен считать тебя моим «кочующим консуляром», если в природе имеется такой зверь. Как диктатор, я сегодня же соберу

тридцать ликторов и в их присутствии наделю тебя неограниченным империем во всех землях восточнее Греции. Это даст тебе власть над наместниками провинций и право набирать повсюду войска.

– У тебя какие-то предчувствия, Цезарь? – спросил Кальвин, хмурясь.

– Предчувствий у меня нет, если под предчувствиями ты понимаешь свербеж в мозгу сверхъестественной природы. У меня это скорее ощущения, вызванные мимолетными событиями, которые я не удосужился как следует обдумать, но тем не менее застрявшими в голове. А потому прошу тебя: смотри в оба, чтобы не пропустить чего-то необычного, и внимательно слушай, не свистнет ли на горе рак. Если такое случится, значит что-то где-то не так. Тогда применяй свою власть и действуй в мое отсутствие.

И на завтра, в предпоследний день сентября, Гай Юлий Цезарь поплыл по реке Кидн в Наше море, где его подхватил северо-западный ветер и погнал на юго-восток, что и требовалось. Три тысячи двести ветеранов и восемьсот конников с лошадьми теснились на тридцати пяти транспортах, ибо военные корабли остались в ремонтных доках.

Два рыночных интервала спустя Кальвин, «кочующий консуляр», наделенный неограниченными полномочиями, собрался в Антиохию посмотреть, во что превратилась Сирия после правления Метелла Сципиона. Но тут в Тарс на взмыленном скакуне прибыл курьер.

– Киммерийский царь Фарнак со сотысячным войском вторгся в Понт у Амиса! – сообщил он, отдышавшись. – Амис горит, а Фарнак объявил, что намерен отвоевать все земли отца, от Малой Армении до Геллеспонта.

Кальвин, Сестий, Брут и Квинт Филипп оцепенели.

– Еще один Митридат, – глухо произнес Сестий.

– Вряд ли, – возразил Кальвин, приходя в себя. – Сестий, мы выступаем. Квинт Филипп отправится с нами, в Тарсе останется Брут. – Он посмотрел на Брута так грозно, что тот отшатнулся. – А ты, Марк Брут, хорошенько запомни мои слова: в наше отсутствие никаких сборов долгов! У тебя будет империй пропретора, но, если выяснится, что хоть один ликтор попытался по твоему указанию кого-нибудь обобрать, я вздерну тебя за яйца! Или, если их не окажется, за что-нибудь другое!

– Это по твоей вине, – сердито добавил Сестий, – в Киликии не осталось обученных легионов, так что твоей главной задачей будет вербовать и обучать солдат. Слышишь меня? – Он повернулся к Кальвину. – А что Цезарь?

– Возникает проблема. Он велел отправить к нему два отпускных легиона, но я теперь не могу этого сделать. Не думаю, что и он в такой ситуации захотел бы лишиться Анатолию всего регулярного войска. Поэтому я пошлю ему тридцать седьмой, а тридцать восьмой возьму с собой на север. Мы заберем его у Киликийских ворот, потом пойдем в Евсевию Мазаку к царю Ариобарзану, которому придется собрать для нас армию, какой бы бедной сейчас ни была Каппадокия. Я также пошлю гонца к царю Дейотару в Галатию с приказом найти в своих землях как можно больше воинов, а затем ожидать нас на реке Галис, ниже Евсевии Мзаки. Отправлю гонцов в Пергам и Никомедию. Квинт Филипп, пришли ко мне писарей, и побыстрей!

Приняв такое решение, Кальвин все же не обрел спокойствия. Хотя Цезарь и намекнул, что Анатолию ждут неприятности, однако отдал распоряжение прислать к нему в Александрию именно два легиона, а никак не один. Что же придумать, чтобы не сорвать его планы похода в провинцию Африка? Может быть, обратиться в Пергам, к еще одному сыну Митридата Великого?

Его тоже звали Митридат, и он был союзником римлян во время кампании Помпея по зачистке Анатолии после тридцатилетней войны Рима с его отцом. Помпей наградил его полосой плодородной земли вокруг Пергама, столицы провинции Азия. Этот Митридат царем не был, но в границах своей маленькой сатрапии он не отвечал перед римским законом. Будучи

клиентом Помпея, он помогал патрону в войне против Цезаря, но после Фарсала послал вежливое извинительное письмо Цезарю, прося прощения и привилегии стать клиентом Цезаря. Письмо позабавило Цезаря и очаровало. Он ответил Митридату Пергамскому, что тот прощен и что отныне он входит в число клиентов Цезаря, но взамен должен быть готов оказать услугу, когда его попросят об этом.

Кальвин писал:

Вот твой шанс оказать услугу Цезарю, Митридат. Без сомнения, ты так же, как и все мы, обеспокоен вторжением в Понт твоего сводного брата. Его зверства в Амисе – прямой вызов всем цивилизованным людям. Войны – это необходимость, иначе они не случались бы, но цивилизованный военачальник обязан убрать мирных граждан с дороги военной машины и уберечь их от физического насилия. Голод и потеря крова во время военных кампаний неизбежны, но совсем другое дело – пытки, надругательства, горы отрубленных рук и ног. Фарнак – варвар.

Вторжение Фарнака поставило меня в трудное положение, раздражающий Митридат, но я уверен, что смогу на тебя опереться. Я знаю, что тебе запрещено набирать армию, даже оборонительный гарнизон, но в нынешних обстоятельствах придется проигнорировать этот пункт договора. Я имею на то соответствующие проконсульские полномочия, которыми меня наделил сам диктатор.

Ты, вероятно, не знаешь, что Цезарь направился в Египет с очень малым войском. Он попросил меня как можно скорее прислать ему еще два легиона и военные корабли. Флот готов к отплытию, но ситуация позволяет отправить с ним лишь один легион.

Этим письмом я уполномочиваю тебя набрать армию и послать ее к Цезарю в Александрию. Не знаю, где ты найдешь солдат, ибо я сам прошелся по всей Анатолии. Но Марк Юний Брут, которого я оставляю в Тарсе, уже приступает к вербовке нового легиона. Ты же проверь южные окраины Сирии – лучшие в мире наемники именно из тех мест. Загляни и к евреям.

Получив письмо, Митридат Пергамский вздохнул с облегчением. У него появилась возможность показать новому правителю мира, насколько он ему предан.

– Я сам поведу армию, – сказал он своей жене Беренике.

– Разумно ли это? – усомнилась она. – Почему бы не послать с ней нашего сына?

– Архелай пусть справляется здесь. А я – сын великого воина и, надеюсь, кое-что от него унаследовал, поэтому хочу командовать лично. Кроме того, – добавил он, – я долго жил среди римлян и кое-что смыслю в организации. Мой отец потерпел поражение лишь потому, что не имел такого опыта.

2

«О блаженство!» – такова была первая реакция Цезаря на внезапное избавление от провинции Азия, Киликии и неизбежного сонма легатов, чиновников, плутократов и местных этнархов. С собой в Александрию он взял лишь Публия Руфрия, одного из самых ценных примипалов периода Галльской войны, возведенного после Фарсала в легаты. Этот молчаливый человек никогда не мечтал о том, что однажды составит компанию своему командующему.

Люди действия могут быть и мыслителями, но их мыслительный процесс происходит в движении, в круговерти событий, и Цезарь, который ненавидел бездельность, использовал для работы каждый свободный момент. Покрывая сотни, иногда тысячи миль от одной провинции до другой, он держал при себе хотя бы одного секретаря и даже в грохочущей двуколке, запряженной четырьмя мулами, беспрестанно диктовал несчастному. Только женщины или музыка вынуждали его время от времени прерываться. Он был страстным меломаном.

Но во время этого четырехдневного морского перехода из Тарса в Александрию при нем не было ни секретарей, ни музыкантов. Цезарь очень устал. И понял наконец, что он должен отдохнуть – подумать о других вещах, а не о том, где будет следующая война и случится следующий кризис.

Думать о себе в третьем лице давно стало его привычкой. И даже необходимостью. Способом отстраняться от внутренней боли, от ее лютости, горечи, неизбывности. Цезарь – это Цезарь, а «я» – это «я». Нет «меня» – нет и боли.

Это ведь Цезарь завоевал Длинноволосую Галлию для Рима, но ему не позволили мирно носить свои лавры. И то, что на протяжении всей жизни спускали Помпею, не сошло с рук Цезарю. А все из-за злобной кучки сенаторов, именующих себя *boni*. Эти «добрые люди» поклялись сбросить Цезаря с пьедестала, раздавить его, отправить в вечную ссылку и навеки стереть его законы со всех таблиц. Возглавляемая Бибулом и громко твякающей дворняжкой Катонем, эта свора превратила жизнь Цезаря в постоянную борьбу за выживание.

Почему?

Конечно, он понимал почему. Но чего он не мог понять, так это логики *boni*, чьи поступки и мысли были невероятно глупы. Не было смысла убеждать себя в том, что, если бы он смягчился и не стал бы выставять на посмешище их глупую несостоятельность, они тоже оставили бы попытки свалить его. У Цезаря был характер, и Цезарь не терпел дураков.

Бибул. Это он положил начало вражде во время осады Митилен на острове Лесбос тридцать три года назад. Бибул. Он был таким маленьким и пышущим злобой, что Цезарь как-то поднял его и посадил на высокий шкаф, посмеялся над ним и выставил его дураком перед товарищами.

Лукулл. Лукулл командовал взятием Митилен. Это он пустил слух, что Цезарь получил флот от дряхлого царя Вифинии, переспав с ним. Грязная ложь, которую *boni* годы спустя снова вытащили на свет и использовали на Римском форуме как часть своей грязной политической кампании. Если им верить, их политические противники ели фекалии или насиловали своих дочерей, а вот Цезарь подставил свою задницу царю Никомену. Только время и разумный совет матери положили конец этим слухам. Лукулл, погрязший в отвратительнейших пороках. Лукулл, близкий друг Луция Корнелия Суллы.

Сулла. Став диктатором, он освободил Цезаря от ужасного жречества, которое Гай Марий возложил на него в тринадцать лет, – жречества, запрещавшего ему носить оружие и видеть смерть. Сулла назло умершему Марию снял с Цезаря обет и послал девятнадцатилетнего юношу на Восток. Верхом не на коне, а на муле, и не к кому-нибудь, а к Лукуллу, который сразу его невзлюбил. В ближайшем сражении он поставил новичка в первые ряды, надеясь, что вражеские стрелы настигнут его. Но Цезарь вышел из боя с *corona civica* на голове. Этим вен-

ком из дубовых листьев награждали за исключительную личную храбрость, причем это делалось так редко, что награжденный имел право носить венки во время всех публичных мероприятий и все без исключения должны были вставать при его появлении и аплодировать. И Бибул тоже был вынужден вставать и аплодировать Цезарю каждый раз, когда собирался сенат! Кроме всего прочего, дубовый венок давал Цезарю право стать членом сената, хотя ему было только двадцать лет, – другим приходилось ждать до тридцати. Однако Цезарь уже побывал в сенаторах: особому жрецу, фламину Юпитера Всеблагого Всесильного, автоматически открывался путь в сенат. Это означало, что из пятидесяти двух лет своей жизни тридцать восемь Цезарь был сенатором.

Делом чести для Цезаря было получать каждую магистратуру в установленный для патрициев срок, и самое главное – без взяток. Если бы он давал взятки, *boni* вмиг растерзали бы его. Цезарь с достоинством шел к своей цели, как и положено человеку из рода Юлиев, прямому потомку богини Венеры (через ее сына Энея) и бога Марса (через его сына Ромула, основателя Рима). Марс – Арес, Венера – Афродита.

Мысленно Цезарь вернулся на шесть рыночных интервалов назад, когда он стоял в Эфесе перед своей статуей, воздвигнутой на агоре, и читал надпись на постаменте: «ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ, СЫН ГАЯ, ВЕЛИКИЙ ПОНТИФИК, ПОБЕДИТЕЛЬ, ДВАЖДЫ КОНСУЛ, ПОТОМОК АРЕСА И АФРОДИТЫ, ИЗБРАННИК БОГОВ И СПАСИТЕЛЬ ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА». На каждой рыночной площади между Олисиппоном и Дамаском высились статуи Помпея Великого (правда, после его поражения при Фарсале их поспешно снесли), но не было ни одной статуи человека, который мог бы претендовать на божественное происхождение, тем более числить своими предками Ареса и Афродиту. О, на каждой статуе римского завоевателя написано, что он избранник богов и спаситель человечества. Это обычный для Востока хвалебный штамп. Но что действительно было важно для Цезаря, так это родословная, и здесь Помпей, галл из Пицены, ни на что не мог претендовать. Он считал своим предком родоначальника племени пиценов дятла Пикуса. Зато родословную Цезаря, представленную на его статуе, мог видеть весь Эфес.

Цезарь плохо помнил своего отца, вечно отсутствовавшего по делам службы. Потом он умер. Смерть настигла его, когда он наклонился поправить ремень на обуви. Странная смерть. Таким образом, в пятнадцать лет Цезарь стал главой семьи – *paterfamilias*. Мать, Аврелия Котта, вынуждена была взять на себя и отцовские функции. Строгая до суровости, твердая, сдержанная, но всегда способная дать дельный совет. Для сенаторского статуса род Юлиев был очень бедным, денег едва хватало, чтобы удовлетворять цензоров. Хорошо еще, что Аврелия владела инсулой – доходным домом в Субуре, одном из самых неблагополучных районов Рима, и семья жила там, пока Цезаря не избрали великим понтификом и он не перебрался в Государственный дом, содержавшийся за счет Республики.

О, как Аврелию беспокоили его безрассудные траты, его безразличие к гигантским семейным долгам! В какие страшные обстоятельства загоняла его неплатежеспособность! Зато потом он завоевал Длинноволосую Галлию и поправил свои финансовые дела. Так удачно, что сделался даже богаче Помпея Великого, хотя и не перешеголял в этом Брута. Усыновленный Сервилием Цепионом, тот стал наследником золота Толозы, и это сделало его желанным женихом для Юлии, пока в нее не влюбился Помпей Магн. Политическое влияние Помпея было нужно Цезарю больше, чем деньги Брута, поэтому...

«Юлия. Все мои любимые женщины теперь мертвы. Две умерли во время родов. Милая маленькая Циннилла и крошка Юлия, обе только-только входили во взрослую жизнь. Ни одна из них никогда не причинила мне боли, разве что своей смертью. Несправедливо, несправедливо! Я закрываю глаза и вижу их всех. Вот Циннилла, возлюбленная жена моя; вот Юлия, единственная моя дочь. Вот другая Юлия, тетка Юлия, жена Гая Мария, ужасного старого

чудовища. Запах ее духов все еще вызывает у меня слезы, особенно если им вдруг повеет от какой-нибудь незнакомки в толпе. Мое детство без нее было бы лишено любви, она одна целовала и обнимала меня. Мать – нет. Всегда строгая, всегда суровая, она считала, что проявление нежности испортит меня. Ей казалось, что я слишком горд, слишком кичусь своими дарованиями, слишком высокомерен.

Но всех их теперь нет, моих любимых женщин. Я остался один.

Неудивительно, что я начинаю чувствовать возраст».

Только весы богов могли бы показать, кому тяжелее достался успех – Цезарю или Сулле. Разновес невелик – перышко, волосок. Они оба вынуждены были защищать свое *dignitas* – свое достоинство, общественное положение, славу, – двинувшись на Рим. Оба стали диктаторами, используя единственную возможность подняться над демократией, оградить себя от будущих преследований. Разница была в том, как они вели себя, получив этот пост. Сулла ввел проскрипции и наполнил казну, убивая богатых сенаторов и всадников и конфискуя их имущество. Цезарь предпочитал милосердие, прощал своих врагов и позволял большинству из них сохранить состояние.

Это *boni* вынудили Цезаря пойти на Рим. Сознательно, намеренно, даже радостно они подталкивали страну к гражданской войне, лишь бы не позволить Цезарю то, что они с превеликой охотой разрешили Помпею. А именно – принять участие в консульских выборах, не присутствуя лично в городе. По закону человек, наделенный империем, лишался его, пересекая померий, и мог быть обвинен в суде. И *boni* хотели обвинить Цезаря в государственной измене в тот самый момент, когда он сложит с себя полномочия наместника, чтобы баллотироваться на консульскую должность во второй раз. Он просил сенат разрешить баллотироваться *in absentia* – вполне обоснованная просьба, но *boni* пресекали все попытки Цезаря достигнуть соглашения. Потерпев неудачу, он, подобно Сулле, пошел на Рим. Не для того, чтобы сохранить свою голову, – его жизни ничто не угрожало. Однако приспешники *boni*, несомненно, приговорили бы его к вечной ссылке, а это хуже, чем смерть.

Разве это измена – провести закон, по которому государственные земли Рима будут распределяться более справедливо? Разве это измена – провести закон, запрещающий наместникам грабить провинции? Разве это измена – отодвинуть границы Римской империи к Рейну и таким образом оградить Италию и Наше море от вторжения германцев? Разве можно считать эти его действия предательскими? Неужели, делая все это, Цезарь предавал свою страну?

Для *boni* – да, предавал. Почему? Потому что для *boni* такие действия шли вразрез с *mos maiorum* – сводом неписаных правил, обычаев и традиций, определяющих ход римской жизни. Не имело значения, что реформы проводились ради общего блага, ради безопасности Рима, ради счастья и процветания не только всех римлян, но и всех жителей римских провинций. Эти реформы шли вразрез со старыми методами управления, которые были приемлемы для небольшого города, расположенного на соляных маршрутах Центральной Италии шестьсот лет назад. Почему *boni* не потрудились понять, что старые методы не годятся для единой великой страны, образовавшейся к западу от Евфрата? Рим вобрал в себя весь западный мир, но многие из тех, кто им управлял, все еще мыслили мерками архаичного города-государства.

Boni шарахались от любых перемен, как от врага, и Цезарь являлся для них самым ярким приверженцем этого врага. Катон вопил с ростры на Римском форуме, что Цезарь – воплощение зла. Они не желали понять, что без смены ориентиров Рим умрет, превратится в смердящие лохмотья, годные только для прокаженных.

И вот теперь здесь, на скользящем к дальнему берегу корабле, стоял диктатор Цезарь, правитель мира. А ведь он всегда хотел только того, что ему причиталось по праву, – сделаться римским консулом во второй раз через десять лет после первого срока, как предписано *lex Genucia*. Конечно, намечались и более дальние перспективы – стать после второго консуль-

ства самым влиятельным государственным деятелем, более здравомыслящим и полезным, чем боязливый хорек Цицерон. Время от времени возглавлять армию по просьбе сената, то есть делать для блага Рима то, в чем ему нет равных. Он вовсе не претендовал на неограниченную, беспредельную власть. Но это произошло. Вот трагедия, достойная Эсхила или Софокла.

Большая часть службы Цезаря проходила в западной части Нашего моря – в Испаниях, в Галлиях. Восток для него ограничивался провинцией Азия и Киликией. Ни в Сирии, ни в Египте, ни в удаленных от побережья районах необъятной Анатолии он еще не бывал.

Ближе всего он подошел к Египту, посетив Кипр за несколько лет до того, как Катон аннексировал его. В то время островом правил Птолемей Кипрский, младший брат тогдашнего правителя Египта Птолемея Авлета. На Кипре Цезарь развлекался в объятиях дочери Митридата Великого и купался в морской пене, из которой возникла его прародительница Афродита (Венера). Старшей сестрой его любовницы была Клеопатра Трифена, первая жена Птолемея Авлета и мать Клеопатры, занимающей сейчас египетский трон.

Одиннадцать лет назад, когда Цезарь был старшим консулом, он заключил сделку с Птолемеем Авлетом и теперь подумал о нем почти с нежностью. Авлету нужно было, чтобы Рим подтвердил его право на египетский трон, он очень хотел получить статус «друга и союзника римского народа». Цезарь, как старший консул, с удовольствием наделил его этим статусом в обмен на шесть тысяч талантов золотом. Тысяча талантов ушла Помпею, тысяча – Марку Крассу, а четыре тысячи дали Цезарю возможность сделать то, в чем сенат ему отказал, – набрать и вооружить необходимое количество легионов, чтобы покорить галлов и сдерживать германцев.

О Марк Красс! Как он рвался в Египет, сплошь покрытый, по его мнению, золотом и россыпями драгоценных камней! Снедаемый ненасытной алчностью, Красс добивался аннексии этой страны. Ему воспротивились восемнадцать старших центурий, верхушка торгового Рима, которые сразу поняли, что выиграет от этой акции один только Красс. Сенат мог считать, что он полностью контролирует Рим, но фактически правили им дельцы-плутократы. Рим был прежде всего экономическим организмом, опиравшимся на коммерцию в международном масштабе.

В конце концов Красс отправился искать свои горы золота и самоцветов в Месопотамии и погиб в Каррах. А царь парфян захватил там семь римских орлов. Цезарь знал, что когда-нибудь он пойдет в Экбатану и вырвет их из вражеских рук, что приведет еще к одной огромной перемене. Поглотив Парфянское царство, Рим, уже владеющий Западом, будет править и Востоком.

Показавшаяся вдали сияющая белая башня прервала течение мыслей Цезаря. Он стоял, восхищенно глядя, как она приближается. Знаменитый маяк Фароса, острова, словно бы отсекающего обе гавани Александрии от моря, был чудом света. Три шестиугольные секции, одна меньше другой в диаметре, уносились ввысь на триста футов. Их облицовка из белого мрамора слепила глаза, а на вершине постоянно горел огонь, отражаемый далеко в море во всех направлениях благодаря оригинальному устройству из тщательно отполированных мраморных плит (хотя днем огонь был почти не виден). Цезарь много читал о фаросской диковине и знал, что те же плиты защищают пламя от ветра. И ему очень хотелось подняться по шестистам ступеням и взглянуть на все самому.

– Хороший денек для входа в Большую гавань, – сказал ему лоцман-грек, неоднократно бывавший в Александрии. – Буйки будут отлично видны. Это заякоренные куски пробки, слева красные, справа желтые.

Цезарь читал и об этом, но вежливо наклонил голову к моряку, будто слышал впервые.

– В Большую гавань ведут три пролива – Стеганос, Посейдеос и Таврос, – продолжил словоохотливый лоцман. – Стеганос назван по имени скалы «Спина свиньи», которая расположена у конца мыса Лохий, где стоят дворцы. Посейдеос назван так, потому что он смотрит прямо на храм Посейдона. А Таврос назван в честь скалы «Рог быка», которая лежит у острова Фарос. В шторм – к счастью, они здесь редки – невозможно войти ни в ту ни в другую гавань. Мы, лоцманы не из местных, опасаемся заходить в гавань Евноста – там повсюду песчаные наносы и мели. Вот видишь, – продолжал он болтать, размахивая рукой, – рифы и скалы разбросаны на многие мили кругом. Маяк – это очень удобно для иноземных кораблей. Говорят, потребовалось восемьсот талантов золота, чтобы его построить.

Цезарь использовал своих легионеров в качестве гребцов: это было хорошим упражнением, снимало приступы раздражения, удерживало от ссор. Римские солдаты не любили находиться вдали от твердой земли, и многие ухитрились в течение всего плавания ни разу не посмотреть через борт корабля на воду: кто знает, что может оттуда вынырнуть?

Лоцман решил вести все корабли по проливу Посейдеос – сегодня он был самым спокойным из трех. Стоя один на носу, Цезарь любовался открывшейся панорамой. Великолепие красок, золото статуй и колесниц на фронтонах, ослепительно-белые стены бесчисленных зданий, купы деревьев и пальм. Несколько разочаровывало то, что весь этот вид был удручающе плоским, за исключением зеленого холма высотой футов двести и прибрежного нагромождения скал, образующих полукружие весьма поместительного амфитеатра. В прежние времена на месте театра стояла крепость Акрон, что означает «скала».

Город слева от театра выглядел намного богаче и грандиознее, – видимо, это Царский квартал, решил Цезарь. Обширный комплекс дворцов, стоявших на возвышениях с пологими ступенями, утопал в садах и пальмовых рощах. Но правее картина менялась. Всю прибрежную линию акватории занимали верфи, ремонтные доки, причалы, склады, тянущиеся до самого основания дамбы Гептастадий, соединяющей остров Фарос с материком. Эта насыпная дамба длиной в милю была прошита в центре двумя высокими арочными проходами для кораблей, обеспечивая таким образом связь Большой гавани с гаванью Евноста. Не там ли, кстати, прячутся сейчас суда Помпея? По эту сторону гигантской, облицованной мрамором насыпи их вроде бы не видно.

Плоская панорама не позволяла определить размеры Александрии, но Цезарю было известно, что если учесть и часть города, разросшуюся за старыми стенами, то население Александрии составит три миллиона человек, это самый большой город в мире. В Риме, в пределах Сервиевой стены, обитал один миллион жителей, в Антиохии – больше, но никто не мог соперничать с Александрией, а ведь со дня ее основания не прошло еще и трехсот лет.

Вдруг на берегу началось какое-то движение, появилось около сорока военных кораблей, на каждом – вооруженные люди. «О, молодцы! – подумал Цезарь. – За четверть часа – от мира к войне». Среди кораблей было несколько массивных квинквирем с большими бронзовыми таранами на носу. Все квадриремы и триремы тоже были снабжены таранами, но половина из них была с низкой посадкой, не позволяющей выходить в открытое море. Наверное, это таможенные суда, патрулирующие семь рукавов Дельты Нила, решил он. На подступах к Александрии римские транспорты никого не встретили, но это не значило, что их не заметили чьи-то острые глаза с высокого дерева в низовьях Дельты. Иначе чем объяснить мгновенную готовность египтян?

Хм. Своего рода комитет по приему гостей. Цезарь приказал горнисту трубить «к оружию», затем сигнальщики замахали флажками, предписывая всей римской флотилии остановиться и ждать. Цезарь приказал слуге уложить на нем складки *toga praetexta*, надел *corona civica* на свои редеющие светло-золотистые волосы, обул сенаторские калыцеи темно-бордового цвета с серебряными пряжками в форме полумесяца – знак старшего курульного магистрата.

Очень внушительный, он стоял и смотрел, как к его флагману приближается беспалубное, но ходкое судно, на носу которого возвышался сурового вида мужчина.

– По какому праву тыходишь в гавань Александрии, римлянин? – крикнул человек, как только его корабль подошел на расстояние в пределах слышимости.

– По праву любого мирного человека, желающего купить воды и провизии! – крикнул в ответ Цезарь.

– В семи милях западнее гавани Евноста есть ручей, там ты можешь взять воду. А провизию мы сейчас не продаем, так что уезжай!

– Боюсь, я не могу этого сделать, добрый человек.

– Ты хочешь войны? Нас уже сейчас больше, чем вас, а это лишь десятая часть того, что мы можем выставить!

– Я уже навоевался всласть, но, если ты настаиваешь, могу осилить еще одну войну, – сказал Цезарь. – Мы увидели хорошее представление, но есть по крайней мере пятьдесят способов, чтобы тебя сокрушить. Даже без моих остальных кораблей. Я – Гай Юлий Цезарь, диктатор.

Задиристый александриец пожевал губу.

– Хорошо, можешь сойти на берег, кто бы ты ни был, но твои корабли пусть останутся там, где стоят.

– Мне нужен полубаркас на двадцать пять человек, – крикнул Цезарь. – И лучше не мешкай, иначе нарвешься на неприятности, – с усмешкой добавил он.

Александриец гаркнул что-то гребцам, и суденышко отвалило.

За спиной Цезаря возник озабоченный Публий Руфрий.

– Кажется, у них очень много моряков, – сказал он, – но даже самые зоркие среди нас не смогли заметить на берегу ни одного солдата, кроме нескольких человек у дворца, – царская стража, я думаю. Как ты намерен поступить, Цезарь?

– Сойду на берег с моими ликторами. В лодке, которую мне подадут.

– Позволь мне спустить на воду наши лодки и послать с тобой солдат.

– Ни в коем случае, – спокойно отмел предложение Цезарь. – Твоя обязанность – держать наши суда вместе, следить, чтобы им не причинили вреда, и останавливать глупцов вроде Тиберия Нерона, чтобы они не поотрубили себе ноги своими же мечами.

Вскоре после этого большой полубаркас с шестнадцатью гребцами пристал к борту. Глаза Цезаря пробежали по ликторам, возглавляемым верным Фабием, проверяя их внешний вид. Да, все медные бляшки на широких черных кожаных поясах горят, малиновые туники чистые, без морщинок, бардовые кожаные калиги правильно зашнурованы. Фасции парни обнимают нежнее, чем кошки котят, красные кожаные ремешки завязаны крест-накрест, топорики грозно поблескивают среди тридцати красных прутьев. Удовлетворенный Цезарь легко, как юноша, прыгнул в лодку и устроился на корме.

Полубаркас направился к пирсу, соседствующему с театром, но вне стен Царского квартала. Там бесновалась толпа. Горожане, размахивая кулаками, на жуткой смеси греческого с македонским грозились убить иноземцев. Когда лодка причалила и ликторы вышли на пирс, толпа попятилась и застыла, очевидно пораженная спокойствием и величественным видом вновь прибывших. Потом опять зазвучали угрозы. Когда двадцать четыре ликтора построились в колонну по два человека, Цезарь без чьей-либо помощи вышел из лодки и остановился, поспешно поправляя складки тоги. Вскинув брови, он надменно посмотрел на толпу:

– Кто тут главный?

Оказалось, никто.

– Вперед, Фабий, вперед!

Ликторы вошли в толпу, как нож в масло. Цезарь следовал за ними. Это лишь словесные угрозы, думал он, улыбаясь налево и направо. Интересно. Выходит, молва не врет: александрийцы действительно не любят римлян. Но где же Помпей Магн?

В стене Царского квартала замечательные ворота: боковые пилоны сверху соединены прямоугольной перемышкой, везде позолота, многоцветие красок. На воротах изображены какие-то символы, странные двухмерные сцены. А вот и стражники! Руфрий был прав, они неплохо смотрятся в греческом снаряжении: полотняные латы с нашитыми серебряными пластинами, яркие пурпурные туники, высокие коричневые сапоги, серебряные шлемы с наносниками и плюмажем из конских крашенных хвостов. Прекрасно, но не для боя, а скорее для уличных потасовок. Заинтригованный Цезарь покачал головой. Наверное, хроники этого царского дома не врут. Всегда есть толпа александрийцев, которая может войти во дворец и заменить одного Птолемея другим – все равно какого пола.

– Стой! – крикнул начальник стражи, хватаясь за рукоять меча.

Цезарь прошел по коридору из ликторов и послушно остановился.

– Я хотел бы увидеть царя и царицу, – сказал он.

– Ты не можешь видеть ни царя, ни царицы, римлянин. Разговор окончен. Вернись на свой корабль и уплывай.

– Доложи их царским величествам, что я – Гай Юлий Цезарь.

Начальник стражи громко фыркнул:

– Ха! Если ты Цезарь, тогда я – Таверет, богиня-гиппопотам!

– Не следует все упоминать имена богов.

Стражник метнул на него сердитый взгляд:

– Я не грязный египтянин. Я – александриец! И мой бог – Серапис. А теперь уходи!

– Но я действительно Цезарь.

– Цезарь сейчас в Малой Азии. Или в Анатолии, или еще где-нибудь.

– Сейчас Цезарь в Александрии и очень вежливо просит аудиенции у их величеств.

– Хм, я не верю тебе.

– Хм, тебе лучше поверить, иначе гнев Рима обрушится на Александрию и у тебя не будет работы. Как и у вашей царицы с царем. Посмотри на моих ликторов, олух! И если умеешь считать, сосчитай их! Двадцать четыре, правильно? А впереди какого римского курульного магистрата идут двадцать четыре ликтора? Только впереди диктатора. Теперь пропусти меня и сопроводи в зал для аудиенций, – весело закончил Цезарь.

Несмотря на свой грозный вид, начальник стражи испугался. Надо же вляпаться в такую историю! Никто не знал лучше, чем он, что во дворце никого нет: ни царя, ни царицы, ни управляющего двором. Ни души, обладающей достаточными полномочиями, чтобы разобраться с этим заносчивым чужаком, путь которому и впрямь расчищают двадцать четыре ликтора. Вдруг это Цезарь? Конечно нет! Что делать Цезарю в Александрии? Тем не менее перед ним стоял римлянин, завернутый в нелепое белое одеяло с пурпурной каймой, с какими-то листьями на голове, с каким-то жезлом из слоновой кости на голой правой руке, между сжатой в кулак ладонью и согнутым локтем. Без меча, без лат, поблизости ни одного солдата.

Македонские предки и богатый отец помогли купить ему должность, но способность быстро соображать к этому не прикладывалась. Все же, все же... Он облизнул губы и вздохнул:

– Хорошо, римлянин, я проведу тебя в зал для аудиенций. Только не знаю, что ты будешь там делать. Во дворце сейчас никого нет.

– Правда? – спросил Цезарь, пропуская вперед себя ликторов, что заставило начальника стражи спешно послать человека, чтобы тот показал им дорогу. – А где же все?

– В Пелузии.

– Ясно.

Несмотря на разгар лета, денек выдался отменный. Никакой духоты, легкий бриз отгоняет жару, от цветущих деревьев исходит ласкающий обоняние аромат, какие-то колокольчики беспрестанно кивают головками. А дорога вымощена желтовато-коричневым мрамором, отполированным до зеркального блеска. Наверное, тут скользко во время дождя. Идут ли, кстати, дожди в Александрии?

– Восхитительный климат, – заметил он.

– Лучший в мире, – откликнулся стражник.

– Значит, я – первый римлянин, которого вы тут видите за последнее время?

– Во всяком случае, первый, который объявляет, что он поважней наместника. С год назад приезжал Гней Помпей. Требовал у царицы военный флот и пшеницу. – Александриец захихикал. – Очень невежливый молодой человек. Отказался войти в наше положение, хотя царица сказала ему, что в стране голод. О, она надула его! Шестьдесят транспортов набили финиками, и он их увез.

– Финиками?

– Финиками. И он отплыл, думая, что увозит пшеницу.

– О боги, бедный Гней Помпей-младший! Наверняка отец его был недоволен. Зато Лентул Крус, наверное, радовался. Эпикурейцы любят экзотические яства.

Зал для аудиенций, судя по его размерам, помещался в отдельном строении. Вероятно, при нем имелись комнаты для отдыха приезжающих с визитом послов, но определенно не для проживания. Это был тот же зал, в котором принимали Гнея Помпея: огромный, пустой, с отполированным мраморным полом, украшенным сложным многоцветным узором. Стены щедро покрыты позолотой либо расписаны странными плоскими фигурами и растениями. Пурпурное мраморное возвышение с двумя тронами. Один резной, из черного дерева и золота, – наверху; другой такой же, но меньших размеров, – ярусом ниже. Больше никакой мебели.

Оставив Цезаря и его ликторов в пустом зале, начальник стражи поспешно вышел – наверное, поискать кого-нибудь, кто сможет их принять.

Встретившись взглядом с Фабием, Цезарь усмехнулся:

– Ну и ситуация!

– Мы бывали и в худших ситуациях, Цезарь.

– Не искушай Фортуну, Фабий. Интересно, что чувствуешь, когда сидишь на троне?

Цезарь быстро взбежал по ступенькам и осторожно сел на великолепное кресло. Его золотые, инкрустированные драгоценностями детали были удивительны при близком рассмотрении. Вот что-то похожее на глаз, со странно вытянутой треугольной слезой во внешнем углу. Голова кобры, жук-скарабей, лапы леопарда, человеческая нога, странный ключ, какие-то символы.

– Удобно ли тебе, Цезарь?

– Ни один стул со спинкой не может быть удобным для человека в тоге, поэтому мы сидим на курульных креслах, – ответил Цезарь.

Он расслабился и закрыл глаза.

– Устраивайтесь на полу, – сказал он немного погодя. – Кажется, ждать придется долго.

Два молодых ликтора вздохнули с облегчением, но Фабий покачал головой:

– Нельзя, Цезарь. Мы будем выглядеть нелепо, если кто-нибудь вдруг войдет.

Без водяных часов трудно было определить, сколько времени пробежало. Может, полдня, может, день. Ликторы совершенно измаялись, но их полукруг не ломался. Фасции поставлены на ступени, руки лежат на топориках. Цезарь не шевелился, погруженный в одну из своих знаменитых кошачьих дремот.

– Эй, сойди с трона! – выкрикнул молодой женский голос.

Цезарь открыл один глаз, но не двинулся.

– Я сказала, сойди с трона!

– Кто это смеет приказывать мне? – спросил Цезарь.

– Царевна Арсиноя из династии Птолемеев!

Услышав это, Цезарь выпрямился, но не встал, а лишь в упор посмотрел на девушку, подступившую к подножию возвышения. За ней следовали маленький мальчик и двое мужчин. Цезарь решил, что ей на вид лет пятнадцать. Полногрудая, рослая, с гривой золотистых волос. Голубые глаза, лицо могло быть вполне приятным, если бы его не портила злая гримаса. Высокомерная, мстительная, авторитарная особа. Одетая в греческом стиле, но платье сшито из тирского пурпура очень темного цвета, при малейшем движении отливающего сливовым и малиновым. В волосах диадема, усыпанная драгоценностями, вокруг шеи потрясающей роскоши ожерелье-воротник, на голых руках избыток браслетов. Мочки ушей сильно оттянуты тяжелыми серьгами.

Мальчик выглядел лет на десять, не больше, и очень походил на сестру. То же лицо, та же кожа, тот же тирский пурпур. И греческая хламида вдобавок.

Ясно, что двое мужчин – своего рода воспитатели. Тот, что с покровительственным видом стоит возле мальчика, – пустое место, слабак. С другим, что при Арсиное, придется считаться. Высокий, хорошо сложенный, светлокожий. Взгляд умный, расчетливый, рот волевой.

– И куда же нам идти отсюда? – спокойно спросил Цезарь.

– Никуда, пока ты не падешь передо мной ниц! В отсутствие царя я правлю в Александрии, и я приказываю тебе сойти оттуда и пасть ниц! – отрезала Арсиноя. Она зло посмотрела на ликторов. – Вы все – тоже на пол!

– Ни Цезарь, ни его ликторы не подчиняются командам глупых царевен, – тихо сказал Цезарь. – В отсутствие царя я правлю в Александрии на основании пунктов завещания Птолемея Александра и вашего отца Авлета. – Он подался вперед. – А теперь, царевна, перейдем к делу. И не дуйся, как избалованный ребенок, иначе я прикажу одному из моих ликторов вытащить прут из его фасций и отстегать тебя. – Взгляд его остановился на стоящем рядом с ней человеке. – Ты кто?

– Ганимед, евнух. Воспитатель и телохранитель царевны.

– Ганимед, ты вроде похож на здравомыслящего человека, так что я буду разговаривать только с тобой.

– Нет, со мной! – крикнула Арсиноя, лицо ее пошло пятнами. – Немедленно сойди с трона!

– Придержи язык! – резко оборвал ее Цезарь. – Ганимед, мне нужна резиденция для меня и моих старших офицеров, а также в достаточном количестве свежий хлеб, овощи, масло, вино, яйца и вода для войска, которое останется на кораблях, пока я не разберусь, что здесь происходит. Плохи дела, когда диктатора Рима встречают с тупой и бесцельной враждебностью. Ты понимаешь меня?

– Да, великий Цезарь.

– Хорошо! – Цезарь поднялся и сошел вниз по ступеням. – Вот тебе первое поручение: уведи подальше этих двух несносных детей.

– Я не могу этого сделать, Цезарь, если тебе нужно мое присутствие.

– Почему?

– Долихос – мужчина. Он может увести царевича Птолемея Филадельфа, но не царевну. Ей нельзя находиться в мужском обществе без присмотра.

– Есть ли здесь еще кастраты? – спросил Цезарь с кривой улыбкой: Александрия, кажется, презабавнейший город.

– Конечно.

– Тогда ступай с детьми, приставь к царевне Арсиное кого-нибудь вроде себя и поскорей возвращайся.

Царевна Арсиноя, выбитая из колеи властным окриком, хотела что-то сказать, но Ганимед твердо взял ее за плечо и вывел из зала. Мальчик Филадельф и его воспитатель тоже поспешили уйти.

– Ну и ситуация! – сказал Цезарь Фабию.

– Еще немного – и я бы взялся за прут. У меня просто руки чесались.

– У меня тоже, – вздохнул великий человек. – Все эти Птолемеи довольно своеобразны.

По крайней мере, хоть Ганимед кажется вполне разумным человеком, но он, к сожалению, не царских кровей.

– Я думал, евнухи толстые и похожи на женщин.

– Те, кого кастрируют в детском возрасте, – да. А после наступления половой зрелости кастрация мало влияет на правильное развитие организма.

Вернулся Ганимед. На лице осторожная, но не заискивающая улыбка.

– Я к твоим услугам, великий Цезарь.

– Достаточно просто Цезарь. А теперь ответь, почему двор в Пелузии?

Евнух удивился.

– Идет война, – сказал он.

– Какая война?

– Война между нашим царем и нашей царицей. В начале года цены на продовольствие взлетели, и Александрия восстала. Обвинили царицу, ведь царю лишь тринадцать. – Лицо Ганимеда омрачилось. – Мира здесь давно уже нет. На царя большое влияние имеют воспитатель Теодат и главный дворцовый управляющий Потин. Это очень честолюбивые люди. Царица Клеопатра – их враг.

– Я так понимаю, что она убежала?

– Да, на юг, в Мемфис, к египетским жрецам. Ведь она является также и фараоном.

– Как и любой из Птолемеев, восходящих на трон?

– Нет, Цезарь, далеко не любой. Отец нашей царицы Авлет, например, не носил этого титула. Он свысока смотрел на жрецов, и те платили ему тем же. А ведь они имеют огромное влияние на коренных египтян. Авлет не учитывал этого. Царица же Клеопатра всегда была с ними дружна и даже жила в Мемфисе одно время. Вот жрецы и провозгласили ее фараоном. Царь и царица – это александрийские титулы. В Египте Нила – в настоящем Египте – эти титулы веса не имеют.

– Значит, царица-фараон убежала в Мемфис к жрецам. А почему не в другую страну, как ее отец, когда его скинули с трона? – удивленно спросил Цезарь.

– В чужие страны Птолемеи обычно бегут без гроша. Александрия больших сокровищ не копит. Поэтому если Птолемей не фараон, то денег ему взять негде. А Клеопатра, как фараон, велела жрецам Мемфиса дать ей денег. И получила достаточно, чтобы нанять в Сирии армию. Теперь она с войском стоит под Пелузией, на северном склоне горы Касий.

Цезарь нахмурился:

– Горы? Не думал, что тут есть горы. Во всяком случае, до Синая.

– Это просто высокая дюна.

– Ага. Продолжай.

– Командующий Ахилла привел царскую армию к южному склону горы и там стал лагерь. А недавно Потин с Теодатом перегнали в Пелузий военные корабли. И повезли туда же нашего маленького царя. Похоже, будет сражение.

– Значит, Египет или, скорее, Александрия втянуты в гражданскую войну, – сказал Цезарь, расхаживая по залу. – Видел ли кто-нибудь здесь Гнея Помпея Магна?

– Об этом я ничего не знаю, Цезарь. Определенно он не в Александрии. Это правда, что ты победил его в Фессалии?

– О да. Разбил наголову. Некоторое время назад он покинул Кипр, и я полагал, что он направился в Египет.

«Нет, – подумал Цезарь, искоса наблюдая за Ганимедом, – этот человек действительно не знает, где сейчас находится мой старый друг и противник. Тогда где же Помпей? Может быть, его тоже послали к тому ручью в семи милях от гавани Евноста и он поплыл дальше, в Киренаику?»

Он вдруг остановился.

– Очень хорошо. Кажется, мне придется применить родительскую власть в отношении этих глупых детей и примирить их. Поэтому ты пошлешь двух гонцов в Пелузий. Одного к царю Птолемею, другого к царице. Я требую, чтобы они оба явились сюда, в их дворец. Это ясно?

Ганимед смутился.

– С царем я не предвижу никаких трудностей, Цезарь, но царица сюда не поедет. Как только она появится, толпа набросится на нее. – Он презрительно вздернул верхнюю губу. – Любимое занятие александрийцев – рвать на куски неугодных правителей. На рыночной площади, где много места. – Он кашлянул. – Должен добавить, Цезарь, что и тебе ради собственной безопасности никуда не надо бы выходить. Город сейчас во власти смутьянов.

– Хорошо, Ганимед. Делай, что можешь. А теперь покажи мне мои комнаты. И проследи, чтобы римских солдат хорошо накормили. Естественно, я заплачу за каждую каплю, за каждую крошку. Даже по вашим теперешним ценам.

– Итак, – сказал Цезарь Руфрию за поздним обедом в своих новых покоях, – мне пока ничего не удалось узнать о судьбе бедного Магна, но я боюсь за него. Ганимед о нем не слышал, однако я не доверяю этому человеку. Если другой евнух, Потин, стремится править через малолетнего Птолемея, то почему бы Ганимеду не делать ставку на Арсиною?

– Конечно, они поступили с нами низко, – заметил Руфрий, оглядывая помещение. – Сулили хоромы, а поместили в лачуги. – Он усмехнулся. – Особенно страдает Тиберий Нерон. Он выбит из колеи тем, что вынужден делить жилье еще с одним военным трибуном, а отсутствие приглашения отобедать с тобой и вовсе его убивает.

– И почему, скажи на милость, ему так хочется разделить трапезу с самым распоследним из римских эпикурейцев? Эти аристократы совершенно несносны. Да оградят меня боги от них!

«А сам-то он кто? – улыбаясь про себя, подумал Руфрий. – Такой же несносный аристократ. Правда, его несносность не связана с древностью рода. И его бесит необходимость брать на службу таких болванов, как Нерон, только потому, что тот патриций из рода Клавдиев. Но Цезарь не может сказать об этом, не нанеся мне оскорбления».

Еще два дня римский флот болтался на якоре с пехотой на борту. Только германскую кавалерию истолкователь повелений фараона с большой неохотой позволил высадить на берег и разместить за осыпающимися городскими стенами, на лугах возле озера Мареотида. Местные жители побаивались этих странных варваров, которые ходили почти голые, с татуировками и убрали свои ни разу не стриженные волосы в замысловатые узлы и валики на макушках. Кроме того, они ни слова не понимали по-гречески.

Проигнорировав предупреждение Ганимеда, Цезарь все эти два дня исследовал Александрию в сопровождении одних только ликторов, не обращая внимания на опасность. В Александрии обнаружились чудеса, достойные его внимания: маяк, Гептастадий, водопровод и дренажная система, стоянки военных кораблей, здания, люди.

Сам город занимал сравнительно узкую полосу известняка, отделявшую море от огромного пресноводного озера, даже в очень знойные годы снабжавшего александрийцев вкус-

ной питьевой водой. Расспросы позволили Цезарю заключить, что озеро питается нильской водой посредством каналов, связывающих его с самым западным, Канопским рукавом Нила. Поскольку Нил поднимался в разгар лета, а не ранней весной, озеро Мареотида избегало обычной участи озер, питаемых рекой, – застойности и москитов. Один из этих каналов длиной в двадцать миль был достаточно широк, чтобы пропускать в обе стороны баржи и таможенные корабли. Он всегда был забит судами.

Единственный канал, выходящий из озера Мареотида, заканчивался в Западной гавани неподалеку от городских ворот Луны. Ряд больших бронзовых шлюзных ворот, встроенных в его стены, поднимался и опускался с помощью системы блоков от лебедок, приводимых в движение волами. Водоснабжение города обеспечивали отлого спускающиеся трубы. От берега до берега канал также перекрывали шлюзы, что позволяло вычищать со дна ил.

Первым делом Цезарь взошел на Панейон, насыпной холм из земли и камней. Засаженный кустами и низкорослыми пальмами, он давно уже превратился в буйно разросшийся сад. Мощеная спиральная дорога вилась по его склонам до самого верха. Искусственные ручейки с водопадами стекали в водоотвод у подножия холма. С вершины его открывался вид на многие мили вокруг благодаря равнинному ландшафту.

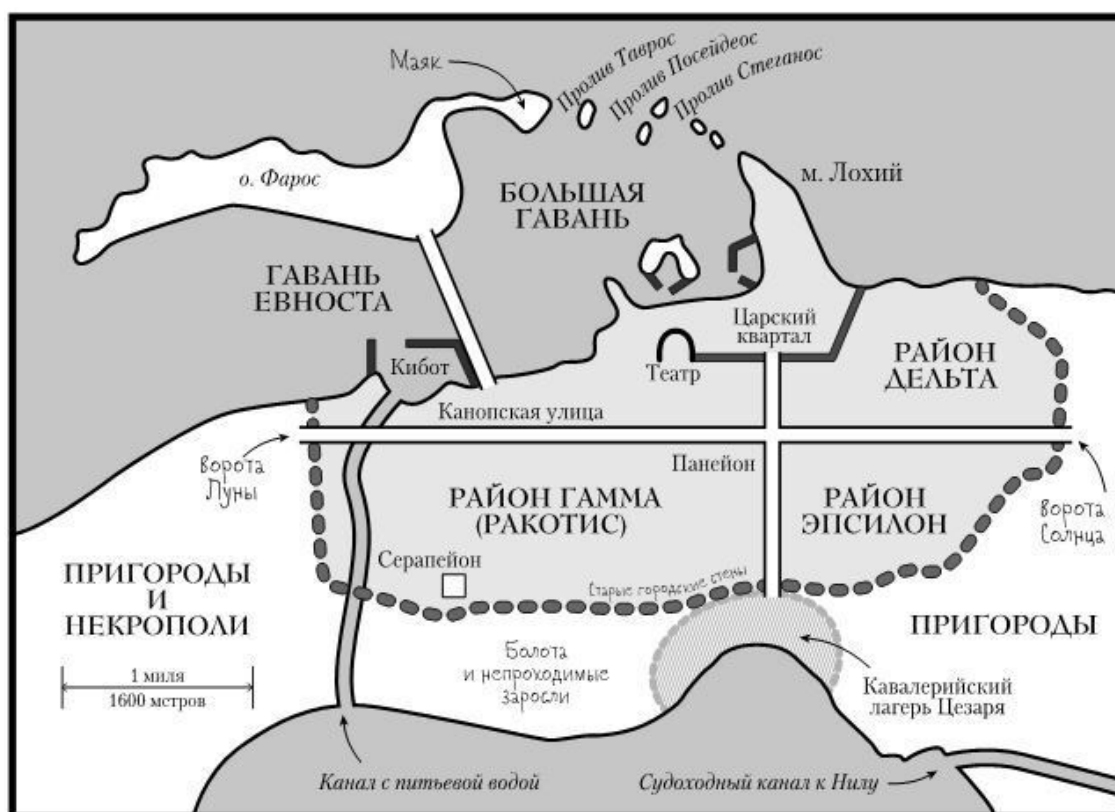
Город был расчерчен словно по линейке, ни узких улочек, ни закоулков. Все улицы были широкими, но две из них казались намного шире всех дорог, какие приходилось видеть Цезарю, – более ста футов от одной водосточной канавы до другой. Канопская улица шла от ворот Солнца на востоке города к воротам Луны на западе. Царская улица – от ворот в стене Царского квартала к южной стене. Знаменитая на весь мир библиотека Мусейон находилась внутри Царского квартала, но другие главные общественные строения были расположены на пересечении этих двух улиц: рыночная площадь, гимнасий, суды, Панейон, или холм Пана.

В названиях районов Рима имела своя логика – они повторяли названия семи холмов, на которых построен город, или долин между ними. Педантичные македонские архитекторы разделили раскинувшийся на равнине город на пять районов: Альфа, Бета, Гамма, Дельта и Эпсилон. Царский квартал находился в районе Бета. К востоку от него лежал район Дельта, где жили сотни тысяч евреев, которые проникли и южнее, в район Эпсилон, приют многих тысяч метиков – иноземцев с правами проживания, но не гражданства. Район Альфа объединял прибрежную полосу обеих гаваней Александрии, отделенную Канопской улицей от района Гамма, известного также как Ракотис – так звалась деревушка, на месте которой и возник этот город.

Большинство горожан, проживавших в пределах старых стен Александрии, были людьми в лучшем случае умеренного достатка. Состоятельные же александрийцы, все чистокровные македонцы, жили в прекрасных предместьях западнее ворот Луны, среди лугов и садов, рядом с обширным некрополем. Богатые иноземцы, в том числе римские торговцы, тоже жили вне стен, восточнее ворот Солнца. Расслоение, думал Цезарь. Всюду, куда ни кинь взгляд.

Социальное расслоение было очень жестким – никаких «новых людей» в Александрии!

В этом городе с трехмиллионным населением только триста тысяч являлись гражданами Александрии – все они были македонцами, потомками тех македонцев, что пришли сюда первыми, и они яростно защищали свои привилегии. Все высшие должностные лица государства были македонцами: истолкователь, писец, главный судья, управляющий казной, командир ночной стражи. Фактически македонцы занимали все ответственные государственные посты как в коммерческой, так и в политической сфере. Нижние слои горожан также разделялись по крови. Ближе всех к городской знати стояли смешавшиеся с македонцами греки, потом шли греки, потом евреи и прочие иноземцы. Самый низший класс составляли потомки греков и коренных египтян. А причина всех городских потрясений, как понял Цезарь, коренилась в постоянной нехватке продовольствия. Александрия, в отличие от Рима, свою бедноту не кормила и не собиралась кормить. Поэтому здешняя чернь была агрессивна и имела большую силу. «Хлеба и зрелищ» – замечательная политика. Корми толпу, развлекай толпу, и она позабудет о мятежах. Как же слепы эти восточные правители!

Две особенности социального устройства изумляли Цезаря больше всего. Первая заключалась в том, что коренным египтянам запрещалось жить в Александрии. Другая была еще более странной. Знатный отец-македонец намеренно кастрировал своего самого умного, самого перспективного сына, чтобы открыть юноше путь к службе во дворце, где у него появлялся шанс получить самую высокую должность – управляющего хозяйством и казной. Иметь родственника во дворце значило пользоваться благосклонным вниманием царя и царицы. Как бы александрийцы ни презирали коренных египтян, думал Цезарь, они переняли у них очень многое, что привело к столь поразительной смеси Востока и Запада.

Но отнюдь не все его время посвящалось подобным раздумьям. По-прежнему игнорируя угрозу, исходящую от возмущенных горожан, Цезарь скрупулезно оценивал оборонительные ресурсы Александрии, ничего, впрочем, не записывая и полагаясь лишь на свою феноменаль-

ную память. Никогда не знаешь, что и где тебе пригодится. Укрепления в основном шли по берегу. Александрия не боялась нападения с суши. Враг, если такое случится, придет с моря, и этим врагом обязательно будет Рим.

А потому в нижнем восточном углу гавани Евноста и появился Кибот («Коробка») – сильно укрепленная внутренняя бухта, защищенная стенами, толстыми, как стены Родоса. Вход в бухту преграждали массивные цепи, ее периметр щетинился всеми видами артиллерии, а береговая линия была сплошь заставлена доками для кораблей. На пятьдесят – шестьдесят добротных военных галер, решил Цезарь. А по берегу гавани Евноста доков еще больше.

Да, Александрия была уникальным соединением природной красоты и искусной функциональной инженерии. Но идеальной она – увы! – не являлась. В ней оставалось место и для трущоб, и для преступлений. Широкие улицы в более бедных районах Гамма (Ракотис) и Эпсилон были покрыты толстым слоем гниющих отходов и падали, а в нескольких шагах от двух главных улиц уже трудно было найти общественный фонтан или уборную, не говоря уже о банях, которых попросту не было.

И еще одно местное помешательство: ибисы. Священные птицы двух видов – белые и черные. Убивать их было нельзя. Иноземца, ненароком или по неведению причинившего вред этим пернатым, толпа тащила на рыночную площадь и рвала на куски. Хорошо сознавая, что никто не осмелится их тронуть, ибисы самым бессовестным образом пользовались своим исключительным положением.

Когда Цезарь прибыл, они были в городе – как всегда, прилетели из Эфиопии на время летних дождей. Летали они хорошо, но в Александрии отказывались это делать. И стояли тысячами на улицах, порой образуя над мостовыми сплошной живой слой. Их обильные и довольно жидкие испражнения покрывали все улицы, и горожане, даже самые знатные, пряча свою гордость, были вынуждены по ним ступать. Ибо Александрия по каким-то, должно быть религиозным, соображениям не считала нужным убирать эту грязь. Возможно, когда птицы улетали, город устраивал генеральную уборку, но... Но пока что владельцы повозок должны были нанимать специальных людей, которые шли перед ними, распугивая недовольно попискивающих пернатых. В пределах Царского квартала к делу подключали рабов. Те бережно отлавливали птиц, сажали в клетки и потом выпускали подальше от города.

Зато ибисы с ненасытной прожорливостью поедали тараканов, пауков, скорпионов, жуков и улиток, а также подбирали отбросы, оставляемые на улицах рыботорговцами, мясниками и пирожниками. Если бы не это, их можно было бы счесть сущим наказанием для Александрии, подумал Цезарь, забавляясь тем, с какой осторожностью ликторы расчищают ему дорогу.

На третий день одинокая баржа прибыла в Большую гавань, откуда гребцы доставили ее в Царскую гавань – закрытую акваторию, примыкающую к мысу Лохий. Руфрий сообщил о прибытии баржи Цезарю, и он нашел среди пальм местечко, откуда можно было скрытно наблюдать за разгрузкой.

Баржа была очень большой – настоящий плавающий дворец, весь в золоте и пурпуре, с огромной, как храм, каютой, обнесенной колоннами.

На причал были спущены несколько паланкинов, каждый из которых несли шесть человек одинакового роста и телосложения. Паланкин царя был позолочен, усыпан драгоценностями, занавешен тирским пурпуром и украшен плюмажем из пушистых пурпурных перьев на каждом углу крыши, покрытой фаянсовой плиткой. Царя – смазливый мальчишка, недовольного и надутого, – с величайшей осторожностью перенесли на руках из храма-каюты к паланкину. За царем следовал статный высокий мужчина с пепельными кудрями и красивым тонким лицом. Судя по его одеянию, цвет которого являл нечто среднее между царским пурпуром

и ярко-красными туниками телохранителей, и тяжелому золотому украшению замысловатого фасона, это был Потин, главный дворцовый управляющий. Затем появился худощавый женоподобный пожилой мужчина в одеянии поскромнее. Накрашенные кармином губы и нарумяненные щеки кричаще выделялись на его нагловатом лице. Теодат, воспитатель. Всегда полезно увидеть противника прежде, чем он увидит тебя.

Цезарь поспешил вниз, к своему жалкому обиталищу, и стал ждать, когда его позовут.

Ожидание затянулось, но через какое-то время он снова следом за ликторами вошел в зал для аудиенций. Мальчик-царь сидел почему-то не на верхнем троне, а на нижнем. «Любопытно, – подумал Цезарь. – Его старшая сестра отсутствует, но он, видимо, не чувствует необходимости уверенности, чтобы занять ее место». Царь был в облачении македонских царей: туника тирского пурпура, плащ-хламида и широкополая шляпа из тирского пурпура с белой лентой-диадемой, повязанной вокруг высокой тульи.

Аудиенция была очень официальной и очень короткой. Царь, непрестанно поглядывая на Теодата, произнес затверженный текст, после чего Цезаря отпустили, не дав ему возможности что-либо сказать о цели его приезда.

Потин догнал его в коридоре:

– Могу я с тобой поговорить, великий Цезарь?

– Можно просто Цезарь. У меня или у тебя?

– Лучше у меня. Я должен извиниться, – продолжил Потин масляным тоном, семеня рядом с быстро шагающим Цезарем, – за помещение, которое тебе отвели. Глупо и оскорбительно. Этот идиот Ганимед должен был поселить тебя во дворце для гостей.

– Ганимед – идиот? Я так не думаю, – возразил Цезарь.

– Его представление о себе выше его реального положения.

– А-а!

У Потина был собственный дворец, расположенный на самом мысу Лохий, с великолепным видом на море, а не на гавань. При желании этот вельможа, отворив специальную дверь, мог босиком побегать по мелководью, не опасаясь замарать свои нежные ножки.

– Неплохо, – сказал Цезарь, сядя на кресло без спинки.

– Могу я предложить тебе вина? Самосского или хиосского?

– Никакого, благодарю.

– Тогда родниковой воды? Или травяного чая?

– Нет.

Потин сел напротив, пристально глядя на гостя непроницаемыми серыми глазами. «Он не царь, но держится словно царь. Лицо постаревшее, но все еще красивое, а глаза внушают страх. Пугающе умные глаза, взгляд очень холоден. Может быть, даже холоднее, чем мой. Прекрасно владеет собой, настоящий политик. Будет сидеть целый день, ожидая, когда с ним заговорят. Ладно, меня это устраивает. Я не прочь начать первым, для меня это даже неплохо».

– Что привело тебя в Александрию, Цезарь?

– Гней Помпей Магн. Я ищу его.

Потин заморгал, искренне удивленный:

– Ты лично ищешь того, кого разгромил? Разве у тебя нет легатов?

– Есть, конечно, но мне нравится оказывать честь моим противникам, а какая же честь в легате, Потин? Двадцать три года мы с Помпеем Магном сотрудничали и дружили, одно время он был моим зятем. И противостояние в гражданской войне не может изменить нашего отношения друг к другу.

Лицо Потина побелело. Он поднес свой бесценный кубок к губам и жадно глотнул, словно у него во рту пересохло.

– Вы были друзьями, но сейчас Помпей Магн – твой враг.

– Враги приходят из чужих земель, Потин, а не из своего народа. Противник – более подходящее слово. Нет, я ищу его не как мститель, – сказал Цезарь, не поведя и бровью, хотя где-то внутри его возник холодный комок. – Моя линия поведения – милосердие, и я буду продолжать политику милосердия. Я ищу Помпея Магна, чтобы протянуть ему руку дружбы. Нехорошо входить в сенат, где сидят одни лизоблюды.

– Я не понимаю, – сказал Потин, совсем уже белый.

«Нет-нет, нельзя говорить этому человеку о том, что мы сотворили в Пелузии! Мы все перепутали, мы совершили непростительную ошибку. Судьба Помпея Магна должна оставаться нашей тайной. Теодат! Я должен предупредить его, мне надо найти предлог выйти!»

Но не получилось. Теодат вошел уверенно, по-хозяйски, в сопровождении двух слуг, несущих большой широкогорлый кувшин. Они поставили его на пол и замерли.

Сам Теодат смотрел только на Цезаря, оценивая, изучая.

– Великий Гай Юлий Цезарь! – пропел он. – О, какая честь! Я – Теодат, воспитатель его величества, и я принес тебе подарок, великий Цезарь! – Он хихикнул. – Строго говоря, я принес два подарка!

Цезарь молчал. Он сидел, как всегда, прямо, держа в правой руке жезл из слоновой кости – знак его полномочий, а левой придерживая складки тоги. Благородный чувственный рот с чуть насмешливо приподнятыми уголками вдруг сжался, губы сделались тонкими, а глаза превратились в две льдинки с черными ободками вокруг радужной оболочки.

В блаженном неведении Теодат шагнул вперед и протянул руку. Цезарь положил жезл на колени и принял от царского воспитателя кольцо с печатью. Голова льва, вокруг гривы надпись: «ГН ПОМП МАГ». Он не взглянул на кольцо, просто сжал его в кулаке так, что костяшки пальцев побелели.

Один из слуг поднял крышку кувшина, другой сунул руку внутрь, немного пошарил там и вынул мертвую голову за густые серебристые волосы, потускневшие от окиси натрия, капающей в широкогорлую емкость.

Лицо спокойное, опущенные веки скрывают ярко-голубые глаза, с невинным выражением смотревшие, бывало, на собравшихся в сенате, – глаза избалованного ребенка, каким он и был. Курносый нос, небольшой тонкогубый рот, срезанный подбородок, круглое лицо галла. Все хорошо сохранилось, хотя чуть веснушчатая кожа стала серой и похожей на выделанную кожу животного.

– Кто это сделал? – спросил Цезарь у Потина.

– Ну конечно же мы! – воскликнул Теодат с довольным видом. Он был горд собой. – Я сказал Потину: мертвецы не кусаются. И мы, великий Цезарь, уничтожили твоего врага. Фактически даже двух! Через день прибыл Лентул Крус, так мы и его убили. Но решили, что его голова тебе вряд ли понадобится.

Цезарь молча встал и направился к двери. Открыв ее, он крикнул:

– Фабий! Корнелий!

Тут же вошли два старших ликтора. Только суровая многолетняя школа позволила им сдержать восклицания при виде отрубленной головы, с которой все еще что-то капало.

– Полотенце! – приказал Цезарь Теодату и забрал голову у слуги, который ее держал. – Принесите мне полотенце! Пурпурное!

Отреагировал только Потин. Он щелкнул пальцами и грозно взглянул на обескураженного слугу:

– Ты слышал? Пурпурное полотенце. И быстро!

Сообразив наконец, что великий Цезарь недоволен, Теодат с открытым ртом уставился на него.

– Но, Цезарь, мы же устранили твоего врага! – выкрикнул он. – Мертвые не кусаются!

Голос Цезаря был ужасающе тих:

– Придержи язык, ты, жеманный педик! Что ты знаешь о Риме и о римлянах? Что же вы за люди, если решаетесь на такое? – Он посмотрел на мокрую голову. – О Магн, почему ты, а не я? – И повернулся к Потину. – Где его тело?

Худшее уже случилось. Потин решил идти до конца.

– Понятия не имею. Оно было оставлено в Пелузии, на берегу.

– Тогда найди его, слышишь, кастрат, или я набью твою пустую мошонку тем, что останется от Александрии! Неудивительно, что тут все гниет. Ни вы, ни ваш кукольный царь ни на что дельное не способны! Сидите тихо, иначе ваши дни сочтены!

– Я хочу напомнить тебе, Цезарь, что ты наш гость и что у тебя сейчас недостаточно войска для нападения.

– Я не гость, я ваш хозяин. У весталок Рима все еще хранится завещание последнего законного царя Египта, Птолемея Одиннадцатого, а у меня на руках завещание покойного Птолемея Двенадцатого. Поэтому я беру бразды правления в свои руки до тех пор, пока не разберусь в ситуации и не решу, как с вами быть. Перенесите мои вещи в гостевой дворец и сегодня же разместите на берегу мою пехоту. В городских стенах. Вы думаете, я не сумею разрушить Александрию с теми людьми, которые у меня есть? Напрягите мозги!

Принесли полотенце из тирского пурпура. Фабий взял его за концы, сделав что-то вроде люльки. Цезарь поцеловал Помпея в лоб, положил голову на полотенце и благоговейно завернул ее. Фабий хотел забрать жуткий сверток, но Цезарь вместо этого вручил ему жезл.

– Нет, я понесу сам. – У двери он обернулся. – Я хочу, чтобы около гостевого дворца сложили небольшой погребальный костер. Еще мне нужны ладан и мирра. И найдите тело!

Он плакал несколько часов, прижимая к груди голову друга, и никто не смел беспокоить его. Наконец, когда совсем стемнело, вошел Руфрий, неся зажженную лампу, и сказал, что все готово и все вещи перенесены во дворец, так, может быть, Цезарь тоже перейдет туда? Он помог командующему подняться, словно тот был стариком, и провел его по дорожке, освещенной масляными лампами, заключенными в шары, изготовленные знаменитыми александрийскими стеклодувами.

– О Руфрий! Не думал я, что этим все кончится!

– Я знаю, Цезарь. Но есть и хорошие новости. Из Пелузии прибыл вольноотпущенник Помпея Филипп. У него с собой прах его господина. Он сам сжег тело на берегу, после того как уплыли корабли убийц. Поскольку его обязанностью было носить кошелек Помпея, он смог очень быстро перебраться через Дельту.

От Филиппа Цезарь узнал подробности случившегося в Пелузии и о поспешном отплытии Корнелии Метеллы и Секста, жены и младшего сына Помпея.

Утром в присутствии Цезаря как официального лица голову Помпея сожгли и добавили ее прах к праху тела. Пепел ссыпали в золотую урну, инкрустированную красными карбункулами и океанским жемчугом. Потом Цезарь посадил Филиппа и бедного, убитого горем раба на торговое судно, направлявшееся на запад. Урну было велено вручить вдове Помпея, а кольцо – его старшему сыну Гнею Помпею, где бы он ни находился.

Покончив с этим, Цезарь послал слугу арендовать двадцать шесть лошадей и отправился инспектировать свое войско. Он нашел его в удручающем состоянии. Потин расположил три тысячи двести римских легионеров в Ракотисе, на каком-то заброшенном пустыре, населенном стаями кошек (тоже священных животных), мириадами крыс и, конечно же, ибисами. Местной бедноте очень не нравились новоявленные соседи. В городе голод, а тут еще лишние рты. Правда, римляне готовы платить за еду, но цены летят вверх быстрее, чем заключаются сделки.

– Что ж, мы построим временную стену и частокол вокруг этого лагеря, но стена должна выглядеть основательно. Местные жители раздражены, очень раздражены. И немудрено, ведь

они голодают! Из годового дохода в двенадцать тысяч талантов золотом власти не выделяют на их прокорм ни гроша. Вот наглядный пример того, почему Рим сверг своих царей. – Цезарь презрительно фыркнул. – Руфрий, через каждые несколько футов расставь часовых и вели людям добавить в рацион жареных ибисов. Мне плевать, что они тут священные птицы!

«О, да он разъярен! – отметил Руфрий, украдкой взглянув на командующего. – Как эти олухи во дворце могли решить, что убийство Помпея Магна – хороший способ наладить отношения с Цезарем? Он вне себя от горя, хотя и пытается это скрыть, и достаточно самой малости, чтобы он обошелся с Александрией хуже, чем с Укселлодуном или Кенабом. А его люди, еще не пробыв и суток на берегу, уже готовы поубивать местных. Напряженность растет, надвигается катастрофа».

Поскольку ситуация не располагала к беседе, он просто ехал рядом с великим человеком, мечущим грома и молнии. Нет, не только горе вывело его из себя. Олухи из дворца лишили его возможности в очередной раз проявить милосердие, вернуть Магна в лоно Рима. Магн с радостью согласился бы. Катон – нет, никогда, но Магн – да.

Проверка кавалерийского лагеря только подлила масла в огонь. Германцы-убии не были окружены беднотой, имели под боком хорошее пастбище и целое озеро с чистой водой, однако между ними и той частью города, где находилась пехота, лежало непроходимое болото. Следовательно, взаимодействие кавалерии и пехоты практически исключалось. Потин с Ганимедом и толкователем снова схитрили. Ну почему, в отчаянии спросил себя Руфрий, почему эти люди досаждают ему? Каждое новое препятствие, которое они воздвигают на его пути, лишь укрепляет решимость Цезаря. Неужели они действительно считают себя умнее величайшего из полководцев? Годы, проведенные в Галлии, наделили его такой непостижимой стратегической хваткой, что он может все. Но... прикуси язык, Руфрий, следуй за ним, наблюдай, как он планирует кампанию, которая, может быть, и не состоится. А если состоится – он будет готов.

Цезарь отпустил ликторов и отослал Руфрия обратно в лагерь в Ракотисе, дав ему несколько поручений, а сам направил коня по одной улице, затем по другой. Ехал он медленно, давая возможность ибисам уворачиваться от конских копыт. Ни одна мелочь не укрывалась от его зоркого глаза. На перекрестке Канопской и Царской улиц он въехал на рыночную площадь, окруженную со всех сторон широкой аркадой с темно-красной задней стеной и синими дорическими колоннами. Потом он двинулся к гимнасию, почти такому же большому, тоже с аркадой, но с горячими и холодными банями, дорожкой для атлетов и тренировочными площадками. Нигде он не спешил, не обращая внимания на ибисов и на глазевших на него александрийцев. Наконец Цезарь спрыгнул с коня, чтобы проверить потолки крытых аркад. В здании суда он, казалось, был в восторге от потолков его просторных комнат. Оттуда он поехал в храм Посейдона, затем в Серапейон – святилище Сераписа в Ракотисе, огромный храм среди садов, – и в другие храмы, поменьше. Потом проследовал к берегу – к докам, к складам. Его интересовало все. И гигантское скопище торговых контор, и пирсы, и пристани, и набережные, укрепленные огромными деревянными брусьями. В зданиях, вызвавших его любопытство, он с особой прилежностью приглядывался к потолкам, поддерживаемым массивными деревянными балками. Наконец осмотр был окончен, и Цезарь по Царской улице поднялся к лагерю германцев, чтобы дать инструкции относительно фортификаций.

– Я пришлю тебе две тысячи солдат в помощь, чтобы снести старые городские стены, – сказал он своему легату. – Используй камни для постройки двух новых стен. Они будут начинаться у первых двух домов по обе стороны Царской улицы и, расходясь, идти к озеру. В начале расстояние между ними составит четыреста футов, в конце – пять тысяч футов. Тебе будет трудно, поскольку на западе болото, а восточная стена пересечет дорогу к судоходному каналу между озером и Канопским рукавом Нила. Западную стену сделай высотой в тридцать футов и так оставь – болото защитит подступы к ней. Восточную стену сделай высотой двадцать футов, но с внешней стороны ее пусти траншеей глубиной пятнадцать футов и усеянную стрекалами, а

за ней выкопай ров и наполни его водой. Дорогу не тронь, пусть в стене будет брешь, но держи там груды камней, чтобы заложить ее по команде. На обеих стенах через каждые сто шагов должны быть наблюдательные вышки, и я пришлю вам баллисты на восточную стену.

С невозмутимым видом легат выслушал указания и пошел искать Арминия, вождя убиев. Германцы – строители никудышные, но в добывании фуража им нет равных. Кроме того, они могут искать дерево для стрекал – закаленных огнем остроконечных кольев – и начать плести жгуты из лозы для поручней, германцы это отлично умеют делать!

По Царской улице Цезарь спустился к Царскому кварталу и еще раз осмотрел его стену высотой двадцать футов, которая шла от скал театра к морю на дальней стороне мыса Лохий. Нигде ни одной наблюдательной вышки, и вообще эта стена не предназначена для защиты. Значительно больше усилий затрачено на декор. Неудивительно, что толпа так часто вторгается в царский дворец! Любой предприимчивый карлик может легко перелезть через эту стену.

Время, время! На все уйдет время, и ему нужно держать в неведении своих глупых врагов, пока приготовления не закончатся. Первое и самое главное: кроме работы в кавалерийском лагере, не должно быть никаких признаков бурной деятельности. Потин и его приспешники решат, что Цезарь готовит себе укрытие на случай внезапного нападения. Они подумают, что Цезарь боится. И хорошо. Пусть так и думают.

Руфрий, вернувшийся из Ракотиса, получил еще несколько указаний, после чего Цезарь созвал всех младших легатов (включая и безнадёжного Тиберия Клавдия Нерона) и ознакомил с планом. В их осмотрительности он не сомневался. Сейчас не Рим шел на Рим. Надвигалась война против иноплеменников, к которым римляне не испытывали приязненных чувств.

На следующий день Цезарь призвал к себе в гостевой дворец царя Птолемея, Потина, Теодата и Ганимеда. Посадил их в обычные кресла, а сам сел в курульное на возвышении. Это не понравилось маленькому царю, но он позволил Теодату успокоить себя. «Какое-то сексуальное рабство, – подумал Цезарь. – Какие шансы у этого мальчика с такими советниками? Сделаться, если выживет, жалкой тенью отца?»

– Я позвал вас сюда, чтобы поговорить об упомянутом мной недавно предмете, – сказал Цезарь, держа на коленях свиток. – А именно о праве наследования трона Александрии, которое, как я теперь понимаю, несколько отличается от права наследования трона Египта. По-видимому, юный царь, трон Египта Нила все еще принадлежит твоей отсутствующей сестре. Понимаю, тебе это не нравится, но Египтом Нила правит лишь фараон, каковым является царица Клеопатра. Так почему же, юный царь, твоя соправительница, сестра и супруга находится в бегах, пытаясь усмирить подданных с помощью армии наемников?

Ответил Потин. Иного и не ожидалось. Маленький царь делал все, что ему говорили, но самостоятельно мыслить не мог.

– Потому что ее подданные восстали.

– Почему же они восстали против нее?

– Из-за голода, – сказал Потин. – Нил уже два года подряд не разливался. В прошлом году отметка была самой низкой с тех пор, как три тысячи лет назад жрецы стали записывать показания ниломера. Нил поднялся только на восемь римских футов.

– Объясни.

– Есть три степени подъема Нила, Цезарь: гибельный, изобильный и избыточный. Чтобы выйти из берегов и залить пахотную долину, Нил должен подняться на восемнадцать римских футов. Отметки ниже сулят нам трудные, подчас гибельные времена. Влага и ил не напитают почву, поэтому сеять уже не придется. Египет не знает дождей. Помощь приходит от Нила. Подъем воды от восемнадцати до тридцати двух футов предвещает обильные урожаи. Берега Нила сплошь покрывают вода и плодородный ил. Разливы выше тридцати двух футов смывают деревни, вода вовремя не уходит, и сеять тоже нельзя.

Потин бубнил быстро, заученно, очевидно не в первый раз растолковывая тупым чужеземцам особенности земледелия в долине Нила.

– Что такое ниломер?

– Это колодец, выкопанный на берегу Нила. На его внутренней стене нанесены деления, по которым судят, на какой уровень поднялась вода. Колодцев несколько, но самый важный находится в сотнях миль к югу, у первого порога, на острове Элефантина. Там Нил начинает подниматься за месяц до того, как разлив достигнет Мемфиса в верхней части Дельты. Таким образом, мы заранее знаем, каким в этом году будет разлив. Гонец доставляет новости по реке.

– Понятно. Однако, Потин, царские доходы огромны. Разве вы не используете их, чтобы закупить зерно, когда посевы не всходят?

– Цезарь, конечно, должен знать, – спокойно возразил Потин, – что засуха прошла вокруг всего Вашего моря, от Испании до Сирии. Мы купили необходимое количество зерна, но цены ошеломляющие, и, естественно, наши затраты должны быть возмещены.

– В самом деле? Как разумно, – так же спокойно отреагировал Цезарь. Он поднял свиток с колен. – Я нашел этот документ в палатке Гнея Помпея Магна после Фарсала. Это завещание Птолемея Двенадцатого, твоего отца, – кивнул он в сторону задремавшего мальчишки. – Здесь ясно сказано, что Александрией и Египтом должны совместно управлять его старшая дочь Клеопатра и его старший сын Птолемей Эвергет, как муж и жена.

Потин вскочил и властно протянул руку.

– Дай это мне! – потребовал он. – Настоящее и законное завещание Птолемея Авлета должно было находиться либо в Александрии, либо у римских весталок.

Теодат впился пальцами в плечо маленького царя, чтобы его разбудить. Ганимед, изображая внимание, сидел с бесстрастным лицом. «Ты здесь самый способный, – подумал Цезарь. – Должно быть, тебя раздражает необходимость подчиняться Потину! Подозреваю, ты предпочел бы видеть на троне свою Арсиною. А Клеопатра всем ненавистна. Но почему?»

– Нет, главный дворцовый управляющий, ты его не получишь, – холодно возразил он. – В нем Птолемей Двенадцатый, известный как Авлет, говорит, что его завещание не будет находиться ни в Александрии, ни в Риме из-за... э-э... неспокойствия в государстве. – Он выпрямился, лицо стало суровым. – Пора бы Александрии уняться, а ее правителям стать более щедрыми по отношению к низам. Я не покину ваш город, пока не добьюсь сносных условий существования для всех горожан, а не только для македонцев. Я не потерплю, чтобы после моего отъезда здесь зрел нарыв сопротивления Риму и формировалось ядро враждебности. Примите тот факт, что Цезарь останется в Александрии, пока не вскрыет этот давно созревший фурункул. Поэтому я искренне надеюсь, что вы пошлете гонца к царице Клеопатре и что мы увидим ее здесь через несколько дней.

«А еще, – добавил он про себя, – я не позволю республиканцам превратить этот порт в свою опорную базу. Пусть собираются в провинции Африка, где их будет легко раздавить».

Он поднялся.

– Все свободны.

И они ушли с кислым видом.

– Ты послал курьера к Клеопатре? – спросил Ганимед главного управляющего, когда они вышли в розовый сад.

– Я послал двоих, – улыбаясь, ответил Потин, – но на очень неповоротливой лодке. И послал третьего – на быстроходном ялике – к командующему Ахилле. Когда два первых курьера догребут до Пелузия, их там уже будут ждать. Боюсь, – вздохнул он, – Клеопатра не получит послания от Цезаря и он сочтет ее слишком заносчивой и не желающей подчиняться римскому правителю.

– У нее есть шпионы во дворце, – сказал Ганимед, глядя на уменьшающиеся фигуры Теодата и царя, спешащих впереди них. – Она попытается увидеть Цезаря – это в ее интересах.

– Я знаю. Но капитан Агафокл и его люди патрулируют стену и проверяют малейшую рябь по обе стороны мыса Лохий. Она не пройдет сквозь мои сети. – Потин остановился и внимательно посмотрел на собеседника, тоже евнуха и такого же статного, как он сам. – Я так понимаю, Ганимед, что ты предпочел бы видеть на троне Арсиною?

– Многие предпочли бы, – спокойно ответил Ганимед. – Например, сама Арсиноя. И наш маленький царь. А Клеопатра отравлена духом Египта. Для македонцев это яд.

– Тогда, – сказал Потин, – я думаю, нам следует объединить усилия. Ты, надеюсь, не претендуешь на мое место, но если твоя питомица займет трон, это ведь не причинит тебе больших неудобств?

– Не причинит, – улыбнулся Ганимед. – Однако хотелось бы знать, что затевает наш гость.

– Затевает?

– Да. Я чувствую это нутром. Кавалерийский лагерь развил бурную деятельность, а в Ракотисе подозрительно тихо.

– Меня раздражает его своеволие! – взорвался Потин. – К тому времени как он закончит укреплять свой лагерь, в старых городских стенах не останется ни одного камня.

– Почему-то мне кажется, что все это для отвода глаз, – произнес Ганимед.

На следующий день Цезарь послал только за Потинком.

– Я должен обсудить с тобой один вопрос от имени моего старого друга, – с легкой улыбкой сказал он вошедшему.

– Да?

– Вероятно, ты помнишь Гая Рабирия Постума?

Потин нахмурился.

– Рабирия Постума?.. Смутно припоминаю.

– Он прибыл в Александрию после того, как ныне покойный Авлет вновь занял трон. Целью Рабирия было собрать около сорока миллионов сестерциев, которые Авлет задолжал римским банкирам. Но оказалось, что ваши хваленые македонские счетоводы ввергли и государственную, и дворцовую бухгалтерию в состояние полной неразберихи. Поэтому Авлет сказал моему другу Рабрию: «Ты, разумеется, получишь свое, но для начала приведи в порядок наши финансы». Что Рабрий и сделал, работая день и ночь, хотя македонское одеяние, в какое его нарядили, не пришлось ему по душе. Через год финансовая система Александрии была приведена в идеальный порядок. Но когда Рабрий заикнулся о своих сорока миллионах сестерциев, Авлет и твой предшественник содрали с него одежду и бросили на корабль, отправлявшийся в Остию, велев благодарить их за то, что он остался жив. Рабрий прибыл в Рим без гроша. Ужасный удел для банкира.

Серые глаза встретились с бледно-голубыми. Никто не отвел взгляда. Но жилка на шее Потина забилась очень быстро.

– К счастью, – как ни в чем не бывало продолжил Цезарь, – я помог Рабрию встать на ноги, и сегодня он вместе с другими моими друзьями, Бальбом-старшим, Бальбом-младшим и Гаем Оппием, не испытывает ни в чем недостатка. Однако долг есть долг, и вопрос о его возврате – одна из причин, по которым я прибыл сюда. Считаю меня, дорогой мой Потин, судебным исполнителем Рабирия Постума. Немедленно верни сорок миллионов сестерциев. По существующему международному исчислению это тысяча шестьсот талантов серебром. Строго говоря, мне причитаются десять процентов с капитала, но я, пожалуй, от них откажусь. Достаточно основной суммы, без каких-либо начетов.

– Я не уполномочен платить долги покойного царя.

– Но действующий царь уполномочен.

- Царь несовершеннолетний.
- Поэтому я и обратился к тебе, любезный. Плати.
- Мне нужны для доказательства соответствующие документы.
- Мой секретарь Фабий с удовольствием тебе их предоставит.
- Это все, Цезарь? – спросил Потин, вставая.
- На данный момент. – Цезарь, воплощенная любезность, неторопливо проводил гостя до двери. – Есть ли известия от царицы?
- Нет, Цезарь. Пока никаких.

Теодат встретил Потина в главном дворце, распираемый новостями.

- Пришло известие от Ахиллы! – объявил он.
- Слава Серапису! Что он сообщает?
- Что посланные тобой курьеры мертвы и что Клеопатра все еще стоит лагерем под горой Касий. Ахилла уверен, что она ничего не знает о присутствии Цезаря в Александрии, хотя можно только догадываться, как она поступит после следующего шага Ахиллы. Он как раз сейчас везет сюда на кораблях из Пелузия двадцать тысяч пехоты и десять тысяч конников. Задули пассатные ветры, так что армия будет здесь через два дня. – Теодат весело захихикал. – О, я много дал бы, чтобы увидеть лицо Цезаря, когда прибудет Ахилла! Он говорит, что займет обе гавани и встанет лагерем около ворот Луны.

Он поймал суровый взгляд евнуха и поразился:

- Ты что, не рад?
- Рад, рад, но не это меня беспокоит! – резко ответил Потин. – Я только что виделся с Цезарем, он настойчиво потребовал погасить долг Птолемея Авлета римлянину Рабирию Постуму. Личный долг! Сумасшедшие деньги! Толкователь мне их не даст!
- О-о-о!
- Ладно, – сказал Потин сквозь зубы, – я самолично ему уплачу. Но он горько о том пожалеет. Очень горько, верь мне, Теодат!

– Неприятности, – сказал Руфрий Цезарю на следующий, восьмой день по прибытии в Александрию.

- Какого рода?
- Ты получил долг Рабирии Постума?
- Да.
- Агенты Потина всем говорят, что ты ограбил царскую казну, расплавил все золото и опустошил содержимое городских зернохранилищ.

Цезарь расхохотался:

- Уже припекает, Руфрий! Ну ничего. Мой гонец только что вернулся из лагеря Клеопатры. Нет, он не плыл по хваленным каналам Дельты. Он добирался до цели верхом, меняя лошадей. Конечно, ни один курьер Потина к Клеопатре не прибыл. Я думаю, их убили. А сама царица прислала мне очень любезное и недурно написанное письмо, в котором сообщила, что Ахилла с армией возвращается в Александрию и намеревается встать лагерем за городом, у ворот Луны.

Руфрий тут же нетерпеливо спросил:

- Мы начинаем?
- Только после того, как я возьму в заложники царя, – сказал Цезарь. – Если Потин и Теодат могут использовать бедного парня, то смогу и я. А пока пускай местная клика еще два-три дня сооружает себе погребальный костер. Но проследи, чтобы мои люди были готовы ударить. В любую минуту, ибо времени на раскачку не будет. – Он с наслаждением потянулся. – Славно опять иметь иноземцев в противниках, а?

На десятый день пребывания Цезаря в Александрии небольшое одномачтовое каботажное судно проскользнуло в Большую гавань и, лавируя между неуклюжими транспортами Ахиллы, пристало к пирсу в Царской гавани. Отряд охраны сурово уставился на посудину. Но на ней не было никаких подозрительных лиц. Только два египетских жреца – босые, бритоголовые, одетые во все белое. Обычные рядовые жрецы, которым не полагается носить золото.

– Эй! Куда это вы собрались? – крикнул командир.

Один жрец сложил ладони, приняв смиренную позу.

– Мы хотим видеть Цезаря, – сказал он на ломаном греческом.

– Зачем?

– Мы везем ему дар от Каэма.

– От кого?

– От жреца Птаха, Неб-нотру, вер-кхереп-хемуут, Секер-кабау, Птахмос, Каэм-уэс, – нараспев ответил жрец.

– Я ничего не понял, жрец. Не зли меня!

– Мы везем дар Цезарю от Каэма, верховного жреца Птаха в Мемфисе. Я лишь произнес его полное имя.

– Что это за дар?

– Вот, взгляни.

Жрец жестом пригласил командира подняться на палубу. Там лежала циновка из тростника, свернутая в цилиндр. Безвкусная, на взгляд александрийца-македонца, с тусклыми красками и угловатым рисунком. На самом бедном рынке Ракотиса можно купить лучше. Наверное, в ней полно паразитов.

– Вы собираетесь поднести Цезарю *это*?

– Да, о человек царя.

Командир вынул меч из ножен и осторожно ткнул им в циновку.

– Я бы не стал этого делать, – тихо проговорил жрец.

– Почему?

Жрец поймал взгляд стражника, потом что-то сотворил со своей головой и шеей. Стражник в ужасе отступил. Он вдруг увидел перед собой не человеческое лицо, а голову и капюшон кобры.

– Сссссс! – просвистел жрец и высунул раздвоенный язык.

Командир с посеревшим лицом одним прыжком оказался на пристани. Сглотнув, он обрел голос:

– Разве Цезарь не угоден Птаху?

– Птах создал Сераписа, как и всех богов, но он считает Юпитера Всеблагого Всесильного оскорблением для Египта, – ответил жрец.

Командир усмехнулся. Перед его глазами замаячила приличная награда от господина Потина.

– Несите свой дар Цезарю, – разрешил он. – И пусть Птах исполнит свое намерение. Будьте осторожны!

– Хорошо, человек царя.

Оба жреца склонились, подняли чуть провисшую скатку и сошли на пирс.

– Куда нам идти? – спросил жрец, знающий греческий.

– Идите по этой дороге через розовый сад. Первый дворец слева после небольшого обелиска.

И они ушли, держа циновку за оба конца. Очень легкую, почти невесомую.

«Великолепно, – подумал командир. – Теперь надо только подождать, пока наш незванный гость умрет от укуса змеи. Потом меня наградят».

Гай Требатий Теста, очень полный и любящий вкусно поесть человек средних лет, вошел к Цезарю хмурый. Само собой разумеется, он выбрал его сторону в этой гражданской войне, несмотря на то что его официальным патроном был Марк Туллий Цицерон. Но почему он решился поплыть в Александрию, это и ему самому было непонятно. Может быть, в поисках новых восхитительных яств. Но в Александрии гурману было нечего делать.

– Цезарь, – начал он, – тебе из Мемфиса привезли довольно странную вещь. От главного жреца Птаха. Не письмо!

– Я заинтригован, – сказал Цезарь, подняв голову от бумаг. – Эта вещь в хорошем состоянии? Она не испорчена?

– Сомневаюсь, что она когда-нибудь была в хорошем состоянии, – брезгливо сказал Требатий. – Выцветшая старая циновка. Даже не ковер!

– Пусть принесут ее в том же виде, в каком она была доставлена к нам.

– Нужны твои ликторы, Цезарь. Дворцовые рабы только взглянули на тех, кто принес этот дар, и стали такими же белыми, как германцы с Херсонеса Кимврийского.

– Пусть будут ликторы, Требатий.

Два младших ликтора вошли, неся свернутую циновку. Они положили ее на пол и посмотрели на командующего.

– Благодарю. Ступайте.

Манлий нерешительно переступил с ноги на ногу.

– Цезарь, позволь нам остаться. Эту... э-э-э... вещь принесли два очень странных человека, мы таких никогда не видели. Едва переступив порог, они заперли дверь, словно за ними гнались фурии. Фабий и Корнелий хотели отодвинуть засов, но Гай Требоний запретил им.

– Отлично! А теперь ступай, Манлий. Иди же, иди!

Оставшись один, Цезарь с улыбкой обошел сверток, опустился на колени и заглянул в один конец.

– Ты там не задыхаешься? – спросил он.

Кто-то заговорил внутри, но невнятно. Тут Цезарь заметил, что с обоих концов в скатку вставлены жесткие тростинки, чтобы та имела везде одинаковую толщину. Как изобретательно! Он вытащил прутья и очень осторожно развернул странный дар Птаха.

Неудивительно, что она смогла спрятаться там. Ее почти не было. «Где же крупное телосложение, каким отличается род Митридата?» – спросил себя Цезарь, садясь в кресло, чтобы лучше рассмотреть ее. Ростом меньше пяти римских футов, весит, наверное, таланта полтора, да и то разве что в свинцовой обуви.

Не в привычках Цезаря было тратить свое драгоценное время, разглядывая неизвестных людей, даже если эти люди имели такой статус. Однако он определенно не ожидал увидеть тоненькое маленькое создание без малейших признаков царственности! Пораженный, он обнаружил, что ей наплевать на свой вид. Клеопатра ловко, как обезьянка, выбралась из циновки и даже не огляделась в поисках какого-нибудь полированного металлического предмета, который можно использовать как зеркало. «А она мне нравится! – подумал он. – Она напоминает мне мать. Такая же быстрая и решительная». Однако если его мать слыла первой красавицей Рима, то царицу Египта назвать красавицей было нельзя. По любым меркам.

Без груди, о которых стоит упоминать, без бедер, просто плоская сверху донизу. Руки, как палки, прикреплены к прямым плечам, шея длинная и тонкая, а голова напоминает голову Цицерона – слишком большая для тела, на котором сидит.

Лицо тоже не отличается привлекательностью. Нос большой, крючковатый, все внимание невольно сосредоточивается на нем. По сравнению с ним остальные ее черты неплохи: полные, но не избыточно, губы, хорошие скулы, овал лица с твердым подбородком. А вот глаза красивы. Очень большие, широко открытые, с темными ресницами под темными бровями. Радужка, как

у льва, – золотисто-желтая. У кого же он видел такие? Ну конечно, у отпрысков Митридата Великого! Она же как-никак его внучка. Но роднят ее с ним одни лишь глаза. Все потомки Митридата крупные, с германскими носами и золотистыми кудрями. А у нее волосы светло-каштановые, закрученные жгутами от лба к затылку, как полосы на арбузе, и свернутые в тугой небольшой узел. Кожа приятная, темно-оливковая, такая прозрачная, что сквозь нее видны голубые вены. Белая лента-диадема охватывает лоб. Единственное свидетельство ее царского звания. В остальном – никаких украшений. Платье простое, желто-коричневое, в греческом стиле.

Клеопатра тоже пристально разглядывала его, явно удивленная.

– И что же ты видишь? – спокойно спросил он.

– Красоту, Цезарь, хотя я думала, что ты смуглый.

– Есть светлые римляне, есть совсем белокожие, есть смуглые, есть рыжеволосые и веснушчатые.

– Так вот откуда ваши прозвища – Альбин, Флавий, Руф, Нигер?

А голос замечательный! Низкий и мелодичный. Словно она не говорит, а поет.

– Ты знаешь латынь? – спросил он, удивившись в свою очередь.

– Нет, у меня не было случая выучить ее. Я говорю на восьми языках, но все они восточные. Я знаю греческий, древнеегипетский, демотический египетский, иврит, арамейский, арабский, мидийский и персидский. – Ее кошачьи глаза блеснули. – Может быть, ты научишь меня латыни? Я очень способная ученица.

– Сомневаюсь, что у меня будет время, дитя, но, если ты хочешь, я пришлю тебе учителя из Рима. Сколько тебе лет?

– Двадцать один. Я на троне уже четыре года.

– Пятую часть твоей жизни. Да ты ветеран. Сядь, пожалуйста.

– Нет, тогда я не смогу хорошо тебя видеть. Ты очень высокий, – сказала она, глядя на него сверху вниз.

– Да, как галлы и германцы. При необходимости я мог бы, как в свое время Сулла, сойти за кого-то из них. А что с твоим ростом? Ведь твои родичи высокие.

– Отчасти я унаследовала свой маленький рост. Мать моего отца – набатейская царица, но она не была чистокровной арабкой. Ее бабушкой была парфянская царица Родогуна – это другая кровная линия рода царя Митридата. Говорят, что парфяне низкорослые. Но моя мать винила в этом болезнь, которой я переболела еще ребенком. Поэтому я всегда думала, что Гиппопотам и Крокодил вобрали мой рост в себя через ноздри, как они делают это с рекой.

Губы Цезаря дрогнули.

– С рекой?

– Ну да, во время губительного разлива. Таверет-Гиппопотам и Собек-Крокодил вбирают в себя воду Нила ноздрями, не давая ему разливаться. Они делают это, когда сердятся на фараона, – объяснила она совершенно серьезно.

– Поскольку ты фараон, скажи, почему они сердятся на тебя? Нил не выходит из берегов уже два года, как я понимаю.

Клеопатра застыла в нерешительности. Потом отвернулась, немного походила по комнате и вдруг возвратилась на место и встала прямо перед Цезарем, покусывая нижнюю губу.

– Дело очень важное, – сказала она, – поэтому я не вижу смысла прибегать к женским хитростям. Я надеялась, что ты внешне непривлекателен – в конце концов, ты уже стар – и потому не отвергнешь меня, хотя я и некрасива. Но я вижу, что слухи верны и что ты можешь получить любую красавицу, несмотря на преклонный возраст.

Цезарь склонил голову набок, его серые непроницаемые глаза потеплели. Нет, их согрело вовсе не вожделение, он просто наслаждался общением с ней. Она выходила с честью из очень сложных ситуаций: убийство сыновей Бибула, восстание в Александрии; несомненно, были и

другие кризисы. И при этом она говорила как невинное дитя. Да она и была невинна. Ясно, что ее брат-муж еще не выполнил своего супружеского долга, а поскольку она была богом на земле, то не имела права сойтись со смертным. Бедняжку окружали евнухи, ей было запрещено оставаться наедине с некастрированным мужчиной. «Видимо, ее положение и впрямь очень серьезное, иначе она не была бы одна здесь со мной, некастрированным смертным мужчиной».

– Продолжай, – сказал Цезарь.

– Я не выполнила своего долга как фараон.

– Какого долга?

– Быть плодотворной, рожать детей. Первый разлив после того, как я села на трон, дошел до отметки изобилия, потому что Нил дал мне время доказать, что я не бесплодна. Теперь, спустя два разлива, у меня все еще нет детей. В Египте голод, и через пять дней жрецы Исиды с острова Филы будут проверять показания ниломера на острове Элефантина. Скоро время разлива, дуют пассаты. Но если я не забеременею, летние дожди не пройдут в Эфиопии и Нил не разольется.

– Летние дожди, а не таяние зимних снегов, – задумчиво произнес Цезарь. – Ты знаешь, где истоки Нила?

«Пусть говорит, мне нужно время, чтобы понять, о чем она толкует. Вот уж действительно, преклонный возраст!»

– Ученые, такие как глава александрийской библиотеки Эратосфен, посылали специальные экспедиции, чтобы найти истоки реки, но, кроме летних дождей в Эфиопии, других причин разлива не обнаружили. Все это записано, Цезарь.

– Что ж, я надеюсь, у меня будет время прочитать некоторые книги из вашей библиотеки, прежде чем я уеду. Продолжай, фараон.

– Все очень просто, – пожала плечами Клеопатра. – Мне нужно сойтись с богом, но мой брат не хочет меня. Он хочет развлекаться с Теодатом и жениться на Арсиное.

– Почему на ней?

– Ее кровь чище моей, ведь она его родная сестра. Их мать была из рода Птолемеев, а моя – из рода Митридата.

– Не вижу, чем тебе можно помочь, по крайней мере до грядущего разлива. Ты мне симпатична, бедная девочка, но что я могу сделать для тебя? Я не бог.

Лицо Клеопатры просияло.

– Но ты – бог! – вскричала она.

Цезарь прищурился:

– В Эфесе есть моя статуя, под которой написано что-то подобное, но это обычная лесть, как сказал один мой друг. Я действительно потомок двух богов, однако в лучшем случае мне достались лишь две-три капли божественного ихра. В остальном я смертный.

– Ты – бог с Запада.

– Бог с Запада?

– Ты – Осирис, возвратившийся из царства мертвых, чтобы оплодотворить Исиду-Хатхор-Мут и зачать сына, Гора.

– И ты веришь в это?

– Что значит «верю»? Это факт, Цезарь!

– То есть, если я правильно понял, ты хочешь разделить со мной ложе?

– Да, да! Зачем бы еще мне быть здесь? Стань моим мужем, дай мне сына! Тогда Нил разольется.

Вот ситуация! Хм. Но... забавно. Как же далеко надо было заехать Цезарю, чтобы узнать, что его семя способно вызвать дожди, разлив реки и процветание всей страны!

– Отказать тебе было бы нелюбезно, – серьезно сказал он. – Но не слишком ли поздно ты сюда пробралась? До промера осталось пять дней, а я не могу гарантировать, что ты непре-

менно забеременеешь. И даже если мне это удастся, пройдет пять-шесть рыночных интервалов, прежде чем ты узнаешь точно.

– Амон-Ра поймет, и я, его дочь, буду знать. Я – Нил, Цезарь! Я – живое воплощение Нила. Я – божество на земле, и у меня одна цель – обеспечить процветание моего народа, чтобы Египет оставался великим. Если Нил не выйдет из берегов еще год, к голоду добавятся чума с саранчой. И Египет исчезнет.

– Я потребую услуги в ответ.

– Оплодотвори меня, и ты все получишь.

– Ты говоришь как банкир! Я потребую твоего полного сотрудничества во всем, что бы мне ни пришлось сделать с Александрией.

Она нахмурила лоб:

– Сделать с Александрией? Станный способ выражаться!

– О, ну и ум! – одобрительно воскликнул он. – Я начинаю надеяться, что и сын твой будет неглупым.

– Говорят, что у тебя нет сына.

«Нет, у меня есть сын, – подумал он. – Красивый паренек, галл, которого Литавик украл у меня, убив его мать. Но я не знаю, что с ним теперь, и никогда не узнаю».

– Это правда, – холодно сказал он. – Но отсутствие кровного сына для меня не имеет значения. Мы, римляне, можем усыновлять своих родичей, племянников или двоюродных братьев. Или при жизни, или по завещанию. Тот ребенок, который может появиться у нас с тобой, никогда римлянином не станет, ибо ты не римлянка. Поэтому он не сможет наследовать ни мое имя, ни мое состояние. – Цезарь был очень серьезен. – Не надейся иметь сына-римлянина, царица. Наши законы этого не допускают. Я могу заключить с тобой брак, если хочешь, но в Риме его не признают. У меня там есть жена.

– Но у нее нет детей, хотя ты давно женат.

– Меня никогда не бывает дома. – Он усмехнулся, расслабился и посмотрел на нее, подняв брови. – Думаю, мне пора переехать. Здесь поселится старший из твоих братьев, дорогая моя. А мы с тобой переберемся в большой дворец и поглядим, что нам предпринять, чтобы ты непременно забеременела.

Он встал и пошел к двери:

– Фаберий! Требатий!

Те вошли и остановились, раскрыв от изумления рты.

– Позвольте представить вам Клеопатру, царицу Египта. Теперь, когда она с нами, пора за дело. Быстро найдите мне Руфрия и начинайте паковать вещи.

И он ушел, а за ним и его люди. Клеопатра осталась одна. Будучи сильной и страстной натурой, она мгновенно влюбилась в него. С первого взгляда, безоговорочно, сразу. Она уже примирилась с тем, что ей придется сделаться супругой старика, дряхлого и, скорее всего, безобразного, а увидела настоящего мужа. Сильного, умного, уверенного, наполнившего радость ее сердце. Таха бросила лепестки лотоса в воду и сказала ей, что сегодняшняя и завтрашняя ночи – самые подходящие для зачатия в ее цикле, если она посмотрит на Цезаря и сочтет его достойным любви. Что ж, она посмотрела и увидела бога с Запада. Столь же высокого и величественного, как Осирис. Даже глубокие морщины не портили его лица, ибо они говорили, что он много страдал, как страдал и Осирис.

Губы ее задрожали, и она моргнула, чтобы стряхнуть непрошеную слезу. Она уже любит, но Цезарь ее не любит. И вряд ли полюбит в дальнейшем. Не потому, что она некрасива, о нет! Возраст, опыт, культура – вот пропасть, которая их разделяет!

К ночи они уже находились в большом царском дворце со множеством залов, галерей, коридоров и комнат. С внутренними дворами и системой прудов, в которых можно плавать.

Весь вечер город гудел, и Царский квартал тоже. Пятьсот римских легионеров собрали всю царскую стражу и отправили ее во временный лагерь Ахиллы западнее ворот Луны с самыми наилучшими пожеланиями, а потом приступили к укреплению защитной стены, построив на ней боевую платформу, брустверы и множество наблюдательных вышек.

Происходили и другие вещи. Руфрий ликвидировал лагерь в Ракотисе, выселил всех горожан из обступавших Царскую улицу зданий и заселил в них солдат. Пока эти ставшие вдруг бездомными люди бегали по Александрии, плача, причитая и грозясь отомстить, римляне занимали бани, гимнасии и государственные конторы. Пришли они и в храм Сераписа, на глазах у перепуганных александрийцев вырвали там все балки из потолков и унесли их на Царскую улицу. Другие легионеры разбирали береговые постройки – причалы, пристани, торговые точки. Все куски дерева им казались полезными, все они уносили, прибирали к рукам.

К ночи бо́льшая часть Александрии лежала в руинах.

– Это возмутительно! Это насилие! – вскричал Потин, когда в его владения вторгся непрощенный гость в сопровождении центурии солдат, своей свиты и очень довольной собой Клеопатры.

– Ты! – взвизгнула Арсиноя. – Что ты здесь делаешь? Я тут царица! Птолемей развелся с тобой!

Клеопатра сильно пнула сводную сестру в голень и расцарапала ей ногтями лицо.

– Я – царица! Заткнись, иначе умрешь!

– Сука! Свинья! Крокодил! Шакал! Гиппопотам! Паук! Скорпион! Крыса! Змея! Вошь! – кричал маленький Птолемей Филадельф. – Обезьяна! Жалкая грязная обезьяна!

– И ты тоже заткнись, злобный гаденыш! – разъяренно крикнула Клеопатра, колотя ребенка по голове, пока тот не заревел.

Пораженный такими яркими проявлениями внутрисемейного единения и любви, Цезарь молча стоял, скрестив на груди руки. Ей двадцать один год, она фараон – и, как ребенок, дерется со своими младшими сестрой и братом. Интересно, что ни Филадельф, ни Арсиноя не отвечали ей какими-то действиями. Старшая сестра пугала их. Потом он устал от этой непристойности и ловко развел троих скандалистов.

– Ты, девочка, ступай со своим воспитателем восвояси, – строго приказал он Арсиное. – Молоденьким царевнам давно пора спать. Ты тоже ступай, Филадельф.

Потин продолжал разоряться. Ганимед с непроницаемым лицом увел Арсиною. Этот, подумал Цезарь, намного опаснее остальных. Его воспитанница, несомненно, в него влюблена, и ей все равно, евнух он или нет.

– Где царь Птолемей? – спросил он. – И Теодат?

Царь Птолемей и Теодат находились на рыночной площади, еще не тронутой солдатами Цезаря. Они развлекались в личных апартаментах царя, когда вбежал раб и сказал им, что Цезарь занял большой дворец и что с ним царица Клеопатра. Теодат тут же развил бурную деятельность. Его и мальчика облачили в парадное одеяние, Птолемей надел пурпурную шляпу, перевязанную диадемой. Потом они оба спустились в подземный туннель, прорытый еще по приказу Птолемея Авлета. Туннель пролегал под защитной стеной и выходил наверх у театра. Оттуда можно было спокойно добраться до гавани, но Теодат повел маленького царя на агору.

Эта площадь легко вмещала около ста тысяч человек, и уже к полудню она начала заполняться. Солдаты Цезаря выдирали из зданий балки, а возмущенные александрийцы спешили к агоре. Ибо делали так всякий раз, когда их что-нибудь не устраивало. К тому времени, как появилась пара из дворца, агора была набита битком. Теодат зажал мальчика в угол. Свистящим шепотом он вдалбливал ему, что нужно будет сказать, когда придет подходящее время. С наступлением темноты, когда толпа забила проулки и забралась на крыши аркады, он провел царя к статуе Каллимаха-библиотекаря и помог ему взобраться на постамент.

– Александрийцы, идет война! – громко крикнул маленький царь. Лицо его в пламени тысячи факелов сделалось неестественно-красным. – На нас напали римляне, и весь Царский квартал в их руках! Но я хочу вам сказать не только об этом! – Он помолчал, чтобы убедиться, что правильно произносит заученный текст, и продолжил: – Да, не только! Моя сестра Клеопатра, изменница, возвратилась! Она снюхалась с Цезарем! Это она привела сюда римлян! Вся ваша еда ушла в римские животы, а Цезарь спит с Клеопатрой! Они опустошили казну и убили всех во дворце! А также убили всех, кто живет на Царской улице! Ненужную им пшеницу они вываливают прямо в море! Римские солдаты разбирают общественные постройки! Александрия разрушена, ее храмы осквернены, ее женщин и детей насилуют!

Была уже ночь, и в глазах мальчика словно бы полыхал гнев толпы, разгоравшийся с его словами. Это была Александрия, единственное место в мире, где толпа признавала свою силу и благодаря этой силе держала в руках власть. Сила эта была политическим инструментом и не тратилась на бездумные разрушения. Толпа свалила не одного Птолемея. Она могла свалить и римлянина, разорвать на куски и его самого, и его шлюху.

– Я – ваш царь, но меня свергли с трона римский пес и изменница Клеопатра!

Толпа зашевелилась, окружила царя Птолемея и взяла его на плечи, где он всем был виден в своем пурпурном одеянии. А он подгонял ее, как игрушечную лошадку, скипетром из слоновой кости.

Передние ряды возмущенных александрийцев докатились до стены, отгораживающей мыс Лохий от Александрии. В воротах, ведущих в Царский квартал, стоял Цезарь. С двумя шеренгами ликторов по бокам, в тоге с пурпурной каймой, с *corona civica* на голове и с жезлом на правом предплечье. Возле него стояла Клеопатра, все еще в своем желто-коричневом платье.

Толпа остановилась, непривычная к виду противника, который грозно смотрел на них.

– Зачем вы здесь? – спросил Цезарь.

– Мы пришли выкинуть тебя отсюда и убить! – крикнул маленький Птолемей.

– Царь Птолемей, послушай меня: ты не можешь сделать ни того ни другого. Ни выбросить нас, ни убить. Но я уверяю тебя, что в этом необходимости нет.

Определив зачинщиков в передних рядах, Цезарь теперь обращался лишь к ним:

– Если пошел слух, что мои солдаты опустошили александрийские зернохранилища, то все могут воочию убедиться в обратном. Сходите туда, там нет ни единого римского legionera. И если вы платите за продовольствие слишком много, вините в том свои власти, а не Цезаря. Я привез в Александрию собственное зерно, – бесстыдно лгал Цезарь.

Одной рукой он выдвинул Клеопатру вперед, другую простер в сторону мальчика в тирском пурпуре.

– Сойди с шестка, царь Птолемей, и встань туда, где должен стоять правитель, – лицом к своим подданным, а не среди них, в их власти. Я слышал, что граждане Александрии могут разорвать на куски царя, и в таком положении дел виноват ты сам, а не Рим. Давай иди ко мне!

Завихрения, вполне естественные в людской гуще, отделили мальчика от Теодата. Птолемей Тринадцатый остался один. Светлые брови нахмурены, в глазах – страх и недоумение. Умом он не блистал, но был достаточно сообразителен, чтобы понять, что Цезарь выставляет его в неправильном свете, что звонкий, далеко слышимый голос Цезаря поворачивает передние ряды толпы против него.

– Опустите меня! – приказал он.

И, подойдя к Цезарю, нерешительно встал рядом с ним.

– Вот и правильно, – добродушно сказал ему Цезарь. – Посмотрите на вашего царя и парицу! – крикнул он, обращаясь к толпе. – У меня при себе завещание покойного Птолемея, отца этих детей, и я здесь, чтобы выполнить его волю. Египтом и Александрией должны пра-

вить его старшая дочь, Клеопатра Седьмая, и его старший сын, Птолемей Тринадцатый Эвергет. Как муж и жена, в соответствии с вашим законом!

– Убейте ее! – взвизгнул Теодат. – Арсиноя – царица!

Но Цезарь и этот выкрик обернул в свою пользу.

– Царевну Арсиною ждут другие обязанности! – прогремел он. – Как диктатор Рима, я наделен полномочиями вернуть Египту Кипр! – В его голосе появились сочувственные нотки. – Я знаю, как тяжело вам пришлось, когда Марк Катон аннексировал этот остров. Вы потеряли медные рудники, дешевое зерно и кедровую древесину. Но сената, который узаконил эту аннексию, теперь нет. А мой сенат намерен восстановить справедливость! Царевна Арсиноя и царевич Птолемей Филадельф поедут на Кипр как сатрапы. Клеопатра и Птолемей Эвергет будут править в Александрии, Арсиноя и Птолемей Филадельф – на Кипре!

Толпа была побеждена, но Цезарь еще не закончил.

– Я должен добавить, почтенные александрийцы, что это старания вашей царицы возвращают вам Кипр! Как вы думаете, почему она отсутствовала? Потому что она ездила ко мне на переговоры о возвращении Кипра! И она добилась успеха. – Он сделал пару шагов вперед, улыбаясь. – А теперь, может быть, вы поприветствуете вашу царицу?

И замолчал, ожидая, когда новость докатится до задних рядов. Как хороший оратор, Цезарь говорил очень коротко, не вдаваясь в детали, но именно это и импонировало толпе. Александрийцы, удовлетворенные и радостные, оглушительно приветствовали Клеопатру.

– Все это очень хорошо, Цезарь, но ты не можешь отрицать, что твои войска разрушают наши храмы и общественные постройки! – выкрикнул кто-то.

– Да, это прискорбно, – согласился Цезарь и развел руками. – Но согласитесь, что даже римляне имеют право себя защищать. Вам ведь известно, что неподалеку от ворот Луны стоит огромная армия командующего Ахиллы. Он почему-то решил объявить мне войну. Я готовлюсь отразить нападение, и только. Если вы хотите остановить разрушение, пойдите к Ахилле и посоветуйте ему распустить свое войско.

Толпа развернулась, как солдаты на плацу, и через миг ее уже не было. Теперь ее целью, видимо, сделался Ахилла.

Не зная, что предпринять, дрожащий Теодат смотрел на мальчика-царя со слезами на глазах, потом, крадучись, подобрался к воспитаннику, чтобы облобызать его руку.

– Очень умный ход, Цезарь, – насмешливо заметил из темноты сада Потин.

Цезарь кивнул ликторам, и те перестроились, чтобы идти впереди него во дворец.

– Да, Потин, пора бы тебе понять, что я умен. Могу кое-что посоветовать и такому интригану, как ты. Перестань мутить в городе воду и поскорее вернись к своим прямым обязанностям, в том числе и к управлению царской казной. Если тыпустишь еще хоть слушок обо мне и царице, я предам тебя римской казни. То есть выпорю и обезглавлю. Если ты распространишь два ложных слуха, это будет смерть раба – распятие. Три ложных слуха – распятие без ломки ног.

В вестибюле дворца он отпустил ликторов, но задержал маленького царя, положив ему на плечо руку:

– Больше никаких вылазок на агору, молодой человек. А теперь иди в свои комнаты. Кстати, тайный ход я закрыл с обеих сторон. – Очень холодный взгляд на Теодата поверх спутанных кудрей Птолемея. – Ты теперь безработный. Чтобы к утру тебя здесь не было. И запомни одно! Если ты опять попытаешься подобраться к царю, с тобой проделают то же, что и с Потинем, если тот не возьмется за ум.

Цезарь чуть подтолкнул паренька, и тот побежал к себе в комнаты – поплакать. А Цезарь протянул руку Клеопатре:

– Пора спать, моя дорогая. Всем доброй ночи.

Она чуть улыбнулась, опуская ресницы. Требатий изумленно глянул на Фаберия. Цезарь и эта тощенькая малышка? Но она же совершенно не в его вкусе!

Имевший большой опыт обращения с женщинами, Цезарь легко исполнил свой очень необычный долг. Ритуальное соитие, в котором он – бог-муж, она – богиня-жена и девственница в придачу. Никакой страсти, никаких чувств. Ей, как восточной женщине, очень понравилось, что он выщипывает на теле все волоски, она сочла это признаком божественности. Но в действительности это был просто способ избежать волосяных паразитов. Цезарь был фанатичным приверженцем чистоты. В этом отношении она последовала его примеру и тоже выщипала все волосы – и от нее пахло естественной свежестью.

Однако созерцание голого тощего существа не большое удовольствие. Тем более что неопытность и нервозность вызвали поначалу в ней сухость. Грудь ее была почти плоской, как у мужчины, и он боялся, что она хрустнет под ним. Скорей бы отделаться, думал он и, не будучи педофилом, изо всех сил старался забыть о ее неразвитом детском теле и довести дело до конца. Да еще и не единожды, ведь для зачатия одного раза было мало.

А она вдруг пробудилась, ей стало очень нравиться то, что он с ней делал, судя по увлажнению ее лона. Сладострастное создание.

– Я люблю тебя, – последнее, что было ему сказано, прежде чем она погрузилась в глубокий сон. Одна рука-палка на его груди, другая – на бедрах.

Цезарю тоже надо поспать, решил он и закрыл глаза.

К утру бо́льшая часть работ на Царской улице была завершена. Верхом на наемном коне (он, к сожалению, не взял с собой Двупалого) Цезарь отправился на инспекцию и первым делом приказал легатам кавалерийского лагеря перекрыть дорогу к Канопскому каналу, отрезав тем самым Александрию от Нила.

Фактически все, что он сейчас предпринимал, являлось вариацией его стратегии под Алезией, где шестьдесят тысяч римлян замкнули себя внутри циркумвального коридора, отделенные внутренней стеной от восьмидесяти тысяч галлов, которых они осаждали, и внешней – от двухсотпятидесятитысячной вражеской армии, пытавшейся их раздавить. Но на этот раз контролируемая легионерами территория напоминала не кольцо, а гантель, стержнем которой была Царская улица, а кавалерийский лагерь и мыс Лохий – утолщения на концах. Сотни балок, натащенных со всего города, были горизонтально уложены от одного особняка к другому, чтобы соединить их вместе. На плоских крышах из них возвели брустверы, где Цезарь поместил свою малую артиллерию. Большие баллисты поставили на верху двадцатифутовой стены в восточной части кавалерийского лагеря. Холм Панейон стал наблюдательным пунктом, его подножие превратилось в грозный крепостной вал, для чего, правда, пришлось разобрать весь гимнасий. Зато теперь Цезарь мог быстро передвигать по образовавшемуся пространству свои малочисленные войска, благо ибисы разом покинули римскую клетку. Каким-то образом эти хитрые птицы почувствовали, что происходит, и расселись на подступах к укреплениям, не нарушая границ. Хорошо, усмехнулся мысленно Цезарь. Дополнительная защита. Пусть александрийцы попробуют драться, не убивая при этом ибисов! Римляне в подобном случае обратились бы к Юпитеру Всеблагому Всесильному и заключили бы с ним временный договор, освобождающий их от наказания за вынужденное святотатство, пообещав потом принести искупительную жертву. Но очень сомнительно, что Серапис столь же покладист, как самый могущественный из римских богов.

Восточней «гантели» располагались районы Дельта и Эпсилон. Там в основном проживали евреи и метики. Западные же районы Александрии, заселенные греками и македонцами, представляли нешуточную опасность. С вершины Панейона Цезарь видел Ахиллу (о боги, какой он все же медлительный!), пытавшегося подготовить свое войско. Наблюдалась актив-

ность в гавани Евнота и в бухте Кибот. Военные корабли вышли из укрытия, чтобы сменить те, что прибыли из Пелузия, их нужно было вытащить на берег для просушки. Через день-два флотоводец, столь же медлительный, как и Ахилла, намеревался проучить неприятеля. Его галеры пройдут под арками Гептастадия в Большую гавань и утопят все тридцать пять римских транспортов.

Поэтому Цезарь послал две тысячи солдат разобрать все дома с западной стороны своих укреплений, расчистив таким образом пространство шириной в четыреста футов, напиги-ванное ловушками всех сортов: тщательно замаскированными ямами с острыми кольями на дне, цепями, которые появлялись ниоткуда, обматываясь вокруг шеи врага, осколками разбитого александрийского стекла. Остальные легионеры заняли док в Большой гавани, захватили все корабли, нагрузили их колоннами, взятыми в здании суда, гимнасии и на агоре, и затопили под арками дамбы. Через два часа даже полубаркас не сумел бы проникнуть ближним путем из одной гавани Александрии в другую. Теперь, чтобы осуществить свой план, александрийцы будут вынуждены пройти мимо мелководий и наносных песчаных островов Евноты, вокруг острова Фарос и войти через проходы Большой гавани. «И все же, Кальвин, поторопись с моими двумя легионами! Мне нужны военные корабли!»

Заблокировав арочные проходы под дамбой, солдаты Цезаря забрались на нее и разрушили акведук, поставлявший пресную воду на остров Фарос, а потом отбили крайнюю линию артиллерии у защитников бухты-коробки Кибот. Они, конечно, встретили некоторое сопротивление, но было ясно, что александрийцам не достает расчетливости и командующего. Они бросались в драку, как белги в прежние времена, до того как поняли, что в сражении надо выжить, чтобы потом снова сражаться. Это был удобный противник для легионеров, ветеранов девятилетней войны в Косматой Галлии. А захваченные баллисты и катапульты весьма хороши! Цезарь будет доволен.

Легионеры переправили артиллерию на свою сторону дамбы, потом подожгли корабли, стоявшие на якоре у пристаней и пирсов. Чтобы усугубить панику, они стреляли зажигательными снарядами из захваченных баллист по боевым кораблям в Евноте и по крышам корабельных навесов. Неплохо поработали сегодня!

Цезарь тем временем занимался другим. Он послал гонцов в районы Дельта и Эпсилон и пригласил троих еврейских старейшин и троих предводителей метиков на совещание. Принять их он решил в зале для аудиенций, где были поставлены удобные кресла и столики с угощением, а на троне восседала царица.

– Держи себя по-царски, – наставлял он ее. – Никаких там «я серая мышка», и сними драгоценности с Арсиной, если у тебя нет своих. В общем, постарайся произвести впечатление. Это важное совещание. Они нам нужны.

Когда она появилась, он чуть не впал в ступор. Вначале в зал вступили египетские жрецы. Позвякивая кадилницами, они тянули низкую монотонную песнь. Все были в белых простых одеяниях, кроме их предводителя. Поверх его золотого нагрудного украшения, инкрустированного драгоценностями, висели золотые ожерелья-амулеты. Он нес длинный золотой с эмалью посох, которым стучал по полу, издавая глухой звук.

– Все приветствуйте Клеопатру, дочь Амона-Ра, воплощенную Исиду, правительницу Верхнего и Нижнего Египта, сопричастную Осоке и Пчеле! – выкрикнул на хорошем греческом верховный жрец.

Она была одета как фараон: плиссированное белое льняное платье с белыми же полосами, поверх него пышная накидка с короткими рукавами, из тонкого до прозрачности льна и вся расшитая узорами из мелких сверкающих стеклянных бусинок. На голове странное сооружение – Цезарь видел такое на настенных росписях, но двумерное изображение не шло ни в какое сравнение с оригиналом. Внешняя красная корона, покрытая эмалью, сзади венчалась

высоким выступом, а спереди была украшена головами кобры и стервятника из золота и драгоценных камней. Внутри внешней короны располагалась еще одна, более высокая коническая корона белой эмали с золотой спиралью. Шею женщины-фараона охватывало ожерелье шириной десять дюймов из золота, эмали и драгоценностей, талию – золотой пояс шириной шесть дюймов. На руках – великолепные золотые и эмалевые браслеты в форме змей и леопардов. На пальцах – десятки сверкающих колец. На подбородке – фальшивая борода, тоже из золота и эмали, прикрепленная золотой проволокой к ушам. На ногах – украшенные драгоценными камнями золотые сандалии на очень высокой позолоченной пробковой подошве.

Лицо Клеопатры было искусно раскрашенной маской. Рот ярко-алый, щеки нарумянены, глаза – подобия ока на ее троне: обведенные черной сурьмой, идущей тонкими линиями по направлению к ушам и заканчивающейся маленькими треугольниками, закрашенными медно-зеленой краской. Эта же краска покрывала верхние веки вплоть до бровей, увеличенных сурьмой, а от глаз вниз по щекам сбегали волнистые линии. Эффект был потрясающим и даже зловещим. Казалось, под слоями краски прячется жуткий и нечеловеческий лик.

Сопровождающие госпожу македонские служанки, Хармиона и Ирада, сегодня тоже были одеты в египетском стиле. С их помощью Клеопатра в тяжелых сандалиях поднялась по ступеням к верхнему трону и села, скрестив на груди золотой изогнутый жезл и плетъ, которые получила от своих спутниц.

Цезарь отметил про себя, что никто не простерся ниц. Низких поклонов оказалось достаточно.

– Мы здесь, чтобы наблюдать за ходом переговоров, – сказала Клеопатра звучным голосом. – Мы – фараон, воплощенное божество на земле. Гай Юлий Цезарь, сын Амона-Ра, воплощенный Осирис, великий понтифик, победитель народов и диктатор Рима, продолжай!

«Так-то! – подумал он ликуя. – Александрией и Македонией тут даже и не пахнет! Теперь она египтянка до мозга костей. Раз она надела на себя эти невероятные регалии, она олицетворяет власть!»

– Я потрясен твоим величием, дочь Амона-Ра, – сказал он, затем указал на стоящих рядом старейшин. – Позволь представить тебе евреев Симеона, Авраама и Иешуа, а также метиков Кибира, Формиона и Дария.

– Приветствую вас. Можете сесть, – сказала женщина-фараон.

После чего Цезарь забыл о ней напрочь. Решив подойти к вопросу издалека, он указал на столики с яствами.

– Я знаю, что мясо должно быть приготовлено в соответствии с вашими религиозными требованиями и что вино должно тоже быть иудейским, – сказал он Симеону, главному среди евреев. – Можете быть в этом уверены. Прошу вас, угощайтесь после нашей беседы. Для вас еда и вино, – сказал он Дарию, этнарху метиков, – приготовлены на втором столе.

– Мы ценим твою доброту, Цезарь, – сказал Симеон, – но даже гостеприимство не может изменить того факта, что твой укрепленный коридор отрезал нас от остального города – нашего основного источника продовольствия, средств к существованию и товаров, которыми мы торгуем. Мы заметили, что ты закончил разрушать дома на западной стороне Царской улицы. Значит ли это, что теперь ты возьмешься за восточную сторону?

– Не беспокойся, Симеон, – сказал Цезарь на прекрасном еврейском, – и сначала послушай меня.

Клеопатра вытаращила глаза от удивления. Симеон подскочил.

– Тебе знаком наш язык? – спросил он.

– Немного. Я рос в многоязычном квартале Рима, в Субуре, где у моей матери была инсула – доходный дом. Обитали там и евреи, и я ребенком с большим удовольствием проводил время у них. Самым старым жильцом был золотых дел мастер Шимон. Я знаком с вашей религией, вашими обычаями и традициями, вашей кухней, вашими песнями и историей.

Он повернулся к Кибиру.

– Мне знакомо и ваше наречие, – сказал он на писидийском языке. Потом посмотрел на перса, сидевшего рядом, и вернулся к греческому: – Но увы, Дарий, персидского я не знаю. Так что будем общаться на греческом.

В течение четверти часа Цезарь объяснял собравшимся ситуацию, ни за что не извиняясь. Война в Александрии была неизбежна.

– Однако, – продолжил он после паузы, – я предпочел бы вести ее только на западной стороне коридора: так было бы лучше и для меня, и для вас. Не ополчайтесь против меня, и я гарантирую, что мои солдаты не вторгнутся к вам. Обещаю также, что вы не будете голодать. Что же касается перебоев с товарами и потери прибыли, то, разумеется, это неизбежно. Война есть война. Однако возможны и компенсации за все издержки, когда я побью Ахиллу и подчиню город. Не мешайте Цезарю, и Цезарь будет у вас в долгу. А долги Цезарь платит.

Он поднялся со своего курульного кресла и подошел к трону:

– Я думаю, о фараон, что это в твоей власти заплатить всем, кто поможет тебе удержать трон?

– Да.

– Тогда готова ли ты компенсировать евреям и метикам их финансовые потери?

– Готова, если они не будут тебе мешать, Цезарь.

Симеон встал, низко поклонился.

– Великая царица, – сказал он, – в знак твоего благоволения не одаришь ли ты нас, евреев и метиков, еще одной привилегией?

– Какой, Симеон?

– Александрийским гражданством.

Последовала длинная пауза. Клеопатра сидела, спрятавшись за своей экзотической маской. Глаза прикрыты медно-зелеными веками, жезл и плетъ на груди то вздымаются, то опадают в такт дыханию. Наконец блестящие красные губы открылись.

– Я согласна, Симеон и Дарий. Александрийским гражданством будут наделены все евреи и метики, прожившие в этом городе больше трех лет. К тому же вы получите финансовую компенсацию за потери, которые понесете в этой войне. А еще каждый еврей или метик, взявшийся за оружие, чтобы меня поддержать, может рассчитывать на награду.

Симеон вздохнул с облегчением; остальные пятеро нерешительно переглянулись, не веря своим ушам. Наконец-то они получают то, в чем им отказывали веками!

– А я, – сказал Цезарь, – добавлю еще римское гражданство.

– Цена более чем справедливая. Мы согласны, – просиял Симеон. – Более того, чтобы доказать нашу лояльность, мы будем охранять побережье между мысом Лохий и ипподромом. К нему, правда, нельзя подойти на больших кораблях, но у Ахиллы много маленьких лодок, он может использовать их. А позади ипподрома, – пояснил он Цезарю, – начинаются болота Дельты Нила. Такова воля Бога, а Бог – наш лучший союзник.

– Вот и прекрасно, – сказал Цезарь. – Прошу, угощайтесь.

Клеопатра поднялась.

– Фараон вам больше не нужен, – сказала она. – Хармиона, Ирада, помогите мне спуститься.

– О, избавьте меня от всего этого! – простонала она, как только вошла в свои покои.

Прочь сандалии, прочь нелепая накладная борода, прочь тяжеленный золотой воротник! Кольца, браслеты и ожерелья посыпались на пол. Испуганные служанки стали их подбирать, косясь с подозрением друг на друга. Велик соблазн присвоить вещицу, но и кара за то велика. Клеопатра сидела, пока Хармиона и Ирада с трудом снимали с нее огромную двойную корону. Под золотом и эмалью та была сплошь деревянной, с выдолбленным в основании углубле-

нием, идеально повторявшим форму черепа Клеопатры, чтобы ни при каких обстоятельствах не сползти с ее головы. Двойная страховка, и тяжесть тоже двойная.

Вдруг Клеопатра увидела красивую египтянку в платье храмового музыканта, радостно вскрикнула и упала в ее объятия:

– Таха! Таха! Моя мать, моя мать!

Хармиона и Ирада ворчали, что изомнется накидка, расшитая бисером, но Клеопатра их не слышала. Она обнимала и целовала Таху.

Ее родная мать была доброй и милой, но всегда слишком занятой, чтобы проявлять к дочери нежные чувства. Клеопатра ее не винила, ведь она и сама росла в ужасной атмосфере александрийского дворца. Митридат Великий выдал свою дочь Клеопатру Трифену за Птолемея Авлета, незаконного сына Птолемея Сотера, прозванного Латиром. Она родила ему двух дочерей, Беренику и Клеопатру, но сыновей у нее не было. У Авлета была сводная сестра, еще ребенок, когда Митридат заставил его жениться на Клеопатре Трифене, но это было тридцать три года назад, и сводная сестра выросла. Однако, пока Митридат Великий был жив, Авлет не смел и помыслить о расторжении брака; ему оставалось лишь ждать.

Когда Беренике исполнилось двенадцать лет, а маленькой Клеопатре пять, Помпей Великий положил конец благоденствию Митридата Великого. Тот бежал в Киммерию и был убит одним из своих сыновей (тем самым Фарнаком, который сейчас вторгся в Анатолию). Авлет тут же развелся с Клеопатрой Трифеной и женился на своей сводной сестре. Но дочь Митридата была прагматичной и проницательной. Ей удалось остаться в живых, и она продолжала жить во дворце со своими двумя дочерьми. Новая же супруга родила Авлету еще одну дочь, Арсиною, и наконец двоих сыновей.

Береника достаточно подросла, чтобы присоединиться к взрослым, а Клеопатру оставили в детской. Ужасное место. Потом, когда трон под Авлетом зашатался, мать послала маленькую Клеопатру в Мемфис, в храм Птаха. И она вошла в мир, совсем не похожий на дворец в Александрии. Прохладные известняковые здания в древнеегипетском стиле, теплые материнские руки. Ибо Каэм, верховный жрец Птаха, и его жена Таха приняли девочку в свою семью. Они научили ее разным языкам – двум видам египетского, арамейскому, еврейскому и арабскому, научили ее петь и играть на большой арфе, научили ее всему тому, что нужно было знать о Египте Нила, о могущественном пантеоне его богов, во главе которых стоял бог-создатель Птах.

Сексуальные извращения и пьяные оргии усугубляли недовольство Александрии Авлетом. Он сел на трон после смерти своего законного сводного брата, Птолемея Одиннадцатого, не оставившего наследников, но оставившего завещание, в котором отдавал Египет Риму. Таким образом, Рим вышел на первый план, что вселяло ужас. В годы консульства Цезаря Авлет заплатил шесть тысяч талантов золота, чтобы Рим узаконил его права на трон. Это золото он украл у Александрии. Ибо Авлет не был фараоном и не имел доступа к сказочным богатствам, хранившимся в подвалах Мемфиса. Плохо было то, что доход Александрии принадлежал александрийцам, которые настаивали, чтобы правитель выплатил им долг. Времена были тяжелые, цены на продукты росли, осложнения отношений с Римом становились опасными. Авлет не придумал ничего другого, как девальвировать александрийскую монету.

Это стало последней каплей, переполнившей чашу народного гнева. Толпа кинулась во дворец. Тайный туннель дал возможность Авлету бежать морем, но... без единого сестерция в кошельке. Александрийцев это не волновало, они заменили Авлета его старшей дочерью Береникой, а ее мать, Клеопатру Трифену, удостоили равных с ней прав. Ситуация во дворце изменилась. Вторая жена Авлета и все его отпрыски вынуждены были уступить царицам из рода Митридата.

А маленькую Клеопатру вызвали из Мемфиса. Ужасный удар! Как она плакала, покидая Таху, Каэма и тихую, спокойную жизнь, полную любви и ученых занятий возле широкого

синего Нила! Атмосфера александрийского двора стала хуже, чем когда-либо. В свои одиннадцать лет Клеопатра опять попала в детскую, которую ей пришлось делить с кусающимися, царапающимися и вечно дерущимися маленькими Птолемеями. Арсиноя была самой вредной, она все твердила, повторяя чьи-то слова, что Клеопатра для них недостаточно хороша. В ней слишком мало крови Птолемеев, и к тому же она внучка старого негодяя-царя, лет сорок наводившего на Анатолию ужас, но в конце концов получившего по заслугам. Его сломил Рим.

Клеопатра Трифена умерла через год после того, как взошла на трон. Береника решила выйти замуж. Но Рим этого не хотел. Красс и Помпей все еще планировали аннексию, подстрекая к этому правителей Сирии и Киликии. Где бы Береника ни пыталась найти мужа, Рим уже спешил впереди, запугивая кандидатов и вынуждая их отказаться от весьма заманчивых перспектив. Наконец она обратилась к своим родственникам по линии Митридата и среди них нашла себе жениха, некоего Архелая. До Рима ему не было никакого дела, и он поехал в Александрию и женился на Беренике. В течение нескольких дней они были счастливы. Потом Авл Габиний, правитель Сирии, вторгся в Египет.

Ибо Птолемей Авлет не тратил попусту времени в ссылке, а пошел к римским ростовщикам (в том числе и к Рабирию Постуму). Набрав у них денег, он заявил о своей готовности вручить десять тысяч талантов серебром любому, кто поможет ему вновь сесть на египетский трон. Габиний согласился и направился с войском в Пелузий. Авлет, разумеется, был рядом с ним. И еще один незаурядный и совсем еще молодой человек – командующий конницей Авла Габиния, двадцатисемилетний римский аристократ Марк Антоний.

Тогда Клеопатра не увидела Марка Антония. Как только Габиний пересек границу Египта, Береника отослала ее к Каэму и Тахе в Мемфис. Царь Архелай собрал армию с намерением драться, но ни он, ни Береника не знали, что Александрия не одобряла их брак. Еще один Митридат на троне никому не был мил, поэтому Архелая в походе убили, что положило конец египетскому сопротивлению. Габиний вошел в Александрию и снова посадил Птолемея Авлета на трон. Тот казнил свою дочь Беренику еще до того, как Габиний покинул город.

Клеопатре в те дни было четырнадцать лет, Арсиное – восемь, одному маленькому Птолемею было шесть, другому только что исполнилось три года. Чаша весов склонилась в их сторону. Вторая жена и вторая семья Авлета вновь оказались на высоте. Понимая, что Клеопатру в Александрии убьют, Каэм и Таха не отпускали ее от себя, пока Авлета не доконали собственные пороки. Александрийцы не хотели видеть Клеопатру на троне, но верховный жрец Птаха был главой египетской религии в течение уже трех тысяч лет, и Каэм знал, как следует поступить. А именно сделать Клеопатру фараоном, прежде чем она покинет Мемфис. Если она вернется в Александрию как фараон, никто не посмеет тронуть ее. Ни какой-то Потин, ни Теодат, ни Арсиноя. Ибо у фараона был ключ от подвалов с сокровищами, доступ к неограниченному запасу денег, и фараон был богом в Египте Нила, откуда поступало продовольствие для Александрии.

Главным источником царских доходов была вовсе не Александрия, а Египет Нила – земля, где с незапамятных времен правили полновластные владыки и где фараону принадлежало решительно все: поля, посевы, животные, птицы, пчелы (как дикие, так и домашние), строения, все производство и все продовольствие. Только производство льняного полотна, находившееся в ведение жрецов, он контролировал не в полной мере. Третью дохода получали производители этой тончайшей в мире ткани, походившей на чуть затуманенное стекло. Нигде, кроме Египта, не умели так плиссировать лен и красить в такие волшебные цвета. Нигде, кроме Египта, не было это полотно таким ослепительно-белым. Еще один уникальный источник дохода – бумага. Папирус в избытке рос в Дельте Нила, и его владельцем, естественно, был фараон.

Поэтому доход фараона превышал двенадцать тысяч талантов золота в год. Доход шел в два фонда – общественный и личный. По шесть тысяч талантов в каждый. Из общественного

фонда фараон платил правителям, чиновникам, стражам порядка, армии, флоту, ремесленникам и крестьянам. Даже когда Нил не разливался, общественных денег хватало, чтобы закупать зерно в других землях. Личный фонд принадлежал только фараону для удовлетворения его желаний и потребностей. Фараон владел золотом, драгоценностями, порфиром, черным деревом, слоновой костью, специями и жемчугом. Флот, что плавал к мысу Горн за всем этим, тоже принадлежал фараону.

Неудивительно, что все Птолемеи жаждали получить этот титул. Ибо Александрия была совершенно отделена от Египта. Хотя царь и царица забирали львиную долю ее налогов, они не владели имуществом Александрии, будь то корабли, стекольные мастерские или торговые компании. И они не обладали титулом, дающим им право на землю, на которой стояла Александрия. Город был основан Александром Великим, считавшим себя греком, но на все сто процентов являвшимся македонцем. Толкователь повелений фараона, писец и управляющий казной собирали весь общественный доход Александрии и большую его часть пускали на удовлетворение собственных нужд, используя для этого систему привилегий и прерогатив, которые давала служба во дворце.

Мемфисские жрецы Птаха, пережившие многое при Ассирийской, Кушитской и Персидской династиях, примирились и с Птолемеем, соратником Александра Великого. Они передали в его ведение государственную казну Египта с условием, что Египет Нила не будет обойден и его храмы и народ будут процветать. Если бы Птолемей был еще и фараоном, тогда он забрал бы и личный фонд. Эти сокровища оставались в подвалах Мемфиса. Фараон должен был сам явиться в Мемфис, чтобы получить то, что ему нужно. Таким образом, когда Клеопатра убежала из Александрии, она в отличие от отца не отплыла из Большой гавани без гроша. Она поехала в Мемфис и получила деньги, чтобы собрать армию наемников и вернуть себе трон.

– Ох! – вздохнула она, избавившись наконец от парадного облачения. – Ну и тяжесть!

– То, что давит на твои плечи, дочь Амона-Ра, возвышает тебя в глазах Цезаря, – сказал Каэм, нежно касаясь ее волос. – В греческом платье ты выглядишь тенью. Тирский пурпур хорош, но не для египетских фараонов. Когда все закончится, не потакай своей слабости и всегда одевайся как фараон. Даже в Александрии.

– Чтобы александрийцы разорвали меня на куски? Ты ведь знаешь, как они ненавидят Египет.

– Ответ Риму должен дать фараон, а не Александрия, – отрезал Каэм. – Твой первый долг – отстоять самостоятельность нашей страны раз и навсегда, сколько бы Птолемеи ни отдавали Египет Риму в своих завещаниях. С помощью Цезаря ты можешь это сделать, и Александрия должна быть благодарной. Что представляет собой этот город? Это же паразит на теле Египта и фараона!

– Возможно, все изменится, Каэм, – задумчиво проговорила Клеопатра. – Я знаю, ты прибыл на лодке, но прогуляйся по Царской улице и посмотри, что творится вокруг. Цезарь произвел в городе страшные разрушения, и я подозреваю, что это только начало. Александрийцы разорены, причем самым бесцеремонным образом. Они будут драться с Цезарем до конца, но я знаю, что победить они не смогут. Когда они поймут это, все навсегда изменится. Я читала записки, которые Цезарь написал о своей войне в Галлии, – очень объективные, лишённые эмоций. Но, увидев его, я лучше их поняла. Цезарь проявляет терпимость, он способен понять и принять многое, но, если ему постоянно досаждают, он меняется. Прочь милосердие, прочь понимание, он приложит все силы, употребит все средства, чтобы сломить противников. Александрийцы никогда не воевали со столь могущественным врагом. – Станные глаза взглянули на Каэма с почти Цезаревой отстраненностью. – Когда Цезаря вынуждают, он ломает дух и хребты.

Таха поежилась:

– Бедная Александрия!

Муж ее ничего не сказал, распираемый радостью. Александрию уничтожают! О сладкий час для Египта! Мемфис вновь возродится, обретет власть. Годы, которые Клеопатра провела в храме Птаха, давали плоды.

– Нет известий с Элефантины? – спросила она.

– Еще рано, дочь Амона-Ра, но мы получим их вместе. Мы прибыли, чтобы в трудное время ты была не одна, – сказал Каэм. – Ты не можешь сейчас приехать в Мемфис, мы знаем об этом.

– Это так, – сказала Клеопатра и вздохнула. – Как я скучаю без Птаха, без Мемфиса и вас!

– Но Цезарь ведь стал твоим мужем, – сказала Таха и взяла ее за руки. – И ты понесла от него.

– Да, у меня будет сын, я знаю это.

Жрецы Птаха переглянулись, удовлетворенные.

«Да, у меня будет сын, но Цезарь меня не любит. Я полюбила его, как только увидела, – высокого, красивого, похожего на бога. Я не ожидала, что он будет выглядеть как Осирис. Старый и молодой одновременно, отец и муж. Полон силы, величия. Я для него лишь обязанность. Лишь веха в земной жизни, после которой он двинется в новом направлении. В прошлом он любил. Когда он не знает, что я наблюдаю за ним, его боль становится видимой. Наверное, они все ушли – женщины, которых он любил. Мне известно, что его дочь умерла при родах. Но я не умру при родах. Правительницы Египта никогда не умирают при родах. Хотя он боится за меня, ошибочно принимая мою внешнюю хрупкость за слабость, но я сделана из хорошего материала. Я доживу до глубокой старости, как и подобает дочери Амона-Ра. Сын Цезаря из моего чрева состарится, прежде чем получит возможность править вместе со своей женой, а не с матерью. Но он не будет единственным нашим ребенком. Я еще должна родить Цезарю дочь, чтобы наш сын мог жениться на своей кровной сестре. Потом пойдут другие дети – мальчики, девочки. Все переженятся, и все будут плодовиты.

Они образуют новую династию, дом Птолемея Цезаря. Сын, которого я ношу, построит храмы по всей реке, и его тоже провозгласят фараоном. Мы вместе будем выбирать Бухиса, быка Аписа, и каждый год будем проверять показания ниломера на Элефантине. Поколение за поколением разливы Нила будут обильными. При Птолемеях Цезарях страна никогда не узнает нужды. Земля Осоки и Пчелы вернет себе прошлую славу и все свои прежние территории: Сирию, Киликию, Кос, Хиос, Кипр и Киренаику. В этом ребенке заключено будущее Египта, в его братьях и сестрах – кладезь таланта и гения».

Когда пять дней спустя Каэм сказал Клеопатре, что Нил поднимется на двадцать восемь футов, она даже не удивилась. Это был идеальный разлив, и ее ребенок будет идеальным. Сын двух богов, Осириса и Исиды, – Гор, Хароерис.

3

Война в Александрии продолжалась до ноября, но ограничивалась западной стороной Царской улицы. Евреи и метики оказались бесстрашными воинами, они сколотили собственные боевые отряды и превратили свои литейные и скобяные цеха в оружейные мастерские. Серьезный урок для александрийцев – македонцев и греков, сосредоточивших загрязняющие воздух производства, связанные с металлом, в восточной части города, где жили все умелые ремесленники. Скрипя зубами, толкователь повелений фараона был вынужден потратить некоторую часть городских фондов на закупку оружия в Сирии. Он уговаривал всех, кто жил на западной стороне и умел работать с металлом, начать делать мечи и кинжалы.

Ахилла несколько раз предпринимал атаки через ничейную землю, но безуспешно. Солдаты Цезаря с легкостью отражали наскоки, кроме того, в них зрела ненависть к надоедливому, словно мухи, врагам.

В начале ноября Арсиное и Ганимеду удалось бежать из дворца. Арсиноя надела кирасу, шлем, наголенники и, размахивая мечом, принялась воодушевлять павших духом александрийцев. Она надолго овладела всеобщим вниманием, что позволило Ганимеду подобраться к Ахилле и беспрепятственно его убить. Уцелевший толкователь повелений фараона тут же объявил Арсиною царицей, а Ганимеда произвел в главнокомандующие. Умный ход. Ганимед был рожден для такого дела.

Новый главнокомандующий приказал впрячь волов в лебедки, регулирующие подъем шлюзных ворот, и перекрыл доступ воды к районам Дельта и Эпсилон. Район Бета и Царский квартал водоснабжения не лишились. Потом, используя искусную комбинацию однообразного механического человеческого труда и колесо старого Архимеда, Ганимед закачал в трубы соленую воду из Кибота, сел и стал ждать.

Через два дня, в течение которых вода становилась все более соленой, римляне, евреи и метики поняли, что произошло. Они запаниковали. Цезарь был вынужден лично заняться возникшей проблемой. Он вскрыл мостовую посреди Царской улицы и выкопал глубокую яму. Как только она наполнилась пресной водой, кризис миновал. Вскоре на каждой улице Дельты и Эпсилона появилось такое количество колодцев, словно там поработала армия кротов. Всеобщее восхищение Цезарем дошло до того, что его стали считать полубогом.

– Мы сидим на известняке, – объяснил он Симеону и Кибиру, – в котором всегда есть водоносные слои, потому что он мягкий и легко разъедается подземными потоками. Как-никак рядом с нами самая большая в мире река.

В ожидании эффекта, который должна была произвести на Цезаря соленая вода, Ганимед сосредоточился на артиллерийском обстреле, посылая горящие снаряды в сторону Царской улицы с той частотой, с какой его люди могли заряжать баллисты и катапульты. Но у Цезаря имелось средство противодействия – маленькие катапульты, называемые скорпионами. Они метали короткие деревянные стрелы, которые оружейные мастера делали десятками по шаблонам, чтобы гарантировать правильную траекторию полета. Плоские крыши домов по Царской улице служили отличными площадками для скорпионов. Цезарь расставил их за деревянными балками по всей длине Царской улицы. Стрелявшие же из баллист служили прекрасными мишенями. Хороший стрелок из скорпиона мог легко поразить цель в грудь или в бок. Ганимед был вынужден загородить своих людей железными щитами, которые мешали им целиться.

Во второй половине ноября прибыл долгожданный римский флот, хотя никто в Александрии об этом не узнал. Дули такие сильные ветры, что корабли отнесло на несколько миль к западу от города. Ялик, прокравшийся в Большую гавань, направился к мысу Лохий, после того как гребцы заметили алый флаг командующего, развевающийся на фронте главного

дворца. Они везли Цезарю сообщение от легата, который командовал флотом, и письмо от Гнея Домиция Кальвина. Хотя в сообщении говорилось, что флот очень нуждается в пресной воде, Цезарь сначала сел читать записку Кальвина.

К сожалению, не могу послать тебе два легиона из-за недавних событий в Понте. Фарнак высадился в Амисе, и я отправляюсь с Сестием и тридцатью восьмью посмотреть, как обстоят дела. Ситуация очень серьезная, Цезарь. В донесениях сообщается об ужасных разрушениях и о том, что у Фарнака больше ста тысяч человек. Все они – скифы, то есть дерутся как львы, если сообщения Помпея правдивы хоть в половину.

Я послал тебе весь боевой флот, поскольку он вряд ли мне понадобится в кампании против царя Киммерии, ибо у того нет с собой кораблей. Лучшие в моем флоте – десять родосских трирем, быстрых, маневренных, с бронзовыми таранами. Ими командует известный тебе Эвфранор, лучший флотоводец, не считая Гнея Помпея. Еще десять военных судов – понтийские квинквиремы, очень большие, массивные, но не быстроходные. Мне также удалось превратить двадцать транспортов в военные корабли, я укрепил их носы дубом и добавил скамеек для гребцов. Думаю, лишними они не будут, раз ты собираешься в провинцию Африка. По слухам, Гней Помпей со своим флотом уже там. Республиканцы определенно рассчитывают на реванш. Но все равно весть о гибели Помпея Магна огорчила меня. То, что с ним сделали египтяне, ужасно.

Тридцать седьмой легион везет с собой много хорошей артиллерии. Кроме того, поскольку в Египте голод, я подумал, что тебе может понадобиться провиант. И нагрузил сорок транспортов пшеницей, нутом, маслом, беконом и очень вкусными сушеными бобами. А также бочками с соленой свиной. Бобы и свинина идеальны для похлебки.

Я также поручил Митридату из Пергама набрать для тебя хотя бы один легион. Ему запрещено набирать армию, но я, пользуясь данными мне чрезвычайными полномочиями, отменил этот запрет. Когда он прибудет в Александрию, ведают одни боги, но он надежный человек, поэтому я уверен, что он поспешит. Кстати, он пойдет по суше, а не морем. Если ты снимешься с места раньше, оставь ему транспорты, и он нагонит тебя.

Следующее письмо тебе я отправлю из Понта. Марк Брут теперь – наместник Киликии, но ему строго наказано заниматься только вербовкой и тренировкой солдат, а не сбором долгов.

– Я думаю, – сказал Цезарь Руфрию, сжигая письмо, – что мы сплутуем. Давай соберем все пустые бочки и отплывем вместе с ними из Александрии на запад. В открытую, не таясь. Как знать, вдруг Ганимед подумает, что его трюк с соленой водой сработал и что Цезарь покидает город со всеми своими людьми, бездумно бросив кавалерию на произвол судьбы.

Поначалу именно так Ганимед и подумал, но тут его конный дозор наткнулся на группу римских легионеров, празднично болтавшихся по берегу. Эти римляне оказались совсем неплохими парнями, хотя и простодушными. Они сообщили людям Ганимеда, что Цезарь никуда не уплыл, а просто берет воду из родника. Александрийские всадники поскакали галопом к своим, бросив пленников, которые возвратились к Цезарю.

– Но мы им не сказали, – заверил Руфрия младший центурион, – что наши корабли встретятся там с подоспевшими на помощь судами. Они ничего не знают о них.

– Ага! – крикнул Цезарь, выслушав Руфрия. – Наш друг-кастрат теперь непременно выведет свой флот из гавани Евноста, надеясь подстеречь тридцать пять наших транспортов-водозовов. Подсадные римские утки против александрийских ибисов, а? Где Эвфранор?

Если бы день не клонился к закату, война в Александрии могла бы на том и закончиться. Сорок квинквирем и квадрирем Ганимеда выскочили из гавани Евноста, когда вдаль показались римские транспорты, идущие против ветра, – не слишком трудная задача для гребцов на пустых кораблях. Как только александрийцы приготовились к смертоносной атаке, транспорты расступились, давая дорогу десяти родосским и десяти понтийским военным судам, за которыми следовали два десятка бывших торговых, но переоборудованных в боевые посудины. Два с половиной часа светлого времени – маловато для морского сражения, но Ганимед понес серьезный урон. Одна его квадрирема с моряками была взята в плен, одна затонула, еще две, основательно поврежденные, потеряли свои экипажи. Военные корабли Цезаря не пострадали.

На рассвете следующего дня в Большую гавань вошли транспорты с войском и провиантом. Теперь к силам Цезаря в Александрии добавились еще пять тысяч солдат-ветеранов и тысяча нестроевых солдат и военный флот под командованием Эвфранора. А также много хорошей еды. Легионеры обрадовались. Они успели возненавидеть александрийскую пищу! Особенно масло, выжатое из семян кунжута и тыквы.

– Теперь, – объявил Цезарь, – я займу остров Фарос.

Сделать это было довольно легко. Ганимед не горел желанием терять своих опытных людей. Он отступил. Жители острова оказали серьезное сопротивление римлянам, но безрезультатно.

А Ганимед спустил на воду все имевшиеся у него корабли. Победа на море вдруг стала казаться ему залогом победы на суше. Потин ежедневно присылал вести из дворца, думая, что снабжает информацией Ахиллу. Ни Цезарь, ни тем более Ганимед не удосужились сообщить ему, что Ахилла мертв. Ганимед понимал, что, если Потин узнает, кто командует войском, поток сведений может иссякнуть.

В начале декабря Ганимед потерял своего информатора во дворце.

– Дело становится слишком серьезным, чтобы долее терпеть рядом шпиона, – сказал Цезарь Клеопатре. – Потин должен умереть. Ты не против?

Она удивилась.

– Нисколько.

– Хорошо. Я подумал, что надо спросить у тебя. В конце концов, он твой главный дворцовый управляющий. Вдруг евнухи сейчас в дефиците?

– У меня масса евнухов, я назначу Аполлодора.

Время их совместного пребывания ограничивалось часом здесь, часом там. Цезарь никогда не спал во дворце и не обедал. Вся его энергия посвящалась войне, затягивавшейся из-за нехватки войск.

Она пока не сказала ему о ребенке. Зачем? Время для этого наступит, когда он будет не так занят. Она хотела, чтобы он обрадовался, а не рассердился.

– Позволь мне решить проблему с Потиним, – сказала она.

– Если только ты не станешь его пытаться. Это должна быть быстрая, чистая смерть.

Лицо ее помрачнело.

– Он заслуживает другого, – проворчала она.

– Возможно. Но пока здесь команду я, он получит удар ножом под ребра с левой стороны. Я мог бы выпороть его и обезглавить, но у меня нет на это времени.

Итак, Потин умер от удара ножом под ребра с левой стороны, как было приказано. Но кое-что Клеопатра утаила от Цезаря. А именно то, что показала Потину нож за два дня до того,

как он был пущен в дело. И Потин в течение этих двух дней лил слезы, умоляя сохранить ему жизнь.

Морское сражение состоялось в декабре. Цезарь поставил свои корабли двумя колоннами за отмелями у выхода из гавани Евноста, оставив центр открытым. Справа десять родосских кораблей, слева – десять понтийских, между ними пространство в две тысячи футов для маневра. Двадцать бывших транспортов встали на значительном удалении. План принадлежал Цезарю, за его исполнение отвечал Эвфранор. Все было тщательно продумано еще до того, как первая галера снялась с якоря. Каждое из резервных судов знало точно, какой корабль в линии оно должно заменить; все легаты и трибуны знали свои обязанности; каждая центурия легионеров знала, каким корвусом она воспользуется для abordage вражеского судна, а сам Цезарь посетил каждый корабль, чтобы подбодрить людей и вкратце рассказать, какого результата он ждет. Большой опыт показал ему, что тренированные и опытные рядовые солдаты могут взять ситуацию в свои руки и превратить поражение в победу, если их посвятить во все подробности плана, поэтому он всегда информировал своих солдат.

Корвус – abordажный деревянный мостик с железным крюком на дальнем конце. Это римское изобретение появилось еще во времена войн против Карфагена – державы, не знавшей себе равных на море. Новое приспособление словно бы превратило морские сражения в сухопутные, а на суше не было равных римлянам. Как только мостик перекидывался с палубы на палубу, крюк вцеплялся в борт вражеского корабля, давая возможность римлянам перейти на другой корабль.

Ганимед выстроил двадцать два своих корабля цепочкой, преграждавшей вход в гавань. За ними стояли еще двадцать два корабля. Позади этой второй линии расположились многочисленные беспалубные суденышки и биремы. Они не должны были принимать участие в сражении. Их обязанностью было метать во врага зажигательные снаряды.

Сложность операции заключалась в мелях и рифах: какая сторона выступит первая, та и рискует быть отрезанной и нарваться на скалы. Пока Ганимед медлил в нерешительности, Эвфранор бесстрашно провел свои суда в проход и обошел препятствия. Его передние корабли были немедленно окружены, но родосцы оказались блестящими моряками. Как ни лавировал, как ни маневрировал Ганимед, его неуклюжим галерам не удалось ни потопить, ни взять на abordage, ни хотя бы вывести из строя ни одной атакующей единицы. Когда к родосцам присоединились понтийцы, Ганимеду настал конец. Его пришедший в беспорядок флот теперь целиком зависел от милости Цезаря. А Цезарь в сражениях пощады не знал.

К тому времени как наступившая темнота положила конец боевым действиям, римляне захватили бирему и квинквирему со всеми моряками и гребцами, потопили три квинквиремы и серьезно повредили десяток других александрийских кораблей, которые еле-еле убрались в Кибот, оставив Цезарю всю гавань Евноста. А римляне не потеряли ни одного корабля.

Зато у противника оставались часть Гептастадия и бухта Кибот, сильно укрепленные и с большим гарнизоном. Да, Фарос римляне взяли, но ближе к Киботу ситуация становилась иной. Серьезным препятствием для Цезаря была узость Гептастадия, на котором могли поместиться не больше двенадцати сотен человек, а такого количества явно не доставало, чтобы сломить оборону александрийцев.

Как и всегда, когда наступал тяжелый момент, Цезарь со щитом и мечом поднялся на крепостной вал, чтобы подбодрить своих людей. Его алый палудамент был далеко виден. Однако страшный шум, поднявшийся в задних рядах, создал у солдат впечатление, что их окружили. Они стали отступать, оставив Цезаря в трудном положении. Его собственная лодка была на воде, прямо под ним. Он прыгнул в нее и направил вдоль дамбы, крича, что александрийцев в тылу нет – наступайте, ребята! Но все больше и больше солдат спрыгивали с дамбы на корабль, рискуя опрокинуть его. Внезапно решив, что сегодня Кибот не захватить, Цезарь прыгнул из

лодки в воду, зажав между зубами свой алый плащ командующего, который служил всем ориентиром, пока он плыл. И все последовали за ним – к спасению.

В итоге Ганимеду удалось удержать Кибот и материковый конец Гептастадия. Цезарь же контролировал теперь остальную часть дамбы, остров Фарос, всю Большую гавань и гавань Евноста. Без Кибота, к сожалению.

Война опять перешла на сушу. Ганимед, казалось, сделал вывод, что город уже разрушен Цезарем, почему бы не последовать его примеру. И александрийцы начали разбирать второй ряд домов по другую сторону ничейной полосы, позади особняков на западной стороне Царской улицы, используя камни, чтобы возвести сорокафутовую стену с плоским верхом для размещения на ней крупной артиллерии. Потом они целый день и ночь обстреливали Царскую улицу, правда без особого успеха: роскошные особняки, превращенные Цезарем в своеобразные бастионы, устояли. Галльская кладка *murus gallicus* (чередование слоев камня и длинных деревянных бревен) придала этим сооружениям чрезвычайную прочность. Камень обеспечивал жесткость конструкции, а дерево не давало пробить в ней бреши. Эти дома были отличным укрытием для солдат Цезаря.

Поскольку бомбардировка не увенчалась успехом, александрийцы стали катать взад-вперед по Канопской улице деревянную осадную башню в десять этажей высотой, осыпая врага градом булыжников и тучами копий. Цезарь с вершины Панейона начал контробстрел. Башня была буквально завалена связками горящей соломы и подожжена горящими стрелами. Ревущий ад, орды кричащих людей, прыгающих вниз... Башню укатали в недра Ракотиса, и больше ее не видели.

Война зашла в тупик.

Через три месяца постоянных сражений, в которых ни одна сторона не могла ни сдаться, ни запросить перемирия, Цезарь вернулся во дворец, передав ведение осады опытному Публию Руфрию.

– Ненавижу сражаться в городах! – в ярости сказал он Клеопатре, раздетый до алой туники на подкладке, которую он носил под кирасой. – Это вроде Массилии, только там я поручил все легатам, а сам отправился громить Афрания и Петрея в Ближней Испании. А здесь я застрял, и каждый день этой задержки дает фору так называемым республиканцам, засевшим в провинции Африка.

– Туда ты и направлялся? – спросила Клеопатра.

– Да. Я надеялся найти там Помпея Магна и поговорить с ним о мире, который мог бы спасти драгоценные жизни множества римлян. Но из-за вашей отвратительной продажной системы евнухов и педерастов, отвечающих за детей и за город – не говоря уже о казне! – Магн мертв, а я торчу здесь!

– Прими ванну, – предложила она. – Ты сразу почувствуешь себя лучше.

– В Риме говорят, что царицы из Птолемеев купаются в ослином молоке. Откуда пошел этот миф? – спросил Цезарь, погружаясь в воду.

– Понятия не имею, – сказала она, стоя у него за спиной и разминая удивительно сильными пальцами его плечи. – Может быть, это придумал Лукулл. Он был здесь недолго, а потом уехал в Киренаику. Птолемей Латир подарил ему изумрудный монокль. Нет, не монокль. Большой изумруд с чьим-то профилем. То ли Лукулла, то ли своим, я не помню.

– Мне это безразлично. Лукулл по натуре был вздорным. Я презирал его, – пробурчал Цезарь.

Он обернулся, сгреб ее в охапку и поставил перед собой.

Почему-то в воде она не выглядела худосочной. Ее маленькие коричневые грудки словно бы пополнили, а соски стали крупными и очень темными, с отчетливым ореолом вокруг них.

– Ты беременна, – вдруг сказал Цезарь.

– Да, уже три месяца. Я понесла в первую же ночь.

Взгляд скользил по ее зарумянившемуся лицу, а ум лихорадочно работал, пытаясь найти место в его планах для этой удивительной новости. Ребенок! У него не было детей, и он уже не надеялся иметь их. Поразительно. Отпрыск Цезаря будет сидеть на египетском троне. Может быть, станет фараоном. Цезарь зачал царя или царицу. Ему было совершенно все равно, какого пола будет ребенок. Для римлянина дочери так же важны, как и сыновья, с их помощью можно заключить политический союз огромной важности.

– Ты доволен? – заволновалась она.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – вместо ответа спросил он, глядя ее по щеке мокрой рукой.

Оказывается, в этих красивых львиных глазах легко утонуть.

– Я чувствую себя замечательно.

Клеопатра повернула голову, чтобы поцеловать его руку.

– Тогда я доволен.

Он привлек ее к себе.

– Птах сказал, что у нас будет сын.

– Почему Птах? Разве не Аммон ваш верховный бог?

– Амон-Ра, – поправила она. – Аммон у греков.

– Что мне нравится в тебе, – вдруг сказал он, – это то, что ты не прочь поговорить даже во время интимной игры. Не стонешь, не пытаешься изображать страсть, как профессиональная шлюха.

– Ты хочешь сказать, что я – любительница? – спросила она, целуя его лицо.

– Не говори ерунды. – Он улыбнулся, получая удовольствие от ее поцелуев. – Беременность тебе к лицу, теперь ты большеходишь на женщину, чем на девочку.

Прошел январь. Александрийцы послали к Цезарю делегацию. Ганимеда среди прибывших не было. Делегацию возглавлял главный александрийский судья, человек, от которого Ганимед посчитал возможным избавиться, если Цезарю захочется взять пленников. Никто из них не знал, что Цезарь хворал: у него болел желудок, и болезнь с каждым днем обострялась.

Аудиенция проводилась в большом тронном зале, где Цезарь ранее не бывал. Роскошь невероятная, непостижимая. Вокруг бесценная мебель в египетском стиле. Стены покрыты золотом, инкрустированным самоцветами. Пол выстелен золотыми плитками. Так же отделаны потолочные балки, правда сам потолок очень прост, без сложных карнизов, без кессонов (видимо, среди местных строителей не было хороших штукатуров). Но кто в таком блеске заметит подобную мелочь? В глаза первым делом бросались невероятные статуи из золота, водруженные на постаменты. Пантеон египетских богов. Очень странные существа. У большинства человеческие тела, но головы принадлежат различным животным, среди них крокодил, шакал, львица, кошка, гиппопотам, сокол, ибис, бабуин с собачьей мордой.

Цезарь отметил, что новый евнух царицы, Аполлотор, одет как египтянин. Длинное плиссированное платье из полосатого красно-желтого льна, золотое ожерелье с изображением ястреба и головной убор немес – сделанный из золотой ткани платок, плотно прилегающий ко лбу и завязанный на затылке в узел, с двумя фалдами по бокам, спускающимися на плечи. Двор явно переставал быть македонским.

Беседу повел не Цезарь. Ее повела Клеопатра, одетая как фараон, – большое оскорбление для главного судьи и для его приспешников.

– Мы пришли договариваться не с Египтом, а с Цезарем! – резко сказал он, глядя на Цезаря, который сидел с посеревшим от недомогания лицом.

– Я правлю здесь, а не Цезарь, и Александрия – часть Египта! – громко, жестко и немелодично отрезала Клеопатра. – Главный управляющий, напомни невеже, кто я и кто он!

– Ты отреклась от своих македонских предков! – крикнул главный судья, когда Аполлодор заставил его преклонить колени перед царицей. – Где Серапис в этом зверинце? Ты не царица Александрии, ты – царица зверей!

Этот выпад позабавил Цезаря. Его курульное кресло стояло на месте трона маленького царя. Очередное потрясение для заносчивого македонца! Фараон вместо царицы и римлянин там, где должен быть царь.

– Доложи мне, зачем ты пришел, Гермократ, а потом можешь покинуть этот зверинец.

– Я пришел с просьбой. – Гермократ встал с колен. – Отдай нам царя.

– Зачем?

– Ясно, что здесь он лишний! – ядовито сказал Гермократ. – Мы устали от Арсинои и Ганимеда, – добавил он, явно не понимая, что дает Цезарю ценную информацию о настроениях среди высшего командования противника. – Этой войне нет конца. – В голосе главного судьи звучала неподдельная усталость. – Если царь будет с нами, мы сможем через него вести переговоры о мире, прежде чем город перестанет существовать. Корабли гибнут, торговля совсем развалилась...

– Ты можешь вести переговоры со мной, Гермократ.

– Я отказываюсь вести переговоры с царицей зверей, предательницей Македонии!

– Македония, – сказала Клеопатра тоже устало, – это страна, где никто из нас не бывал на протяжении многих поколений. Пора вам перестать называть себя македонцами. Вы – египтяне.

– Нет, никогда! – сквозь зубы сказал Гермократ. – Отдай нам царя Птолемея, который чтит свою родословную.

– Аполлодор, немедленно приведи к нам царя.

Малолетний царь, одетый как македонец, в шляпе и диадеме, явно порадовал Гермократа, и он снова упал на колени, чтобы облобызать монаршую руку.

– О, твое величество, твое величество, ты нам нужен! – простонал он.

После того как шок, вызванный разлукой с Теодатом, прошел, Птолемей оказался в обществе младшего брата Филадельфа и с ним нашел выход своей молодой энергии, что понравилось ему намного больше, чем ухаживания Теодата. Смерть Помпея Великого толкнула Теодата на преждевременное совращение мальчика, которое, с одной стороны, заинтриговало его, а с другой – вызывало отвращение. Хотя Птолемей провел с Теодатом – близким другом отца – всю свою жизнь, он всегда смотрел на воспитателя как на весьма неприятного старика. Некоторые вещи, которые Теодат проделывал с ним, были приятны, но не все, и к тому же мальчику не доставлял удовольствия сам их исполнитель – с обвисшим телом, черными гнилыми зубами и противным запахом изо рта. Юный Птолемей вступил в пору полового созревания, но его воображение по-прежнему занимали не любовные похождения, а колесницы, армии и сражения, где он представлял себя командующим. Так что, когда Цезарь устранил Теодата, маленький Филадельф стал товарищем Эвергета по играм в войну. И такая жизнь была по душе им обоим. Они бегали по дворцу и вокруг него, издавая воинственные вопли, вели разговоры с легионерами, которых Цезарь расставил охранять территорию, слушали их рассказы о грандиозных сражениях в Длинноволосой Галлии. Птолемей узнал о Цезаре много такого, о чем и не подозревал. И хотя мальчик редко видел Цезаря, он восхищался этим правителем мира, наблюдая, как этот гениальный стратег выставляет дураками его александрийских подданных.

И теперь с подозрением уставился на Гермократа:

– Я вам нужен? Зачем?

– Ты наш царь. Нам нужно, чтобы ты был с нами.

- С вами? Где?
- На нашей части Александрии.
- Ты хочешь сказать, что я должен покинуть дворец?
- Твое величество, у нас для тебя есть другой дворец. В конце концов, тут твое место занято Цезарем. Нам нужен ты, а не твоя сестра Арсиноя.
- Маленький царь засмеялся:
- Ну, это меня не удивляет! Арсиноя – заносчивая сука.
- Именно, – согласился Гермократ и повернулся к Цезарю, а не к Клеопатре. – Цезарь, можно нам забрать нашего царя?
- Цезарь отер пот с лица:
- Да, главный судья.
- Птолемей громко заплакал:
- Нет, я не хочу уходить! Я хочу остаться с тобой, Цезарь! Пожалуйста, не отсылай меня!
- Ты – царь, Птолемей, и можешь быть полезным твоему народу. Ты должен идти с Гермократом, – слабым голосом сказал Цезарь.
- Нет-нет! Я хочу остаться с тобой!
- Аполлодор, выведи их обоих, – приказала Клеопатра, которой все это надоело.
- Плачущего и протестующего царя увели.
- Что они затевают? – хмуро спросил Цезарь.

В своих новых апартаментах в нетронутом войной красивом доме на территории Серапейона Птолемей продолжал безутешно рыдать. Горе его еще больше усилилось, когда появился Теодат, которого Клеопатра снова прислала к мальчику. К разочарованию воспитателя, его ухаживания были энергично и со злостью отвергнуты. Но не только против Теодата восстал Птолемей. Он жаждал отомстить Цезарю за его предательство.

- Выплакавшись и уснув, он проснулся утром с ожесточившимся сердцем.
- Пришли ко мне Арсиною и Ганимеда! – крикнул он толкователю повелений фараона.
- Арсиноя, увидев его, радостно завизжала:
- О, Птолемей, ты пришел, чтобы жениться на мне?
- Отошли эту лживую суку к Цезарю и моей сестре, – резко приказал он, потом уставился на усталого и изможденного Ганимеда. – А этого немедленно убей! Я сам буду командовать армией.
- И никаких разговоров о мире? – спросил толкователь.
- В животе у него что-то словно бы оборвалось.
- Никаких разговоров о мире. Я хочу получить голову Цезаря на золотом блюде.

Итак, война сделалась еще более ожесточенной. Тяжелое бремя для Цезаря, которого мучили тошнота и озноб. Приступы боли усилились, и он уже не мог лично командовать войсками.

В начале февраля к нему прибыл еще один боевой флот, а с ним провиант и тридцать седьмой легион, состоящий из демобилизованных в Греции бывших республиканских солдат, которым надоела гражданская жизнь.

– Выведите в море все корабли, – сказал Цезарь Руфрию и Тиберию Клавдию Нерону. Он был завернут в одеяла, его била дрожь. – Нерон, ты, как старший римлянин, назначаешься командиром, однако лишь номинально. Я хочу, чтобы ты понял, что командовать флотом будет наш родосский друг Эвфранор. И ты исполнишь любой его приказ.

– Не подобает иноземцу принимать за римлян решения, – холодно сказал Нерон, выпячивая подбородок.

– Мне наплевать, что подобает, а что нет! – с усилием проговорил Цезарь, стуча зубами. Лицо у него было белое, исхудавшее. – Мне важен лишь результат, а ты, Нерон, даже голову Октябрьского коня упустил, не сумев правильно расставить команду! Так что внимательно слушай и запоминай. Пусть Эвфранор делает что хочет, а ты станешь ему помогать абсолютно во всем. Иначе будешь изгнан, причем с позором.

– Позволь и мне отправиться с кораблями, – попросил, чуя недоброе, Руфрий.

– Не могу. Ты должен остаться на Царской улице. Эвфранор нас не подведет.

И Эвфранор действительно не подвел, но очень дорого заплатил за победу. Дороже, чем рассчитывал Цезарь. Поначалу все шло хорошо. Напористый родосский флотоводец уже уничтожил один александрийский корабль и нацелился на второй. Но тут неприятельские суда окружили его. Он флажками дал знать Нерону, что ему нужна помощь. Нерон проигнорировал этот сигнал. И боевой, хорошо оснащенный корабль был потоплен вместе со всем экипажем и Эвфранором. В остальном оба римских флота не пострадали и благополучно вернулись в Большую гавань. Нерон был уверен, что Цезарь никогда не узнает о его предательстве. Но одна маленькая птичка с корабля Нерона прощелкала в ухо Цезарю.

– Собери свои вещи и убирайся! – прорычал Цезарь. – Я больше не хочу тебя видеть, ты, самовлюбленный, лживый, безответственный идиот!

Нерон стоял пораженный.

– Но я победил! – крикнул он.

– Ты проиграл. Это Эвфранор победил. А теперь прочь с моих глаз.

В конце ноября Цезарь написал Ватии Исаврийскому в Рим, что задержится в Александрии. Планы же на предстоящий год таковы. Он остается диктатором, а курульные выборы должны быть отложены до его возвращения, как бы долго этого ни пришлось дожидаться. Тем временем пусть его по-прежнему замещает Марк Антоний. Риму же придется как-нибудь прожить без старших магистратов, довольствуясь лишь плебейскими трибунами.

После этого он больше в Рим не писал, считая, что его вошедшая в поговорку удача оградит город от неприятностей, пока он не появится и лично со всем не разберется. Антоний, несмотря на буйную юность, оказался способным малым. Он справится. Он получил стабильное, как в политическом, так и в экономическом плане, государство. Но почему, почему только Цезарю по плечу приводить все в порядок? Разве другие не могут отдалиться от круга насущных проблем на достаточное расстояние, чтобы обозреть его целиком, чтобы видеть не только личные перспективы и блюсти не только свои интересы? Взять, например, Египет. Ему совершенно необходима крепкая царская власть и заботливое, просвещенное правительство, над которым не властна толпа. Поэтому Цезарь и останется здесь – возможно, надолго. Он просто обязан разъяснить царице Египта, как нужно править страной и как сделать так, чтобы эта земля никогда больше не становилась убежищем для римлян-ренегатов, а также втолковать александрийцам, что калейдоскоп Птолемеев ничего для них не меняет, что им надо жить, ориентируясь только на Нил, на цикличность разливов этой могучей реки, приносящей то хорошие, то плохие времена.

Болезнь иссушила Цезаря, отказываясь оставить его. Она была очень серьезной. В результате он совсем исхудал. Это он-то, в ком никогда не было ни грамма лишнего веса! В середине февраля, несмотря на его протесты, Клеопатра привезла из Мемфиса жреца-врачевателя Халдэфане. В конце концов, надо лечиться.

– Твой желудок сильно воспалился, – сказал врачеватель на ужасном греческом. – Единственное лекарство – жидкая каша из ячменного крахмала, смешанная с отваром целебных трав. Ты должен питаться этим хотя бы месяц, а там поглядим.

– Я буду есть все, кроме печени и яиц в молоке, – тут же согласился Цезарь, вспомнив прописанную Луцием Тукцием диету, которая чуть не свела его в могилу, когда он болел малярией и прятался от Суллы.

Питаясь одной лишь жидкой кашей, Цезарь быстро пошел на поправку и стал набирать вес.

В первый день марта, получив письмо от Митридата Пергамского, он ощутил такое волнение, что даже почувствовал приступ слабости. Однако теперь болезнь не загуманивала его разума, и он мог думать с прежней ясностью.

Ну вот, Цезарь, я и дошел до Гиеросалимы, называемой также Иерусалимом. Набрал тысячу конников у Дейотара в Галатии и получил из Тарса, от Марка Брута, весьма неплохой легион. С Северной Сирии взять было нечего, но, кажется, еврейский царь без царства Гиркан испытывает к царице Клеопатре приязнь. Он выставил три тысячи великолепных солдат-евреев и отправил меня дальше на юг в компании своего друга Антипатра и его сына Ирода. Через два рыночных интервала мы надеемся дойти до Пелузия, где, по уверениям Антипатра, соединимся с армией царицы Клеопатры, стоящей лагерем возле горы Касий. В армии этой одни евреи и иудеи.

Тебе лучше, чем мне, известно, где нас может подстеречь враг. Я узнал от Ирода, очень деятельного и умного молодого человека, что Ахилла увел свою армию из Пелузия несколько месяцев назад, чтобы воевать против тебя в Александрии. Но Антипатр, Ирод и я все равно опасаемся болот и проток Дельты Нила. Кампания может развернуться и там, и мы не хотим в нее ввязываться самостоятельно, без каких-либо директив от тебя. Поэтому мы в Пелузии остановимся и будем ждать твоих указаний.

На понтийском фронте дела обстоят неважно. Гней Домиций Кальвин с войском, которое ему удалось набрать, встретил Фарнака у Никополя в Малой Армении и был разгромлен. Ему не оставалось ничего другого, как отступить на запад, к Вифинии. Если бы Фарнак последовал за ним, Кальвину пришел бы конец. Но Фарнак предпочел остаться в Понте и в Малой Армении, где учинил настоящий погром. Его жестокость не знает границ. Поговаривают, что он планирует захватить и Вифинию. Если это так, то он небрежно готовится к этому предприятию. Впрочем, Фарнак всегда был таким. Еще с детских лет, как я помню.

В Антиохии нас нагнал новый слух: будто бы сын Фарнака Асандр, оставленный править в Киммерии, провозгласил себя царем, объявив, что отец его теперь не монарх, а изгнанник. Посему может случиться, что тебе с твоим Кальвином выпадет передышка, если Фарнак вернется в Киммерию, чтобы свергнуть неблагодарного сынка.

С нетерпением жду ответа и всегда к твоим услугам.

Наконец-то избавление!

Цезарь сжег письмо, потом велел Требонию написать новое, будто бы от Митридата Пергамского. Его содержание должно было заставить александрийцев покинуть город для непродолжительной военной акции в Дельте Нила. Но сначала письму следовало сторонним путем попасть во дворец, к Арсиное, причем таким образом, чтобы той стало ясно, что Цезарь его еще не читал и ничего не знает о приближающемся подкреплении. Фальшивое письмо запечатали монетой с изображением Митридата Пергамского, позволив агентам хитрой царицы перехватить его на пути к командующему. Не прошло и часа, как Арсиноя вместе с письмом покинула дворец. А через два дня царь Птолемей, его армия и все македонцы Александрии

тайно погрузились на корабли и взяли курс на восток, к Дельте. Город, лишившись своих предводителей, больше не мог сражаться.

Цезарь еще не совсем поправился, хотя и отказывался это признать. Видя, как он надевает доспехи, Клеопатра заволновалась.

– Разве ты не можешь послать Руфрия вместо себя? – спросила она.

– Наверное, мог бы, но, чтобы навсегда сломить Александрию и привести ее в чувство, я обязан лично быть там.

Усилия, потраченные на возню с облачением, бросили его в пот.

– Тогда возьми с собой Хапд-эфане, – взмолилась Клеопатра.

Доспехи были надеты. Цезарь сумел справиться с этим без посторонней помощи, у него даже лицо чуть порозовело. Взгляд, брошенный на Клеопатру, снова стал взглядом Цезаря, от которого ничто не могло ускользнуть.

– Ты напрасно беспокоишься.

Он поцеловал ее. Его дыхание было несвежим, кислым.

Две когорты солдат, оправлявшихся от ранений, остались охранять Царский квартал. Цезарь, прихватив с собой три тысячи двести бойцов из шестого, тридцать седьмого и двадцать седьмого легионов, а также всю кавалерию, покинул Александрию и направился к Дельте, избрав маршрут, который Клеопатра сочла слишком кружным. Вместо того чтобы привольно шагать по берегу судоходного канала, он взял южнее и пошел вдоль озера Мареотида, оставляя его по левую руку от себя. К тому времени как он повернул к Канопскому рукаву Нила, озеро уже скрылось из глаз.

Срочный его курьер, намного опережая армию царя Птолемея, галопом понесся в Пелузий, чтобы сообщить Митридату Пергамскому, что тот должен стать одним лезвием «ножниц» Цезаря, поднявшись от Пелузия по восточному рукаву Нила вверх, но не входя в саму Дельту. Зажать Птолемея надо на твердой земле.

Дельта Нила, и впрямь имевшая форму греческой буквы «дельта», была по площади больше дельты любой другой известной реки: сто пятьдесят миль по берегу Нашего моря от Пелузийского до Канопского рукава и свыше ста миль от побережья до раздвоения самого Нила. Река снова и снова разветвлялась на множество водных потоков, больших и малых, образующих семь основных рукавов, впадающих в Наше море и соединенных друг с другом бесчисленными протоками. Поначалу все водные пути Дельты были естественными, но, после того как Птолемеи со своим греческим образованием стали править Египтом, они связали рукава Нила тысячами каналов, чтобы каждый кусок земли не был удален от воды более чем на милю. Почему Дельте уделялось такое внимание, когда тысячемильного русла Нила от Элефантины до Мемфиса вполне хватало, чтобы кормить Египет и Александрию? Ответ прост: в Дельте рос библос, или папирус, из которого делали замечательную бумагу. Птолемеи держали мировую монополию на бумагу, и вся прибыль от ее продажи принадлежала фараону. Бумага была храмом человеческой мысли, и люди не могли обходиться без нее.

Было начало зимы, а по римскому календарю шел март, и, хотя летний подъем воды миновал, у Цезаря не было желания вводить свою армию в лабиринт проток, в системе которых он не разбирался так же хорошо, как советники и проводники Птолемея.

Постоянные беседы с Симеоном, Авраамом и Иешуа за месяцы войны в Александрии дали Цезарю возможность узнать о египетских евреях намного больше, чем знала о них Клеопатра. До его появления она, по-видимому, не считала евреев достойными ее внимания, в то время как Цезарь был очень высокого мнения об интеллекте этих людей, равно как и об их учености и независимости. Он уже размышлял, каким способом превратить евреев в ценных союзников Клеопатры. Невзирая на особенности воспитания и исключительность положения, Клеопатра обладала потенциалом, необходимым для успешного правителя, и вполне могла стать

таковым, если Цезарю удастся вбить в ее голову основные принципы. Он был рад, когда она с легкостью согласилась дать евреям и метикам александрийское гражданство. Неплохо для начала.

В юго-восточной части Дельты лежала Земля Ониаса, автономный анклав евреев, потомков последователей верховного жреца Ониаса, высланных некогда из Иудеи за отказ пасть ниц перед царем Сирии. Ониас заявил, что евреи поклоняются только богу. Царь Птолемей Шестой Филометор отвел изгнанникам обширную территорию, потребовав за это поставлять солдат для египетской армии и платить ежегодную дань. Весть о щедрости Клеопатры дошла и до этой области, чье население безоговорочно встало на ее сторону в гражданской войне, и это позволило Митридату Пергамскому беспрепятственно войти в Пелузий, где обитало много евреев. Пелузий поддерживал тесную связь с Землей Ониаса, что было очень важно для всех египетских евреев, поскольку на ней располагался Большой храм – уменьшенная копия храма царя Соломона, вплоть до башни высотой в восемьдесят футов и искусственно сотворенных ущелий, подобия долин Кедрон и Геенна.

Малолетний царь на баржах повез свою армию вверх по Фатническому рукаву Нила, бравшему начало из Пелузийского немного выше городов Леонтополис и Гелиополис. Возле Гелиополиса царь Птолемей нашел Митридата Пергамского, засевшего в крепком лагере римского типа, и безрассудно пошел в атаку. Твердо веря в себя, Митридат быстро вывел ему навстречу своих людей и так успешно сражался, что многих солдат Птолемея убили, а остальные в панике разбежались. Однако кто-то в разгромленной армии обладал здравым умом, ибо, как только всеобщее безумие утихло, она опять собралась воедино и отошла на естественно укрепленные позиции, защищенные горным хребтом, Пелузийским рукавом Нила и широким каналом с очень высокими и отвесными берегами.

Цезарь прибыл туда вскоре после поражения Птолемея. Марш был быстрым, и его одолевала одышка, более серьезная, чем он соглашался признать даже перед Руффрием. Он остановил своих людей и стал внимательно изучать позиции Птолемея. Главным препятствием для него был канал, а для Митридата – хребет.

– Мы нашли броды, – доложил ему Арминий из германского племени убиев. – А в других местах этот канал мы можем легко переплыть, и наши лошади тоже.

Пехотинцев послали валить все высокие деревья поблизости, чтобы построить мост, что легионеры и сделали с превеликим энтузиазмом, несмотря на дневной переход. После полугода войны их ненависть к Александрии и александрийцам накалилась невероятно. Все как один надеялись, что здесь произойдет решающее сражение, после чего они смогут навсегда покинуть эту страну.

Птолемей послал пехоту и легкую кавалерию преградить путь Цезарю, но римские легионеры и германские всадники с такой яростью ринулись через канал, что обрушились на противника, как самые настоящие галлы-белги. Люди Птолемея дрогнули и побежали, но были перебиты. Лишь немногим удалось укрыться в маленькой царской крепости – в нескольких милях от места бойни.

Сначала Цезарь хотел сразу атаковать крепость, но передумал, рассмотрев ее. Поблизости были руины старого храма – неиссякаемый источник камня, чтобы еще надежнее укрепить и без того выгодную позицию. Лучше разбить на ночь временный лагерь и дать парням как следует отдохнуть. Они прошли более двадцати миль, а потом с ходу форсировали канал. Они заслужили хороший обед и сон перед новой дракой. Цезарь и сам выдохся, о чем никому не сказал. Голова у него кружилась, а крепость Птолемея вздымалась и опускалась перед глазами, как обломки разбитого судна на волнах во время шторма.

Утром он съел маленький кусочек хлеба с медом, миску ячменной каши и почувствовал себя намного лучше.

Люди Птолемея – проще называть их так, ибо не все они были александрийцами, – укрепили ближнее селение и соединили его с горой каменными бастиями. Цезарь направил главный удар на селение, намереваясь сначала взять его, а после взять и крепость. Но между Пелузийским рукавом Нила и фортификациями Птолемея лежало пространство, которое невозможно было преодолеть. Оно полностью прошивалось залпами стрел и копий. У Митридата Пергамского, идущего с дальней стороны хребта, были свои проблемы, и помочь он не мог. Хотя селение пало, Цезарь не решался бросить своих людей под смертельный град стрел, чтобы штурмом взять высоту и одним махом со всем покончить.

Оглядывая с коня склон холма, он вдруг заметил, что неприятель несколько переоценил то малое преимущество, какое давала ему обстановка. Люди Птолемея оставили цитадель, чтобы их стрелы долетали до римлян. Цезарь позвал Децима Карфулена, седовласого ветерана, примипила шестого легиона.

– Возьми пять когорт, Карфулен, обойди нижний ряд их обороны и захвати высоту, которую покинули эти идиоты, – жестко сказал он.

В душе он был рад, что отдых и скромная пища восстановили его обычную способность быстро оценивать ситуацию. Решение было принято автоматически, с легкостью, хотя чувствовал он себя отвратительно. О, вот он, возраст! Неужели это начало конца? Тогда пусть он будет для Цезаря скорым. Только не жалкое медленное угасание с превращением в дряхлого старика!

Взятие высоты вызвало панику в рядах войска Птолемея. Всего за какой-то час Карфулен занял цитадель, и армия маленького царя была разгромлена. Тысячи солдат погибли, но некоторые, плотным кольцом окружившие Птолемея, сумели добраться до Пелузийского рукава и погрузиться на баржи.

Конечно, было необходимо с надлежащей церемонией принять Малахая, верховного жреца Земли Ониаса, представить его сияющему Митридату Пергамскому, сидеть с ними обними и пить сладкое еврейское вино. Но когда на вход в палатку упала чья-то тень, Цезарь извинился и встал. Он вдруг ощутил приступ усталости и все же нашел в себе силы выйти.

– Новости о Птолемеи, Руфрий?

– Да, Цезарь. Он сел на одну из барж, но повсюду царил такой хаос, что его люди не успели оттолкнуться от берега и в посудину мигом набился народ. Немного проплыв, она опрокинулась. Среди утонувших был и царь.

– Тело достали?

– Да. – Руфрий вдруг усмехнулся, его покрытое шрамами простое лицо засияло, как у мальчишки. – Но царевна Арсиноя жива. Она была в цитадели и, не поверишь, вызвала Карфулена на поединок! Размахивала мечом и кричала как мармолика.

– Замечательная новость! – весело воскликнул Цезарь.

– Какие будут приказы? – спросил Руфрий.

– Покончив с формальностями, – Цезарь кивнул в сторону палатки, – я отправлюсь в Александрию. С собой возьму Арсиною и тело царя. Ты и наш друг Митридат все здесь подчистите, а потом с армией последуете за мной.

– Казнить ее! – раздался с трона голос фараона, когда Цезарь ввел в зал Арсиною, растрепанную, но в доспехах.

Аполлодор поклонился:

– Будет немедленно исполнено, дочь Амона-Ра.

– Хм... боюсь, что нет, – сказал Цезарь извиняющимся тоном.

Маленькая фигурка на возвышении напряглась.

– Что значит «нет»? – строго спросила Клеопатра.

– Арсиноя – моя пленница, фараон, а не твоя. Поэтому, как принято у римлян, ее отошлют в Рим для участия в моем триумфе.

– Пока сестра жива, моя жизнь в опасности! Я говорю, что она умрет, и сегодня же!

– А я говорю – нет.

– Ты – гость на этих берегах, Цезарь! Трон Египта тебе не подвластен!

– Ерунда! – раздраженно возразил Цезарь. – Я посадил тебя на этот трон, и мне подвластен любой, кто устроится на этом достаточно дорогом предмете мебели, не важно, на этих ли я берегах или где-то еще. Займись своими делами, фараон: похорони брата в Семе, начни восстанавливать город, съезди в Мемфис или Кирену, окружи заботами свое чрево, в котором зреет дитя. Кстати, выйди замуж за оставшегося в живых брата. Ты ведь не можешь править одна. Это не в обычае ни Египта, ни Александрии.

Он вышел. Клеопатра скинула сандалии на огромной подошве и побежала за ним, растеряв все величие, забыв о своем звании и оставив пораженных подданных. Арсиноя дико захохотала. Аполлодор печально посмотрел на Хармиону и Ираду.

– Хорошо, что сегодня я не позвал сюда толкователя, писца, казначея, главного судью и начальника ночной стражи, – сказал он. – Но я думаю, мы должны позволить фараону и Цезарю самим уладить свои разногласия. И перестань смеяться, царевна. Твоя сторона проиграла войну – ты никогда не будешь править в Александрии. Самая темная, самая душная камера в подземных узилищах Семы, хлеб и вода – вот твой удел, пока Цезарь не посадит тебя на римский корабль. Не в традициях римлян казнить большую часть идущих за триумфатором пленников. Без сомнения, Цезарь освободит тебя после триумфа. Но предупреждаю, твое высочество, не вздумай вернуться в Египет. Иначе умрешь. Твоя сестра найдет чем встретить тебя.

– Как ты смеешь! – громко крикнула Клеопатра. – Как ты смеешь унижать меня, фараона, перед моими подданными?

– Тогда води себя как фараон и не будь такой своевольной, моя дорогая, – сказал Цезарь. Стараясь успокоиться, он постукивал себя по колену. – Прежде чем предать кого-нибудь казни, сначала спроси, хочу ли этого я. Нравится тебе это или нет, римское присутствие в Египте длится уже сорок лет. Я уеду, но Рим никуда не денется. Я намерен оставить в Александрии гарнизон римских солдат. Если ты хочешь продолжать править Египтом и Александрией, будь благоразумной, действуй обдуманно, с оглядкой на все обстоятельства. Начиная с меня. То, что я твой любовник и отец твоего будущего ребенка, теряет значение, как только твои интересы идут вразрез с интересами Рима.

– Говори «Рим», подразумевай «Цезарь», – с горечью пробормотала она.

– Естественно. Иди сюда, сядь и обними меня. Ребенку вредны подобные вспышки. Он не возражает, когда мы занимаемся любовью, но, я уверен, очень расстраивается, когда мы ссоримся.

– Ты тоже думаешь, что это мальчик, – сказала она, не желая садиться к нему на колени, но все же смягчаясь.

– Каэм и Таха убедили меня.

Не успел он произнести эти слова, как его тело резко дернулось. Цезарь в изумлении оглядел себя, потом упал с кресла, спина его выгнулась, руки и ноги вытянулись.

Клеопатра вскрикнула, стала звать на помощь. Не думая о своем парадном убранстве, она наклонилась к нему. Двойная корона слетела с головы и покатилась по полу. Лицо Цезаря стало сине-багровым, его конечности бились в конвульсиях. Продолжая кричать, пораженная Клеопатра старалась их удержать.

Вдруг все прекратилось так же неожиданно, как и началось.

Думая, что любовники известным способом избавляются от плохого настроения, Хармиона и Ирада не смели войти, пока странная нота в криках хозяйки не убедила их, что случилось нечто серьезное. Когда крики девушек добавились к крикам царицы, в покои вбежали Аполлотор, Хапд-эфане и еще три жреца. Цезарь лежал на полу с посеревшим лицом. Он дышал медленно, с трудом.

– Что с ним? – спросила Клеопатра, когда Хапд-эфане опустился рядом с ней на колени.

Он стал принахиваться к дыханию Цезаря, слушать биение сердца.

– У него были конвульсии, фараон?

– Да, да!

– Очень сладкого вина! – крикнул жрец-врач. – Очень сладкого вина и гибкую тростинку, полную по всей длине. Побейте!

Пока жрецы выполняли приказ, Хармиона и Ирада подняли с пола плачущую, испуганную Клеопатру и убедили ее снять драгоценности и облачение. Аполлотор кричал, что чьи-то головы полетят, если сию же минуту не принесут то, что надо, а Цезарь, будучи в коме, ничего не знал об ужасе, обуявшем всех. Что будет, если правитель мира умрет здесь и сейчас?

Из пристройки для мумифицирования примчался жрец с тростником. Через такие трубки там обычно вводили окись натрия в череп. Хапд-эфане убедился, что тростинкой не пользовались, продул ее, чтобы проверить, затем открыл рот недвижно лежащего Цезаря, вставил в него конец гибкого стебля, постучал по шее и стал осторожно проталкивать свой инструмент, пока тот весь не вошел в горло. Он начал тонкой струйкой вливать в трубку вино, прерываясь, чтобы выпустить воздух. Вина он влил совсем немного, но процесс, казалось, длился века. Наконец Хапд-эфане отстранился и стал ждать. Когда Цезарь шевельнулся, жрец вынул тростинку и обхватил пациента руками.

– Вот, – сказал он, когда тот открыл затуманенные глаза, – выпей это.

Через несколько секунд Цезарь пришел в себя и даже сумел самостоятельно встать. Сделав шаг-другой, он с удивлением оглядел окружающих, чем-то явно потрясенных. Клеопатра сидела на полу, уставившись на него так, словно он воскрес из мертвых. Краска на лице смазана, лицо мокрое от слез. Хармиона и Ирада ревели в голос. Аполлотор притулился в кресле, уткнув голову в колени. За ним теснились возбужденно перешептывающиеся жрецы. «Почему они все тут? Уж не я ли тому причина?»

– Что произошло? – спросил он, садясь рядом с Клеопатрой и сознавая, что чувствует себя как-то странно.

– У тебя был эпилептический припадок, – прямо сказал Хапд-эфане, – но эпилепсии у тебя нет. Тот факт, что сладкое вино так быстро подействовало, говорит мне об изменениях в твоём теле, произошедших с тех пор, как месяц назад тебя бил озноб. Когда ты ел в последний раз?

– Несколько часов назад. – Он обнял Клеопатру за плечи, посмотрел на худощавого темнокожего египтянина и ослепительно улыбнулся ему, но тут же принял покаянный вид. – Дело в том, что я иногда забываю о пище. Слишком много забот.

– В будущем обязательно держи возле себя человека, который напоминал бы тебе о еде, – строго сказал Хапд-эфане. – Регулярное питание поможет избежать таких приступов, но если забудешь поесть, выпей хотя бы сладкого вина.

– Нет, – поморщился Цезарь, – только не вина.

– Тогда воды с медом или фруктового сока. Чего-нибудь сладкого. Вели слуге всегда иметь это питье под рукой, даже в разгар сражения. И обрати внимание на первые симптомы: тошноту, головокружение, ухудшение зрения, слабость, головную боль, даже просто усталость. Если почувствуешь что-то подобное, Цезарь, немедленно выпей чего-нибудь сладкого.

– Я был без сознания. Как ты заставил меня пить, Хапд-эфане?

Хапд-эфане протянул тростинку. Цезарь взял ее, повертел в пальцах.

– Через это? Откуда ты знал, что не попадешь в дыхательное горло? Ведь дыхательное горло и пищевод совсем рядом и пищевод обычно закрыт, чтобы можно было дышать.

– Точно я не знал, – просто объяснил Хапд-эфане. – Я молился Сехмет, чтобы обморок не был слишком глубоким, и стучал по гортани, чтобы заставить тебя глотать. Это сработало.

– Ты столько знаешь, но не знаешь, что у меня за болезнь?

– В большинстве случаев, Цезарь, это скрыто от нас. Все методы лечения основаны на наблюдении. К счастью, я много узнал о тебе, когда лечил твой озноб, – лукаво добавил врач. – Например, что ты считаешь необходимость питаться пустой тратой времени.

Клеопатра приходила в себя. Слезы перешли в икоту.

– Откуда ты так много знаешь о человеческом теле? – спросила она.

– Я солдат, – сказал Цезарь. – Походи по полям сражений, чтобы спасти раненых и сосчитать убитых, и будешь все знать. Как и этот замечательный врач, я учусь, наблюдая.

Аполлодор вскочил с кресла, отер со лба пот.

– Я прикажу подать обед, – прохрипел он. – О, слава всем богам мира, Цезарь, что ты жив, что с тобой ничего не случилось!

В ту ночь, лежа без сна на огромной, набитой гусиным пухом перине, чувствуя тепло тела Клеопатры, прижавшейся к нему в прохладе александрийской зимы, Цезарь думал о событиях прошедшего дня, месяца, года.

С того момента, как он ступил на египетскую землю, все резко переменилось. Голова Магна... мерзкая дворцовая клика... коррупция и вырождение в размерах, присущих одному лишь Востоку... совсем ненужная кампания на улицах красивого города... упорное желание горожан разрушить то, что строилось три столетия... и его участие во всем этом... Деловое предложение от царицы, решившей спасти свой народ единственным способом, который она знала, – зачав сына от бога. Веря, что Цезарь и есть этот бог. Только странный. Нездешний.

Сегодня Цезарь почувствовал страх. Сегодня Цезарь, которому нипочем все недуги, столкнулся с неизбежной реакцией организма на пятьдесят два года жизни. Не просто жизни, а безоглядно расточительной жизни. Он использовал ее в своих целях, он ею злоупотреблял. И заставлял себя идти дальше, когда другие остановились бы отдохнуть. Нет, только не Цезарь! Отдых – это не для Цезаря. Ни в прошлом, ни в будущем. Но теперь Цезарь, который никогда не болел, вынужден был признать, что уже несколько месяцев как болен. Все-таки малярия, некогда трепавшая его, леденившая и выворачивавшая наизнанку, оставила след. В какой-то части его организма, сказал жрец-врач, произошли изменения. Цезарь теперь должен будет помнить, что надо принимать пищу, иначе – припадок, иначе скажут, что Цезарь слабеет, что его уже нельзя назвать непобедимым. Значит, Цезарь должен сохранить свой секрет, чтобы сенат и народ никогда не узнали о его недуге. Ибо кто еще вытащит Рим из трясины, если Цезарь лишится силы?

Клеопатра вздохнула, что-то пробормотала, икнула... Так много слез, и все о Цезаре! «Это трогательное маленькое существо, видимо, меня любит. Надо же! Она любит меня! Для нее я стал мужем, отцом, дядей, братом. Ведь у Птолемеев все так переплетено! Я этого не понимал. Думал, что понимаю. Но нет. Понимание только приходит. Фортуна взвалила заботы и беды миллионов людей на ее хрупкие плечи, она не оставила ей выбора, как и я когда-то не оставил выбора Юлии. Она – избранная богами царица, и ее власть освящена традициями более древними и более чтимыми, чем любые другие. Она – богатейшая женщина в мире, имеющая абсолютную власть над человеческими жизнями. И в то же время она – крошка, ребенок. Римлянину не понять, что с ней сотворили два с лишним десятка лет дворцовой жизни. Убийства, инцест тут в порядке вещей. Катон с Цицероном твердят, что Цезарь жаждет стать царем Рима, но они не имеют понятия, что значит быть настоящим царем. Настоящее царствование так же далеко от меня, как далека от меня эта крошка, лежащая рядом. С моим –

вот странность! – ребенком во чреве. О, – подумал он вдруг, – я должен встать! Нужно выпить немного сиропа, который принес мне Аполлодор, – сок арбуза и винограда, выращенных в льняных теплицах».

Голова его снова легла на подушку, он повернулся и стал смотреть на Клеопатру. Середина ночи, а не так уж и темно. Большие внешние панели раздвинуты, свет полной луны льется в спальню, превращая ее кожу не в серебро, как у римлянок, а в светлую бронзу. Приятная кожа. Он протянул руку, погладил, еле касаясь, провел рукой по ее животу.

«Шесть месяцев. Живот еще не очень растянут и не блестит, как у Циннилы перед рождением Юлии, а после нее – Гая, пришедшего в мир мертвым, потому что у нее повысилось внутриутробное давление. Мы сожгли ее вместе с ребенком, а потом сожгли мою мать, мою тетку Юлию и меня заодно. Не Цезаря. Только меня.

У нее выросли изумительные маленькие грудки, круглые и твердые, как небольшие шары, а соски приобрели темно-сливовый цвет, сравнимый лишь с цветом кожи эфиопов, что держат над ней опахала. Наверное, в ней есть и эта кровь. И ее, может быть, даже больше, чем той, что от Митридатов и Птолемеев. Великолепная на ощупь живая ткань, плоть, назначение которой гораздо выше, чем просто доставлять удовольствие. Я – часть ее, она носит моего сына. О, мы слишком рано становимся родителями! Только теперь наступило время наслаждаться детьми и обожать их матерей. Требуется много лет и много сердечных мук, чтобы понять это чудо жизни».

Ее распущенные волосы раскинулись прядями по подушке. Не густые и черные, как у Сервилии, и не та огненная река, в которую он мог завернуться, как у Рианнон. Это волосы Клеопатры, и тело ее же. И эта Клеопатра любит его не так, как другие. Она возвращает ему юность.

Глаза львицы были открыты, она смотрела ему в лицо. Прежде он тут же отстранился бы, закрыл бы ей доступ в себя. «Никогда не вооружай женщину мечом лишних знаний, ибо она кастрирует им тебя. Но тут много евнухов, зачем ей еще? Понимает ли она, что я стал ей мужем, отцом, дядей, братом? Я имею равную с ней власть, но я – мужчина. Я одержал над ней победу. Теперь я должен показать, что не собираюсь подчинять ее себе. Ни одна из моих женщин не была мне служанкой».

– Я люблю тебя, – сказал он, раскрывая объятия. – Как мою жену, мою дочь, мою мать, мою тетку.

Она не знала, что он отождествляет ее с реальными женщинами, но вся засияла от любви, облегчения, радости.

Цезарь принял ее в свою жизнь.

Цезарь сказал, что любит ее.

На следующий день он посадил ее на осла, и они отправились посмотреть, что сделали с Александрией шесть месяцев войны. Целые улицы лежали в руинах, ни одного неразрушенного дома. Временно возведенные баррикады и стены оцетинились брошенной артиллерией. Повсюду копошились женщины и детишки, выискивая что-нибудь съедобное или полезное для себя. Бездомные, грязные, в лохмотьях, лишенные надежды. От порта почти ничего не осталось. Когда Цезарь поджег корабли александрийцев, огонь распространился и уничтожил все склады, то, что осталось от большого торгового центра, доки, причалы.

– О, и книгохранилища больше нет! – ломая руки, воскликнула Клеопатра. – Каталога нет, и мы никогда не узнаем, что сгорело!

Цезарь с иронией посмотрел на нее, но ничем не выдал своего удивления. Надо же! Ее совершенно не тронул вид голодных детей, и в то же время она готова заплакать из-за потери каких-то книг.

– Но библиотека в Мусейоне, – сказал он, – а Мусейон не пострадал.

– Да, но наши библиотекари такие медлительные. Книги прибывали быстрее, чем они успевали их заносить в каталог, поэтому в последние сто лет их складывали в специальном хранилище. А теперь оно уничтожено!

– Сколько книг в Мусейоне? – спросил он.

– Почти миллион.

– Тогда беспокоиться нечего. Утешься, моя дорогая! Количество книг, когда-либо написанных в мире, никак не превышает миллиона, а значит, сколько бы книг ни хранилось в сгоревшем хранилище, все они были либо копиями, либо новинками. Да и в Мусейоне наверняка много копий. А недавние работы нетрудно достать. Библиотека Митридата Пергамского насчитывает около четверти миллиона книг, большинство из них, я полагаю, новинки. Запроси у него копии книг, которых нет в Александрии. Можешь также обратиться к Сосию или Аттику в Риме. Своих книг у них нет, но они возьмут их у Варрона, Луция Пизона, у меня, у других обладателей больших личных библиотек. Кстати, это напомнило мне, что в Риме нет публичной библиотеки, и я должен это исправить.

Двинулись дальше. Аркада агоры пострадала меньше остальных общественных строений. Правда, несколько ее колонн были разобраны на секции, чтобы заблокировать арочные проходы под Гептастадием, но стены уцелели, как и большая часть крыши. А вот от гимнасия осталась лишь часть фундамента, здание же суда исчезло совсем. Насыпной холм, воздвигнутый в честь Пана, лишился растительности и водопадов. Его ручьи иссякли, в сухих руслах блестела одна только соль. На всяком клочке ровной земли стояла римская артиллерия. Не осталось ни одного целого храма, но Цезарь был рад, что сохранились скульптуры и барельефы, хотя все они были в грязи.

Серапейон в Ракотисе пострадал мало благодаря своей удаленности от Царской улицы. Однако в главном храме недоставало трех массивных балок и крыша прогнулась.

– А сам Серапис великолепен, – сказал Цезарь, с трудом обходя горы мусора и обломков.

Серапис сидел на золотом троне, усыпанном самоцветами. Похожий на Зевса, с окладистой бородой, с длинными волосами и с трехглавым псом Цербером, жавшимся к его ногам. Голова слегка склонилась под тяжестью огромной короны в форме корзины.

– Очень хорошая статуя, – повторил Цезарь, внимательно разглядывая изваяние. – Конечно, не Фидий, не Пракситель и не Мирон, но очень хорошая. Кто ее делал?

– Бриаксис, – сухо сказала Клеопатра, поджав губы.

Она глядела на храм, вспоминая, какое это было прекрасное здание: удивительно пропорциональное, просторное, с ярко расписанными и позолоченными ионическими колоннами, оно стояло на высоком подиуме со ступенями, ведущими к главным дверям. Метопы и фронтон – подлинные шедевры архитектуры. А остался только Серапис.

«Похоже, Цезарь видел так много разграбленных городов, так много пепелищ, так много свежих развалин, что очерствел сердцем. Картина разрушений не производит на него ни малейшего впечатления, хотя виноваты в них по большей части именно он и его солдаты. Мои люди ограничились бы простыми домами, лачугами и трущобами, которые мало что значат».

– Ладно, – сказала она, когда Цезарь и его ликторы провожали ее обратно в целехонький Царский квартал. – Я соберу все золото и серебро. Все, что смогу отыскать, лишь бы восстановить храмы, гимнасий, агору, суд и остальные общественные строения.

Цезарь резко дернул повод осла. Животное остановилось, удивленно хлопая длинными ресницами.

– Это очень похвально, – строго сказал римлянин, – но не следует начинать с украшения города. Первое, что необходимо, – это накормить тех, кто остался без средств и без крова. Второе – разобрать все руины. Третье – построить новые дома для простых людей, включая бедняков. Только когда народ Александрии будет устроен, можно тратить деньги на все остальное.

Она открыла рот, чтобы накричать на него, излить свой гнев, но встретила с его взглядом. О Птах-создатель! Он действительно бог, могущественный и ужасный!

– К твоему сведению, – продолжал он, – большая часть убитых в этой войне – македонцы и македонские греки. Вероятно, их тысяч сто. Так что у тебя остаются еще почти три миллиона бездомных и безработных. Кто их поддержит? Я хочу, чтобы ты поняла: у тебя есть редкий шанс снискать любовь основной массы александрийцев. Рим не подвергался разрушению с тех пор, как стал заботиться о простых людях. Вы, Птолеми, и вся ваша македонская бюрократия управляли страной намного большей, чем Рим, как вам вздумается, без оглядки на бедноту и на ее насущные нужды. Это необходимо изменить, иначе толпа вернется сюда. И гораздо более разъяренная, чем когда-либо.

– Ты утверждаешь, – заговорила она, уязвленная и смущенная, – что мы, находящиеся на вершине власти, не показали себя хорошими правителями. Ты заявляешь, что мы равнодушны к беднякам, что мы никогда не наполняем их желудки за наш счет и не даем гражданства большинству горожан. Пусть это так. Но Рим тоже не идеален. Ибо Рим – это империя, он может обеспечить процветание черни, эксплуатируя провинции. У Египта их нет. А те, что были, отобрал у него тот же Рим. Что же касается тебя, Цезарь, то твой путь был кровавым. У тебя нет морального права судить Египет и нас.

Рука дернула повод, и осел тронулся в путь.

– В свое время, – бесстрастно сказал Цезарь, – я оставил без крова полмиллиона человек. Четыреста тысяч женщин с детьми умерли, обвиняя меня в своей гибели. Я убил в битвах более миллиона врагов, я отрубал руки пленным. И около миллиона мужчин, женщин, детей продал в рабство. Но все это я делал потом. А сначала заключал договоры, пытался мирно преодолеть разногласия и со своей стороны неукоснительно соблюдал условия сделок. И, даже сея впоследствии смерть и разруху, я твердо знал, что мои действия послужат на пользу будущим поколениям. Перед этим ничто и тот урон, что я нанес, и те жизни, которые я отнял.

Его голос не возвысился, но стал сильнее.

– Ты думаешь, Клеопатра, я не понимаю, во что встанут этому городу опустошения, причиненные мной? Ты думаешь, это меня не огорчает? Ты думаешь, я не оглядываюсь на все это и не всматриваюсь в будущее, а живу, как живется? Без скорби? Без боли? Без сожалений? Тогда ты ошибаешься. Воспоминания о жестокости – плохое утешение в старости, но мне было сказано, что я до старости не доживу. И я повторяю, фараон, правь своими подданными с любовью и никогда не забывай, что только волей случая ты вознесена над теми женщинами, что роются сейчас в обломках среди развалин. Лишь благодаря удачному стечению обстоятельств ты родилась в царской семье, а могло быть иначе. Ты считаешь, что это Амон-Ра дал тебе жизнь. А я знаю, что это прихоть судьбы.

Она слушала, прижав руку к открытому рту, и смотрела в одну точку, прямо между ушами осла, чтобы не разрыдаться. «Значит, он считает, что не доживет до старости, и рад этому. А я теперь понимаю, что мне не постигнуть его до конца. Он говорит, что делает все в своей жизни сознательно и предвидит последствия, в том числе для себя. Во мне нет и никогда не будет такой силы, такой проницательности и жестокости. Я сомневаюсь, что кто-то может с ним сравниться».

Спустя один рыночный интервал Цезарь созвал неофициальное совещание в просторной комнате дворца, которую он сделал своим кабинетом. Там были Клеопатра, Аполлодор, Хапд-эфане и Митридат Пергамский. Присутствовали и римляне: Публий Руфрий, Карфулен из шестого легиона, Ламий из сорокового, Фабриций из двадцать седьмого, Макрин из тридцать седьмого, ликтор Цезаря Фабий, секретарь Фаберий и личный легат Гай Требатий Теста.

– Наступил апрель, – объявил Цезарь, снова ставший прежним. – В отчетах Гнея Домиция Кальвина из провинции Азия говорится, что Фарнак вернулся в Киммерию, чтобы разо-

браться со своим неразумным сынком, который решил не сдаваться родителю без борьбы. Значит, обстановка в Анатолии месяца три-четыре будет спокойной. Кроме того, все горные перевалы Понта и Малой Азии засыпаны снегом до середины секстилия – как я ненавижу это дурацкое несоответствие между нашим календарем и временами года! В этом отношении, фараон, в Египте поступают разумней. Ваш календарь составлен по солнечному, а не по лунному циклу, как у нас. Мне надо бы потолковать с твоими астрономами.

Он сделал глубокий вдох и вернулся к теме разговора:

– Я не сомневаюсь, что Фарнак возвратится, и, планируя свои действия, имею это в виду. Кальвин занят вербовкой и обучением новобранцев, а Дейотару, как бывшему клиенту Помпея Магна, очень хочется выслужиться передо мной. Что касается Ариобарзана, – усмехнулся он, – Каппадокия всегда останется Каппадокией. От него нам никакой радости, но и Фарнаку тоже. Я приказал Кальвину послать за республиканскими ветеранами, которых я возвратил в Италию вместе с моими парнями. Так что, когда придет время, мы будем готовы. Для нас также хорошо, что Фарнак потеряет часть своих лучших солдат, воюя в Киммерии с Асандром.

Он подался вперед в своем курульном кресле, разглядывая напряженные лица присутствующих.

– Мы застряли в Александрии на целых полгода, провели крайне изнурительную кампанию, и все наши войска заслужили длительный отдых. Поэтому я намерен задержаться в Египте еще на пару месяцев, если позволит ситуация. С разрешения и при содействии фараона я собираюсь послать своих людей в зимний лагерь под Мемфисом. Это достаточно далеко от Александрии, и ничто там не будет напоминать парням о войне. Мне хочется отправить с ними местных девушек. Гибельная для многих александрийцев война лишила их женихов. Город уже через пару лет могут наводнить одинокие женщины, но есть способ этого избежать. Я намерен сделать из этих девушек не проституток, а жен. Двадцать седьмой легион, тридцать седьмой и сороковой останутся в Александрии на срок достаточно долгий, чтобы обзавестись семьями и построить дома. А вот шестому, боюсь, не стоит планировать длительных отношений.

Фабриций, Ламий и Макрин переглянулись, не зная, как отнестись к такой перспективе. Децим Карфулен из шестого легиона сидел с бесстрастным лицом.

– Главное, чтобы Александрия пребывала в спокойствии, – продолжал Цезарь. – Пройдет время, и все больше римских легионеров будут служить в гарнизонах, не принимая участия в боевых действиях. Но это не значит, что гарнизонная служба – заведомое безделье. Мы все помним, что случилось с солдатами, которых Авл Габиний оставил в Александрии, когда восстановил Авлета на троне. Они настолько ассимилировались, что отказались идти в Сирию на войну и при этом убили сыновей Бибула. Царица справилась с этим кризисом, но ничто подобное не должно повториться. Легионы, оставленные в Египте, обязаны помнить о своем воинском долге, их солдатам необходимо поддерживать себя в форме и быть готовыми к маршу по первому повелению Рима. С другой стороны, люди, надолго застрявшие на чужбине, дичают без тепла домашнего очага. Сначала в них зреет недовольство, потом они становятся неуправляемыми. Нельзя допустить, чтобы наши легионеры крали женщин у жителей Мемфиса. Пусть лучше женятся на александрийских невестах и, как говаривал Гай Марий, распространяют римские обычаи, римские идеалы и латинский язык через своих детей.

Испытующий взгляд его был устремлен на лица центурионов. Каждый – примипил в своем легионе. С легатами или военными трибунами Цезарь особенно не церемонился. Все они были аристократами, проходившими краткосрочную военную службу. А вот центурионы являлись хребтом римской армии как боевые и постоянно действующие ее командиры.

– Фабриций, Макрин, Ламий! Приказ таков: оставайтесь в Александрии и хорошо ее охраняйте.

Бесполезно жаловаться или на что-то пенять. Все могло обернуться и хуже. Например, одним из знаменитых маршей Цезаря в тысячу миль за тридцать дней.

– Да, Цезарь, – ответил за всех Фабриций.

– Публий Руфрий, ты тоже останешься здесь. Ты назначаешься легатом-пропретором.

Эта новость понравилась Руфрию. Он уже обзавелся александрийской женой. Та ждала ребенка, и ему не хотелось ее покидать.

– Децим Карфулен, когда я отправлюсь в Анатолию, шестой пойдет со мной. Мне жаль, что вам не придется вкусить от домашних хлебов, но вы, ребята, были со мной много лет, с тех самых пор, как я одолжил вас у Помпея Магна, и я ценю вас еще больше за верность вашему командиру, после того как он отозвал вас к себе. Я пополню личный состав другими ветеранами, когда двинусь на север. В отсутствие десятого шестой будет моим личным легионом.

Улыбка Карфулена продемонстрировала отсутствие двух зубов и изогнула шрам, идущий от одной щеки до другой через подобие носа. Его действия при взятии крепости Птолемея спасли жизни целого легиона, прижатого к земле перекрестным обстрелом. Он был увенчан *corona civica* перед строем, когда отличившимся вручали награды. И, как некогда Цезарь, имел теперь право стать членом сената, в соответствии с декретом Суллы.

– Это большая честь для шестого, Цезарь. Мы все – твои до конца.

– А что касается вас, – приветливо обратился Цезарь к своему старшему ликтору и секретарю, – вы по-прежнему остаетесь при мне. Куда я, туда и вы. Однако, Гай Требатий, я вовсе не требую, чтобы с ними остался и ты. Ты – римский аристократ, отслуживший свой срок. Задержка в армии может застопорить твою карьеру.

Требатий вздохнул, вспомнив порт Итий и ужасные пешие переходы в условиях высокой влажности, когда легатам и трибунам запрещалось ехать верхом. Вспомнил он и стремительные перемещения в подпрыгивающей двуколке. Тебя выворачивает, а Цезарь диктует, и надо писать, писать и писать. О Рим, паланкины, устрицы из Байи, сыр из Арпина, восхитительное фалернское вино!

– Ладно, Цезарь, поскольку рано или поздно твои дороги приведут тебя в Рим, я отложу решение относительно моей карьеры до того времени, – героически ответил он.

Глаза Цезаря блеснули.

– Возможно, – тихо произнес он, – мемфисская кухня придется тебе по вкусу. Ты очень похудел здесь.

Он стиснул ладони коленями и кратко сказал:

– Римляне могут быть свободны.

Они вышли один за другим, их возбужденное бормотание было слышно, даже когда Фабий закрыл дверь.

– Сначала о тебе, дорогой друг Митридат, – сказал Цезарь, принимая более свободную позу. – Ты – сын, а Клеопатра – внучка Митридата Великого, значит ты ее дядя. Что, если ты вызовешь сюда свою жену и младших детей и удержишься здесь, чтобы руководить восстановлением Александрии? Клеопатра говорит, что ей не нужны чужеземные архитекторы, но ты ведь ей не чужой. И прославился преобразованием пустынного побережья ниже пергамского акрополя.

Лицо Цезаря приняло задумчивое выражение.

– Я очень хорошо помню то место. В свое время я распыл там пятьсот пиратов, к большому неудовольствию наместника, узнавшего об этом чуть позднее. Но сегодня там аркады, сады, красивые общественные здания, аллеи для прогулок.

Митридат нахмурился. Крупный мужчина пятидесяти лет, сын наложницы, а не жены Митридата Великого, он очень походил на своего могущественного отца: такой же мускулистый, высокий, желтоволосый, желтоглазый. По римской моде он очень коротко стриг волосы и был чисто выбрит, но одевался на восточный манер, явно имея слабость к золоту, расшитому бархату и всем оттенкам пурпура, известного в красильнях как «багрянка». Терпимые слабости в столь лояльном клиенте, поначалу клиенте Помпея, а теперь – Цезаря.

– Честно говоря, Цезарь, я бы рад это сделать, но, может быть, ты отпустишь меня? Фарнак так и рыщет вокруг, мне надо находиться дома.

Цезарь решительно покачал головой:

– Фарнак не дойдет до провинции Азия, не говоря уже о Пергаме. Я остановлю его в Понте. Судя по сообщениям Кальвина, твой сын отлично тебя замещает, так почему бы тебе не отдохнуть от забот? Ты кровный родственник Клеопатры, александрийцы примут тебя, к тому же, как я заметил, ты и с евреями хорошо ладишь. Самые искусные мастера в Александрии – это евреи и метики, а раз ты дружен с евреями, то и метики тебя поддержат.

– Тогда я даю согласие, Цезарь.

– Вот и прекрасно. Благодарю тебя.

Добившись своего, властелин мира кивком отпустил Митридата.

– А я благодарю тебя, – сказала Клеопатра, когда ее дядя вышел.

«Дядя! Надо же! А чему тут, собственно, удивляться? У меня, наверное, тысяча родственников по линии матери! Фарнак, кстати, тоже мой дядя! А через Родогуну и Апаму мой род восходит к Камбизу и Дарию Персидскому! Оба были фараонами! Во мне соединяются целые династии. Что же за кровь будет у моего сына!»

Цезарь заговорил с ней о Хапд-эфане, которого он хотел сделать своим личным лекарем.

– Я побеседовал бы с ним сам, – сказал он на латыни, которую Клеопатра теперь хорошо понимала и даже могла без труда поддерживать разговор. – Но я пробыл в Египте достаточно долго, чтобы понять, что здесь мало кто может распоряжаться собой, кроме македонцев. Я думаю, он принадлежит Каэму, поскольку он жрец Сехмет, супруги Птаха. И живет он, кажется, при храме Птаха. Но так как сам Каэм, по крайней мере отчасти, находится в твоей власти, он, без сомнения, исполнит твою волю. Мне очень нужен Хапд-эфане, Клеопатра. После смерти Луция Тукция, который был врачом Суллы, а потом и моим, я не доверяю ни одному римскому лекарю. Если у Хапд-эфане есть жена и дети, я с удовольствием возьму их с собой.

Хоть что-то она может для него сделать!

– Хапд-эфане, Цезарь хочет, чтобы ты был с ним, когда он уедет, – сказала она на древнейшем из языков. – Если ты согласишься поехать, это понравится Птаху-создателю и фараону. Мы в Египте будем читать твои мысли, ты станешь нашим каналом связи с Цезарем, где бы он ни был. Ответь ему сам, расскажи о себе. Ему это интересно.

Лицо жреца-целителя даже не дрогнуло, его черные миндалевидные глаза не мигая смотрели на Цезаря.

– Бог Цезарь, – сказал он на ломаном греческом, – конечно, это сам Птах-создатель хочет, чтобы я тебе служил. Я сделаю это с большим желанием. Я – хем-нечер-синв, поэтому дал обет не жениться. – В его глазах мелькнула улыбка. – Но я хотел бы лечить тебя с помощью египетских методов, которые греческие врачи отвергают. Амулеты и заговоры обладают большой магической силой.

– Абсолютно с этим согласен! – оживился Цезарь. – Как великий понтифик, я знаю все римские заклинания. Мы сможем сравнить их с твоими. Не спорю, магия очень сильна. – Он стал серьезным. – Нам нужно прояснить одну вещь, Хапд-эфане. Не зови меня богом и не падай на пол, когда приветствуешь меня. В других местах я не бог, и если ты будешь так делать там, многих это оскорбит.

– Как пожелаешь, Цезарь.

По правде говоря, этот еще довольно молодой человек с бритой головой был рад новому повороту в своей жизни. Его интересовал весь мир, и он с нетерпением будет ждать, когда сможет посетить незнакомые места, да еще с человеком, в котором, без сомнения, горит божественная искра. Расстояние не может разлучить его с Птахом-создателем, с Сехмет и с их сыном Нефертумом-Лотосом. Он сможет посылать свои мысли в Мемфис отовсюду и с той же

скоростью, с какой солнечный луч проходит через священные столбовые ворота. Жрец непрямомерно вздохнул и, когда греческий Цезарь и Клеопатры сделался слишком быстрым для его понимания, принялся мысленно собирать инструменты. Десяток тщательно упакованных гибких полых тростин для начала. Хирургические щипцы, трепаны, ножи, троакары, иглы...

– Что с городскими чиновниками? – спросил Цезарь.

– Все уволены, – ответил Аполлодор. – Я посадил их на корабль и отправил в Македонию. Писец пытался сжечь все внутренние уставы и все местные постановления, а казначей – все бухгалтерские книги. К счастью, я с новой царской стражей вошел и сумел этому помешать. Государственная казна, находящаяся под Серапейоном, цела, целы и расположенные поблизости городские конторы. Все благополучно пережило войну.

– Новые чиновники набраны? Как раньше их выбирали?

– Жеребьевкой из македонцев-аристократов. Многие из них погибли, другие в бегах.

– Жеребьевкой? Ты хочешь сказать, что должности раздавались по жребью?

– Да, Цезарь, по жребью. С подтасовками, разумеется.

– Что ж, это дешевле, чем проводить выборы, как в Риме. Так что происходит сейчас?

В разговор вмешалась Клеопатра.

– Мы поменяем систему, – твердо сказала она. – Я намерена отменить жеребьевку и провести настоящие выборы. У нас теперь миллион новых граждан. Каждый проголосует за кого-либо из кандидатов и убедится в весомости своих прав.

– Это, конечно, зависит от того, каковы будут кандидаты. Ты намерена разрешить баллотироваться всем желающим?

Она опустила глаза и ответила уклончиво:

– Я еще не решила, каким будет процесс выборов.

Похоже, вопрос застал ее врасплох.

– А ты не думаешь, что греки почувствуют себя ущемленными, если евреи и метики получают гражданство, а они – нет? Почему бы не дать его всем, даже египтянам-полукровкам? Назови этих людей неимущими, не наделяй их правом голоса, но позволь им быть гражданами Александрии.

По ее лицу он понял, что зашел слишком далеко.

– Благодарю, Аполлодор и Хапд-эфане, вы можете идти, – сказал он, подавляя зевот.

– Итак, мы одни, – сказала Клеопатра, вытягивая его из кресла и сажая рядом с собой на диван. – Ну, ты доволен? Я делаю все, как надо? Я трачу деньги, как ты велел: бедные накормлены, завалы разобраны. Со всеми каменщиками и плотниками заключены долговременные контракты, они приступают к строительству обычных жилых домов. Денег достаточно и на то, чтобы начать возводить общественные здания, ибо я беру их из собственных средств. – Большие желтые глаза сияли. – Ты прав, это лучший из способов добиться народной любви. Каждый день я выезжаю с Аполлодором на моем осле, разговариваю с людьми, успокаиваю их, убеждаю, что все будет хорошо. Тебе это нравится? Я теперь просвещенная правительница?

– Да, но тебе еще многому надо учиться. Дай гражданство всем своим подданным, и тогда все действительно пойдет хорошо. Ты прирожденная властительница, но тебе не достает проницательности. Взять, к примеру, евреев. Они сварливы, но очень умны. Относись к ним с уважением, всегда будь с ними добра. И в тяжелые времена они станут тебе самой надежной опорой.

– Да-да, – нетерпеливо перебила она, устав быть серьезной. – Я еще кое о чем хочу с тобой поговорить, любовь моя.

В уголках его глаз появились лучики.

– Правда?

– Правда. Я знаю, как мы проведем эти два месяца, Цезарь.

– Если ветер будет попутным, я отправлюсь в Рим.

– Ветер не будет попутным, поэтому мы поплывем по Нилу до Первого порога. – Она похлопала себя по животу. – Как фараон, я должна показать народу, что жду ребенка.

Он нахмурился:

– Я согласен, что ты должна это сделать. Но я должен быть здесь, возле Нашего моря, где легче собрать информацию о том, что творится в других местах.

– Я отказываюсь это слушать! – сердито вскричала она. – Мне наплевать, что происходит вокруг Вашего моря! Ты и я отправляемся на барже Птолемея Филопатора, чтобы увидеть настоящий Египет – Египет Нила!

– Клеопатра, я не люблю, когда меня принуждают.

– Это для твоего же здоровья, глупый ты человек! Хапд-эфане говорит, что тебе необходим длительный отдых и ты не должен сейчас заниматься делами. А что может быть лучше путешествия по реке? Пожалуйста, согласись! Цезарь, пойми, женщине нужны воспоминания об идиллических днях, проведенных с любимым! У нас еще не было таких дней. И не будет, пока Цезарь живет и думает как диктатор. Пожалуйста! О, пожалуйста!

4

Птолемей Филадельф, четвертый из тех, кто носил имя Птолемей, не принадлежал к числу сильных правителей этого дома. Он оставил Египту только два реальных напоминания о себе – два самых больших корабля, когда-либо построенных человеческими руками. Один, морской, имел четыреста двадцать шесть футов в длину, шестьдесят в ширину и шесть скамей, по сорок гребцов на каждой. Другой корабль был речной баржей с низкой посадкой: триста пятьдесят футов в длину, около десяти в ширину и всего две скамьи с десятью гребцами на каждом из весел.

Местом постоянного пребывания этой баржи служил док, располагавшийся чуть выше Мемфиса по течению Нила. Ее построили сто шестьдесят лет назад, но она хорошо сохранилась, ибо за ней прилежно ухаживали. Поливали водой, смазывали маслом, полировали, постоянно чинили и выводили из дока, только когда фараону хотелось проехать по Нилу.

Планировка «Нильского Филадельфа», как называла баржу Клеопатра, включала в себя даже купальни. Аркада соединяла палубные надстройки, носовую и кормовую. Одна из надстроек предназначалась для аудиенций, другая – для пиршеств. Под палубой, над гребным трюмом, размещались личные покои фараона и комнаты для множества слуг. Повседневную пищу готовили на жаровнях, в специально отгороженном отсеке; когда намечалось пиршество, огонь разводили на суше. Большое судно продвигалось со скоростью легионера на марше, и десятки слуг следовали за ним по восточному берегу. Западный берег был царством мертвых и храмов.

Изумительная баржа, отделанная золотом, электрумом, слоновой костью, обставленная мебелью из редких пород дерева, привезенных со всех концов света, включая тетраклины с Атласских гор, с самым поразительным рисунком, какой Цезарю когда-либо доводилось видеть, хотя в домах у богатых римлян имелись подлинные шедевры из этой ценной породы. Постаменты под статуями либо сплошь золотые, либо из слоновой кости. Сами статуи – работы Праксителя, Мирона, даже Фидия. Всюду висят картины Зевксиса и Паррасия, Павсия и Никия. С ними соперничают роскошные вышивки. Много персидских ковров. В драпировке преобладают прозрачные ткани гармонирующих с обстановкой расцветок.

«Вот теперь, старый дружище Красс, – думал Цезарь, – я верю в твои рассказы о невероятных богатствах Египта. Как жаль, что ты не можешь быть здесь и любоваться всем этим! Корабль для воплощенного бога».

Баржа шла вверх по реке, влекомая не только веслами, но и парусом из тирского пурпура, ибо в Египте всегда дул северный ветер. А на обратном пути гребцам помогало сильное течение Нила, спешащего к Нашему морю. Цезарь видел много гребцов, он знал, какова у них жизнь и как с ними обращаются. Гребцы везде были людьми свободными, как и многие профессионалы, но Египет – не место для свободных людей. Каждый вечер перед заходом солнца «Нильский Филадельф» причаливал к какой-нибудь царской пристани на восточном берегу, всегда свободной, потому что там не могли швартоваться никакие другие суда.

Цезарь думал, что ему скоро все это надоест, но скука не приходила. Движение на реке было оживленным и красочным. Сотни одномачтовых каботажных судов под треугольными парусами везли из портов Красного моря всякие товары и провизию. Большие глиняные кувшины были наполнены тыквами, шафраном, кунжутом, льняным маслом, тут же теснились ящики с финиками и живыми животными. Вокруг то и дело сновали плавучие лавки. Но все это находилось под строгим контролем речной охраны, всюду поспевавшей на своих быстрых лодках.

Теперь, когда Цезарь плыл по Нилу, ему было легче понять феномен разливов этой реки. Ее берега в самой низкой своей части не поднимались выше восемнадцати футов, а в самой

высокой не превосходили тридцати двух. Если вода не поднималась до первой отметки, разлив был вообще невозможен, если же она перехлестывала через вторую, бурный поток устремлялся в долину, смывал селения и уничтожал запасы зерна и долго не отступал.

Краски вокруг были яркими, впечатляющими. Небо с рекой – идеальной синевы; дальние скалы, обозначающие край безлюдного плато, – где бледно-желтые, где темно-малиновые, а сама долина полыхала всеми оттенками зелени, какие только можно вообразить. В это время года (по сезону – середина зимы) река полностью возвратилась в свои берега, и сочные, буйные всходы спешили заколоситься, чтобы весной дать урожай. Цезарь думал, что деревьев там нет, но с удивлением обнаружил кое-где рощицы, а иногда даже небольшие леса: персея, считавшаяся в Египте священным деревом, сикомор, терновник, дуб, фиговое дерево, пальмы всех видов, не говоря уже о знаменитых финиковых пальмах.

Приблизительно в середине Верхнего Египта от Нила отходила протока, стремившая свои воды на север – к Меридову озеру. Почти параллельная основному руслу реки, она омывала с востока узкий и длинный Фаюмский оазис, достаточно плодородный, чтобы давать в год два урожая пшеницы и ячменя. Предыдущий Птолемей прорыл от озера к Нилу большой канал, сделав эту водную систему проточной. Фаюмский оазис хорошо орошался, как, впрочем, и вся территория Египта Нила, растянутая на тысячу миль. Голод в стране порождала Александрия, то есть три миллиона нахлебников в ней. Численность коренных египтян, их кормивших, была куда меньше.

Скалы и безлюдное плато за ними назывались Красной Землей, а долина с ее постоянно восполняемым более темным плодородным грунтом именовалась Черной Землей.

По обоим берегам Нила стояли бесчисленные храмы, построенные в одну линию: ряды массивных пилонов, соединенных перемышками над воротами; стены, дворы, еще пилоны и ворота, ведущие дальше, вглубь, в святая святых – небольшое помещение, озаренное светом, льющим, казалось бы, ниоткуда. В святилище обычно находилось изваяние – какой-нибудь египетский бог с головой животного или кто-либо из великих фараонов, чаще всего – знаменитый строитель Рамсес II. Перед храмами зачастую тоже ставились статуи фараонов, а к святилищам вели аллеи сфинксов с бараньими, львиными и человеческими головами. В глаза бросалось обилие ярко расцветенных двумерных изображений людей, растений, животных. Египтяне любили насыщенные цвета.

– Большинство Птолемеев возводили новые храмы либо реставрировали или завершали старые, – рассказывала Клеопатра, когда они с Цезарем бродили по замечательному лабиринту верхнеегипетского города Абидос. – Даже мой отец Авлет много строил. Он так хотел быть фараоном. Видишь ли, когда пятьсот лет назад Камбиз Персидский вторгся в Египет, он счел здешние храмы и усыпальницы-пирамиды кощунственными и многие разрушил. Так что для нас, Птолемеев, осталась масса работы. Птолеми, первые после коренных египтян, бывших подлинными правителями Египта, не остались равнодушными к этой беде. Я тоже заложила фундамент нового храма Хатхор, но хочу, чтобы в этом деле ко мне присоединился и наш сын. С этого он начнет и впоследствии станет величайшим строителем храмов во всей истории Египта.

– Но почему эллинизированные Птолеми столь привержены древнеегипетскому стилю? Вот и тебе, похоже, милей иероглифы, чем греческое письмо.

– Может быть, дело в том, что многие из нас были не только царями, но и фараонами, и уж конечно, большую роль тут сыграли жрецы – это очень древняя каста. Они столь искусны как архитекторы, скульпторы и художники, что их ценят даже в Александрии. Но подожди, и ты увидишь храм Исиды на острове Филы! Там заметно греческое влияние. Поэтому, думаю, он и считается самым красивым храмовым комплексом в Египте.

Сам Нил кишел рыбой, включая оксиринху – чудовище весом в тысячу фунтов. Имелся даже город с таким названием. Народ ел рыбу – и свежую, и копченую. Она была основным продуктом питания. Окунь и карп водились тут в изобилии. И к большому удивлению Цезаря, в реке резвились дельфины, легко, почти с высокомерным презрением уворачиваясь от хищников-крокодилов.

Много разных животных считались священными. Иногда тех или иных почитали только в одном городе, а иногда повсеместно. Вид Сухоса, гигантского священного крокодила, которого насильно кормили медовыми пряниками и жареным мясом и поили сладким вином, вызвал у Цезаря смех. Тридцатифутовое существо так утомилось, что пыталось увильнуть от жрецов-кормильцев, но напрасно. Те насильно открывали гигантскую пасть и пихали туда еду, а крокодил лишь стонал и вздыхал. Цезарь видел быка Бухиса, быка Аписа, их матерей, храмовые комплексы, в которых они вели жизнь изнеженных сибаритов. Священных быков, их матерей, а также ибисов с кошками мумифицировали после смерти и помещали в просторные подземелья. Кошки и ибисы, на взгляд чужеземца, были особенно трогательными – сотни тысяч маленьких фигурок, облитых янтарной смолой, сухих, как бумага, застывших и неподвижных, в то время как души их бродят по царству мертвых.

Пока «Нильский Филопатор» все ближе подплывал к самым южным районам Верхнего Египта, Цезарь размышлял о том, что египтяне неслучайно сделали своих богов полулюдьми-полуживотными, ибо Нил – это весь их мир, где животные органически входят в жизнь

человека. Крокодил, гиппопотам и шакал внушают ужас. Крокодил таится, чтобы схватить неосторожного рыбака, или собаку, или ребенка. Гиппопотам сотрясает берег, поедая посевы и втоптывая их в землю своими огромными ножищами. Шакал шастает по домам, крадет младенцев и кошек. Поэтому Собек, Таверет и Анубис – злые боги. А вот Бастет-кошка ест крыс и мышей. Гор-сокол делает то же самое. Тот-ибис склевывает насекомых-вредителей. Хатхор-корова дает мясо и молоко. Хнум-баран производит овец – это то же мясо и молоко, а также шерсть. Для египтян, замкнутых в узкой долине и живущих только тем, что дает им река, боги естественно должны быть и животными, и людьми. А над всем этим Амон-Ра – солнце, ежедневно дарующее всему живому свой свет. Или взять луну. Для римлян она ассоциируется с дождем, или женским циклом, или перепадом в настроении, а для египтян луна – это лишь часть Нут, ночного неба, которое тоже дает земле жизнь. Что касается представления о богах, то римляне смотрят на них как на силы, пролагающие связующие пути между двумя весьма разными мирами, а египтяне – нет, они живут по-иному. Там, где есть только солнце, небо, река, человек и животные. Космология лишена абстрактных концепций.

Хорошо было бы увидеть место, где Нил вытекает из бесконечного красного ущелья, чтобы стать всем для Египта. Клеопатра говорила, что в засушливой Нубии река ничего не увлажняет, ибо течет среди скал.

– А в Эфиопии в Нил впадают два притока, и он опять становится добрым, – объясняла она. – Эти два притока собирают летом дожди и разливаются, а сам Нил течет мимо Мероэ, где живут царицы египтян-изгнанников – сембритов, некогда правивших Египтом. Они такие жирные, что не могут ходить. Сам Нил питается от дождей, которые идут круглый год где-то далеко за Мероэ, вот почему он не высыхает зимой.

Они осмотрели первый ниломер на острове Элефантина возле малого водопада и двинулись вверх по реке к Первому порогу, где вода белой пеной падала с обрыва. Затем поплыли к колодцам Сиены, знаменитым тем, что в самый длинный день года полуденное солнце любит свое отражение в их глубине.

– Да, я читал Эратосфена, – сказал Цезарь. – Здесь, над Сиеной, солнце останавливает свой путь на север и снова идет на юг. Эратосфен назвал это тропиком, поворотной точкой. Выдающийся человек. Помнится, именно он утверждал, что геометрию и тригонометрию изобрели в Египте, а не где-то еще. И мальчишки, такие как я, яростно спорили со своими учителями, отдававшими пальму первенства в этом Евклиду. А мы говорили, что геодезия в первую очередь была нужна египтянам, чьи межевые камни ежегодно передвигала вода.

– Да, но не забывай, что именно носатые греки обо всем этом написали! – засмеялась Клеопатра, хорошо знавшая математику.

В этом путешествии Цезарь многое узнал и о Клеопатре, и о Египте. Нигде, ни у народов, обитавших вокруг Нашего моря, ни у парфян, монарх не пользовался таким почитанием, как фараон в Египте. И это почитание не вызывалось рабским желанием подольститься к высококородной особе или животным страхом, оно было чем-то само собой разумеющимся. Народ собирался на берегу, чтобы бросить цветы на проплывающую мимо баржу и пасть ниц, выкрикивая имя своей властительницы. И так по всему ходу баржи – люди падали, поднимались, падали, поднимались. Само присутствие фараона проливалось на них благодать, и разлив Нила был идеальным.

При всякой возможности Клеопатра взбиралась на палубное возвышение и вставала так, чтобы подданные могли видеть ее круглый живот. И его видели все. В каждом городе, в каждом селении. Она стояла величественная, невозмутимая, в белой короне Верхнего Египта. Баржу окружали маленькие рыбацкие лодки из ивовых прутьев, обтянутых кожей. Порой вся палуба утопала в цветах. Шесть месяцев беременности сказывались на ее внешности. Она потеряла

привлекательность, подурнела. Но женщина не имела значения. Фараон – вот что было важнее всего.

Несмотря на множество отвлекающих моментов, они часто разговаривали. Это доставляло больше удовольствия Цезарю, чем Клеопатре. Упорное нежелание Цезаря обсуждать интимные стороны его жизни раздражало ее, даже злило. Ей так хотелось узнать подробнее и о его романе с Сервилией (об этом судачил весь мир!), и о его жене, с которой он много лет состоял в браке, но вряд ли сожительствовал, и о целой череде брошенных женщин, которых он соблазнял лишь для того, чтобы наставить рога их мужьям, своим политическим противникам. Ох! Так много тайн! Тайн, в которые он ее так и не посвятил, хотя говорил с ней постоянно. То учил ее, как надо править, как вводить законы и как вести войны. То принимался рассказывать поразительные истории о галльских друидах, о храмах на озере в Толозе, о золоте, которое украл Сервий Цепион, об обычаях и традициях полсотни разных народов. Пока предмет разговора не касался личного, он с удовольствием рассказывал. Но как только Клеопатра пыталась забросить сети глубже, он замыкался, уходил в себя.

Естественно, возвращаясь на север, Клеопатра не могла не посетить храм Птаха. Цезарь видел пирамиды с баржи, но теперь, пересев на коня, он отправился к ним в сопровождении Каэма. Клеопатра, будучи на последних месяцах беременности, отказалась от этой поездки.

– Камбиз Персидский пытался снять с пирамид полированную облицовку, но ему надоело ее отковыривать, и он сосредоточился на разрушении храмов, – сказала она. – Вот почему пирамиды почти не пострадали.

– Хоть убей, Каэм, не могу понять, зачем живому человеку, даже провозглашенному богом, посвящать так много времени и труда сооружению, которое ему совершенно не нужно при жизни, – сказал с искренним удивлением Цезарь.

– Что ж, – промолвил Каэм с легкой улыбкой, – ты должен помнить, что и Хуфу, и остальные фараоны сами не трудились на строительстве. Возможно, они приезжали понаблюдать за ходом работ, только и всего. Пирамиды построены умелыми мастерами. В пирамиде Хуфу около двух миллионов больших каменных блоков, но ее в основном соорудили во время разливов, когда баржи могли доставлять эти камни к плато. Работы велись в свободные от полевой страды сезоны. На время уборочных или посевных они прекращались. Полированная облицовка – это известняк. Когда-то вершины каждой из пирамид были покрыты золотом, увы, снятым впоследствии чужеземными захватчиками. Захоронения в них были вскрыты тогда же и, разумеется, разграблены. Так что все находившиеся там сокровища бесследно пропали.

– Где же хранятся сокровища здравствующего фараона?

– Ты хотел бы на них посмотреть?

– Очень. – После паузы Цезарь вновь заговорил: – Ты должен понять, Каэм, что я пришел сюда не с намерением ограбить эту страну. Все, что в ней есть, будет принадлежать моему сыну... или дочери. – Он пожал плечами. – Но меня не радует мысль, что в будущем мой сын может жениться на моей дочери. Инцест неприемлем для римлян. Хотя – вот странность! – из разговоров солдат я понял, что их больше раздражают ваши боги-животные, чем пресловутый инцест.

– Но сам ты понимаешь наших богов-животных, я вижу это по твоим глазам. – Каэм развернул своего осла. – Едем к сокровищнице, Цезарь.

Рамсес II возвел храмовый комплекс Птаха на площади больше чем в половину квадратной мили. Подходы к нему охраняли ряды великолепных сфинксов с бараньими головами. Возле западных пилонов стояли колоссальные, искусно расписанные статуи самого Рамсеса.

Цезарь подумал, что никто, даже он сам, не нашел бы входа в подземное хранилище, не зная точно, где оно расположено. Каэм провел его через серию однообразных проходов к внутреннему святилищу, залитому призрачным светом. Там находились статуи мемфисской

триады, тоже расписанные и относительно небольшие – в человеческий рост. Сам Птах-создатель стоял в середине, с бритой головой и в золотой шапочке, плотно прилегающей к черепу. Он был, подобно мумии, с ног до головы обернут в льняную ткань и держал в оголенных руках посох, увенчанный бронзовым анхом (крестом с петлей наверху), и изогнутый скипетр. Справа от него стояла его жена Сехмет, с телом стройной женщины, но с головой львицы, увенчанной диском Ра и уреем-коброй над гривой. Слева от Птаха стоял их сын Нефертум, хранитель Верхнего и Нижнего Египта и бог лотоса, в высокой голубой короне, изображающей лотос и украшенной с обеих сторон плюмажами из белых страусовых перьев.

Каэм потянулся к жезлу Птаха, отделил от него анх и передал этот довольно тяжелый предмет Цезарю. Затем он повернулся, вышел из помещения и двинулся в обратный путь. Однако до привратных пилонов он не дошел, а остановился в ничем не примечательной секции коридора, встал на колени и обеими ладонями надавил на ближайший к нему картуш чуть выше пола. Картуш немного подался вперед, и Каэм вынул его из стены, взял у Цезаря анх и вставил его тупой конец в отверстие.

– Мы долго думали, как обмануть грабителей гробниц, – сказал он, толкая анх взад-вперед и осторожно поворачивая его за петлю. – Ведь они знают все хитрости. В конце концов мы остановились на самом простом механизме, но в месте, которое трудно вычислить. Коридоров здесь много, и это всего лишь один из них. – Он сделал еще усилие, и что-то вдруг громко заскрежетало. – Вся история Рамсеса Великого начертана на стенах проходов, а среди иероглифов и рисунков размещены картуши его многочисленных сыновей. А пол... что ж, он тут такой же, как и везде.

Пораженный Цезарь обернулся на шум и увидел, что гранитная плита в центре пола поднялась несколько выше уровня соседних с ней плит.

– Помогите мне, – сказал Каэм, отпуская анх, оставшийся торчать в скважине незримого механизма.

Цезарь опустился на колени, помог поднять плиту и заглянул в темноту. Рисунок на полу подсказывал, какие еще две плиты, меньшего размера, вокруг центральной необходимо убрать в стороны. Отверстие в полу стало достаточно большим, чтобы в него могли пролезть даже очень полные люди.

– Помогите мне, – снова сказал Каэм, берясь за бронзовый стержень со сверкающим концом, на котором крепилась большая плита.

Стержень свободно поворачивался, и в результате плита поднялась на пять футов. Каэм привычным движением пошарил в темноте и извлек два факела.

– А теперь, – сказал он, поднимаясь, – мы пойдем к священному огню и зажжем их, потому что в подвалах нет света.

– А воздух там есть, чтобы факелы могли гореть? – спросил Цезарь, когда они шли к святой святынь, маленькой комнате, где горел огонь под присмотром сидящего Рамсеса.

– Пока плиты подняты – да, если мы не пойдем далеко. Когда мне нужно что-то забрать, со мной являются еще два жреца с кузнечными мехами и вдувают внутрь воздух.

При слабом свете факелов они спустились по ступеням в подземелье под святилищем Птаха, миновали нечто вроде прихожей и попали в лабиринт узких туннелей с рядами дверей по обеим сторонам, ведущих в секретные кладовые. Некоторые кладовые были наполнены золотыми слитками, ящиками с драгоценными камнями и жемчугом всех цветов и сортов. В других комнатах сильно пахло сандалом, специями, фимиамом, лазерпицием. В третьих хранились слоновая кость, порфир, алебастр, горный хрусталь, малахит, лазурит. В четвертых – черное дерево, тетраклинис, электрум и золотые монеты. Но никаких статуй или картин – в общем, того, что Цезарь мог бы назвать произведениями искусства.

Он возвратился в обычный мир пораженным. Под его ногами лежало такое богатство, что даже семьдесят крепостей Митридата Великого со всеми их тайниками бледнели перед ним.

«Правду говорил Марк Красс: мы в западном мире понятия не имеем о том, какое богатство накопили восточные монархи, ибо не ценим богатство ради него самого. Само по себе оно и впрямь бесполезно, в лежачем, так сказать, виде. Будь все это моим, я тут же переплавил бы металлы, а остальное рассортировал и распродал, чтобы вложить вырученные средства в экономическое развитие Рима. А Марк Красс только ходил бы вокруг сокровищ, напевая себе под нос. Несомненно, все началось с одного яичка в гнезде, но вылупилось из этого яичка чудовище, для охраны которого требуется немыслимая хитрость и изворотливость».

Вернувшись в коридор, они ввинтили обратно пятифутовый бронзовый стержень и закрыли защелку, приводящую в действие невидимый механизм. Потом положили на место плиты меньшего размера и опустили центральную вровень с полом. Сколько ни смотрел Цезарь на напольные плиты, он не мог найти входа. Он потопал ногами, но звук везде был глухим, ибо четырехдюймовые плиты его с легкостью поглощали.

– Если кто-то присмотрится к картушу, – сказал он Каэму, когда тот возвращал анх Птаху, – то сможет заметить следы прикосновений.

– Но это будет не завтра, – спокойно ответил Каэм, – а тем временем щели замажут, подкрасят, состарят, и он будет выглядеть как сотня других.

Еще совсем юношей Цезаря захватили пираты, скрывавшиеся в одной из ликийских бухт. Они были совершенно уверены, что эту бухту нельзя обнаружить, и даже позволили пленнику оставаться на палубе, когда врывались в нее. Но Цезарь перехитрил их. Он сосчитал бухты и, после того как его выкупили, вернулся и наказал наглецов. Так же и тут: он сосчитал картуши между тем, который выскакивал из стены, и святилищем Птаха. Одно дело, думал он, следуя за Каэмом к выходу, не зная секрета, и совсем другое, когда ты знаешь его. Чтобы найти подвалы с сокровищами, грабителям потребовалось бы разобрать по камешку весь этот храм. Но Цезарь умел производить простые расчеты. Нет, он, конечно, не собирался похищать то, что однажды будет принадлежать его сыну. Однако человек думающий всегда сможет воспользоваться имеющейся возможностью.

5

В конце мая они вернулись в Александрию. Оказалось, что все развалины уже разобраны и на их месте строятся новые здания. Митридат Пергамский переехал в удобный дворец с женой Береникой и дочерью Лаодикой, а Руфрий занимался строительством гарнизонного лагеря для оставшегося на зиму войска на восточной стороне города, около ипподрома, считая разумным поместить легионы поближе к евреям и метикам.

А Цезарь все советовал, все напоминал:

– Не скупись, Клеопатра! Корми свой народ. Не заставляй бедноту страдать от роста цен на продукты! Почему, ты думаешь, у Рима почти нет неприятностей с простым человеком? Не взимай платы за вход на колесничные бега, подумай и о бесплатных представлениях на агоре. Пусть греческие актеры ставят там Аристофана, Менандра. Больше веселых пьес – бедные люди не любят трагедий, их достаточно в жизни. Бедняки предпочитают посмеяться и хотя бы на полдня забыть о своих проблемах. Сооружай фонтаны в бедняцких кварталах, строй там простые дешевые бани. В Риме посещение публичной бани стоит четверть сестерция – люди уходят чистыми, в радужном настроении. И пожалуйста, летом возьми под контроль этих несчастных птиц! Найми расторопных мужчин и женщин, пусть моют улицы, и поставь приличные общественные уборные в местах, где есть канавы с проточной водой. Поскольку чиновники Александрии и Египта доказали свою полную несостоятельность, составь новые списки граждан, в которые будут входить и неимущие, и знать. Составь список, согласно которому бедным будут выдавать по одному медимну пшеницы в месяц плюс меру ячменя, чтобы они могли варить пиво. Доходы, которые ты начнешь получать, надо разумно распределять, а не хранить без всякой пользы. Если ты будешь копить эти деньги, экономику государства ждет скорый крах. Александрия укрощена, но твоя обязанность – сохранить ее укрощенной.

И еще, и еще, и еще. Законы, которые следует провести, постановления и указы. Общественная система проверок. Реформирование египетских банков, тех, что являются собственностью фараона и контролируются им через чиновников. Так не годится, так жить нельзя!

– Трать больше денег на образование, поощряй педагогов устраивать школы в общественных местах и на рынках, плати им за то. Пусть дети учатся. Тебе нужны писари, счетоводы. А поступающие книги сразу помещай в Мусейон! Государственные служащие ленивы, поэтому строго за ними приглядывай и не предлагай никому пожизненных должностей.

Клеопатра покорно слушала, чувствуя себя тряпичной куклой, которая кивает всякий раз, когда ее трясут. Теперь, на восьмом месяце, она ходила медленно, не удаляясь надолго от уборной. Сын Цезаря толкал ее изнутри, а сам Цезарь долбил ее мозг. Она терпела. Она была согласна вытерпеть все, кроме мысли о том, что он скоро уедет и ей придется обходиться без него.

Наконец наступила последняя ночь, Июньские ноны. На рассвете Цезарь, три тысячи двести человек шестого легиона и германская кавалерия должны были отправиться в Сирию и преодолеть первый отрезок пути в тысячу миль.

Клеопатра очень старалась сделать приятной эту ночь, хорошо понимая, что, хотя он по своему и любит ее, ни одна женщина не может заменить в его сердце Рим или значить для него столько же, сколько десятый или шестой легионы. «Ну что ж, они были с ним намного дольше. Они вошли в его жизнь, в его душу. Но я тоже готова умереть за него. Готова, готова! Он – отец, которого у меня не было, муж моего сердца, идеальный мужчина. Никто в этом мире не может сравниться с ним! Даже сам Александр Великий. Тот тоже был безрассудно смелым завоевателем, но его не интересовали вопросы разумного правления или пустые животы бедноты. А Цезарь другой. Вавилон его не манит. Он никогда не променяет свой Рим на Алексан-

дрию. О, если бы он только сделал это! С Цезарем и со мной Египет стал бы центром мира. Египет, а не Рим».

Они могли целоваться и обниматься, но секс был невозможен. Впрочем, Цезаря, умеющего себя контролировать, это ничуть не смущало. «Мне нравится, что он старается доставить мне удовольствие. Его прикосновения ритмичные, сильные, а кожа ладоней такая гладкая. Когда он уедет, я буду ее вспоминать. Его сын будет похож на него».

– После Азии ты отправишься в Рим? – спросила она.

– Да, но не надолго. Я проведу кампанию в провинции Африка и навсегда покончу с республиканцами, – ответил Цезарь и вздохнул. – Ох, если бы Магн был жив! Все могло бы пойти по-другому.

Как это иногда с ней бывало, она вдруг почувствовала, что ждет его впереди.

– Это не так, Цезарь. Если бы Магн был жив, если бы вы помирились, ничто не изменилось бы. Слишком много тех, кто никогда не склонится перед тобой.

Какое-то время он молчал, потом засмеялся:

– Ты права, любовь моя, абсолютно права. Это Катон их всех подстрекает.

– Рано или поздно ты навсегда останешься в Риме.

– Может быть, может быть. Но первым делом мне надо покончить с парфянами и отобрать у них римских орлов Красса.

– Но я должна тебя снова увидеть! Должна! Как только твои войны закончатся, ты будешь править Римом. Тогда я смогу приехать, чтобы быть с тобой.

Он приподнялся на локте и посмотрел на нее:

– Клеопатра, неужели ты так никогда ничего и не усвоишь? Ни один властелин в мире не может покидать надолго свою страну. Ты царица, и твой долг – править. Вот почему тебе нельзя ехать в Рим.

– Ты тоже царь, но ты уезжаешь из Рима. И даже на годы, – упрямо возразила она.

– Я не царь! В Риме есть консулы, преторы, целая система магистратур. Диктатор – это временная должность, не больше. Поставив Рим на ноги, я тут же сложу диктаторские полномочия. Как это сделал Сулла. По закону я не могу править Римом. И я не буду им править. А ты правишь Египтом. Тебе нельзя его покидать.

– О, давай не будем ссориться в нашу последнюю ночь! – воскликнула она, схватив его за руку.

Но про себя подумала:

«Я – фараон, я – бог на земле! Я могу делать все, что захочу, и ничто меня не удержит. У меня есть дядя Митридат и четыре римских легиона. Так что, когда ты победишь республиканцев, Цезарь, я приеду к тебе.

Говоришь, ты не будешь править Римом?

Конечно же будешь!»

II

Поход десяти тысяч Катона

Секстилий (август) 48 г. до Р. Х. – май 47 г. до Р. Х

1

Лабием спешил к Катону и Цицерону с вестью о поражении Помпея Великого при Фарсале. Меняя лошадей, он достиг адриатического побережья Македонии через три дня после битвы. Последнего, десятого, коня он почти загнал. Хотя он был один и в заляпанных дорожной грязью доспехах, часовые у ворот лагеря сразу узнали это смуглое неримское лицо. Все рядовые солдаты боялись командующего кавалерией Помпея.

Уверенный, что Катон находится в доме командующего, Лабиен прыгнул с еле державшегося на ногах коня и зашагал по *via principalis* к алому флагу, чье полотнище было так натянуто свежим морским бризом, что казалось жестким. Он надеялся, что Катон будет один. Сейчас не тот момент, чтобы выслушивать разглагольствования Цицерона.

Но увы, великий адвокат был на месте. Его тщательно выверенная, облеченная в официально-гладкие фразы латынь немолчным потоком лилась из открытой двери, словно он обращался к членам жюри, а не к мрачному, насупившемуся Катону. Едва шагнув через порог, Лабиен заметил, что терпением Катона немилосердно злоупотребляют.

Увидев соратника, оба разом вскочили, готовые засыпать его вопросами. Но выражение лица Лабиена заставило их прикусить языки.

– Он разбил нас меньше чем за час, – коротко бросил Лабиен, напрямик направляясь к столу с вином.

Жажда заставила его залпом осушить содержимое чаши. Он содрогнулся от отвращения и, кривя губы, спросил:

– Катон, почему у тебя никогда нет хорошего вина?

На новость первым отреагировал, конечно же, Цицерон. Он пронзительно закричал, замахал руками.

– Это чудовищно, невозможно, ужасно! – воскликнул он, заливаясь слезами. – Что я здесь делаю? Зачем я только отправился в это злосчастное путешествие? Мне следовало быть сейчас в Италии, если не в Риме. Там я мог бы приносить хоть какую-то пользу, а здесь только мешаю!

И так далее, и так далее. Неизвестно, что вызвало этот припадок самобичевания, но остановить его было нельзя.

Катон стоял молча, чувствуя странное онемение в челюстях. Случилось невероятное – Цезарь победил. Но как такое возможно? Как? Как неправому удалось доказать, что он прав?

Их реакция не удивила Лабиена. Он слишком хорошо знал этих людей и слишком мало любил. Не обращая внимания на Цицерона, он сосредоточился на Катоне, самом закоренелом, самом заклятом из бесчисленных врагов Цезаря. Очевидно, Катон даже и не думал, что его сторонников – республиканцев, как они себя называют, – может побить человек, поправший все догматы неписаной конституции Рима и святотатственно пошедший войной на собственную страну. Сейчас Катон был похож на жертвенного быка, которого ударили молотом по лбу и он упал на колени, не понимая, как это случилось.

– Он разбил нас меньше чем за час? – переспросил наконец Катон.

– Да, хотя был в значительном меньшинстве, без резервов и только с тысячей конников. Я и представить себе не мог, что такое важное сражение займет так мало времени. Как теперь назовут наше поражение? Фарсал!

«И это, – поклялся себе Лабиен, – все, что вы услышите от меня о Фарсале. Я командовал легионами Цезаря с первого до последнего дня его пребывания в Длинноволосой Галлии, и я был уверен, что сумею его победить. Я был убежден, что без меня он не сможет выигрывать битвы. Но Фарсал показал мне, что это не так. Мои отношения с Цезарем всегда были отношениями подчиненного и командующего. Он отдавал мне приказы, знал мои возможности. И всегда оставлял стратегию за собой. Он просто превратил Требония, Децима Брута, Фабия и всех остальных в тактические орудия его стратегической воли.

Где-то на пути от Рубикона к Фарсалу я упустил это из виду. И повел свои шесть тысяч конников против тысячи конных германцев, считая сражение выигранным. Сражение, которое разработал я сам, потому что великий Помпей Магн слишком устал от постоянных раздоров в своей палатке командующего и жалость к себе затуманила его разум. Я хотел сражения, его комнатные командующие хотели сражения, а Помпей Магн хотел вести войну по методу Фабия – морить противника голодом, всячески досаждать ему, но не вступать с ним в открытую драку. Да, он был прав, а мы – нет. В скольких больших сражениях принимал участие Цезарь, зачастую

со щитом и мечом и в первых рядах? Почти в пятидесяти. Нет ничего, чего бы он не добился. Все для него достижимо. Причем того, чего я добиваюсь, наводя страх – нет, даже ужас! – на своих подчиненных, он легко добивается, вызывая в солдатах любовь. Они любят его больше жизни».

Горечь этого подведенного в мыслях итога заставила его схватить почти пустую бутылку и швырнуть ее на пол. Она покатилась, звеня.

– Неужели все хорошее вино ушло на восток, в Фессалию? – зло спросил Лабиен. – И в этой дыре нет ни одной капли жидкости, стоящей того, чтобы ее выпить?

Катон наконец ожил.

– Есть или нет, я не знаю и знать не хочу! – пролаял он. – Если ты хочешь лакать нектар, Тит Лабиен, ступай куда-нибудь... куда хочешь! И этого, – добавил он, ткнув пальцем во все еще стенающего Цицерона, – не забудь взять с собой!

Не желая видеть, как они воспримут его слова, он вышел за порог и направился к извилистой тропе, ведущей на вершину каменистого холма Пётра.

«Не месяцы, а несколько дней. Сколько дней, восемнадцать? Да, всего восемнадцать дней прошло с тех пор, как Помпей Магн повел нашу огромную армию в Фессалию, на восток. Он не хотел, чтобы я был с ним, – моя критика его раздражала. Поэтому он решил взять с собой моего дорогого Марка Фавония, а меня оставил здесь, в Диррахии, для присмотра за ранеными солдатами.

Марк Фавоний, лучший мой друг, – где он теперь? Если бы он был жив, вернулся бы ко мне с Титом Лабиеном.

Лабиен! Законченный мясник, варвар в шкуре римлянина, дикарь, который испытывал наслаждение, подвергая мучениям своих сограждан за то лишь, что они были на стороне Цезаря, а не Помпея. А Помпей, имевший наглость назвать себя Магном – Великим, даже не пикнул, когда Лабиен пытался сот пленных солдат из девятого легиона. Людей, которых он хорошо знал по Длинноволосой Галлии. Вот в чем причина, вот почему мы потерпели поражение в решительном сражении под Фарсалом. Правильный курс был взят неправильными людьми.

Помпей Магн больше не Великий, и наша любимая Республика в агонии. Меньше чем за час».

С высоты холма Пётра открывался великолепный вид на темное, как вино, море под сероватым небом с чуть размытым солнечным диском, на покрытые буйной зеленью холмы, убегающие к далеким вершинам Кандавии, на небольшой городок Диррахий. Тихий пейзаж. Мирный. Даже бесконечные мили грозных фортификаций, оцетинившихся башнями и повторяющихся по другую сторону ничейной земли, стали частью ландшафта, словно они всегда были тут. Немые свидетельства титанической работы обеих сторон во время осады, длившейся месяцы, пока в одну ночь Цезарь вдруг не исчез, позволив Помпею возомнить себя победителем.

Катон стоял на вершине Пётры и смотрел в сторону юга. Там, в ста милях отсюда, на острове Коркира, находился Гней Помпей, его огромная морская база, сотни кораблей, тысячи моряков, гребцов и солдат. Странно, но у старшего сына Помпея Магна открылся талант флотоводца.

Ветер трепал кожаные полосы его юбки и рукавов, развеивал длинные седеющие рыжеватые волосы, прижимал бороду к груди. Прошло полтора года с тех пор, как он покинул Италию, и все это время он не брился и не стригся. Катон был в трауре по уничтоженным традициям предков, *mos maiorum*, по которым Рим всегда жил и должен был жить вечно. Но вот уже в течение ста лет *mos maiorum* упорно подрывают всякие политические демагоги и военачальники, и Гай Юлий Цезарь – худший из них.

«Как я ненавижу Цезаря! Я ненавидел его еще до того, как достаточно повзрослел, чтобы войти в сенат. За вид, за манеры, за красоту, за изумительное красноречие, за блестящую способность к законотворчеству, за обыкновение наставлять рога своим политическим оппонентам, за беспрецедентный военный талант, за абсолютное презрение к *mos maiorum* и, наконец, за неоспоримую знатность. Как мы воевали с ним на Форуме и в сенате, мы, назвавшие себя *boni* – добрыми людьми, патриотами Рима! Катул, Агенобарб, Метелл Сципион, Бибул и я. Катул теперь мертв, Бибул мертв. Где Агенобарб и этот монументальный идиот Метелл Сципион? Неужели я – единственный выживший *boni*?»

Вдруг пошел дождь, что не было редкостью в этих местах, и Катон возвратился в резиденцию командующего, где теперь находились только Статилл и Афинодор Кордилион. Два человека, которых он всегда был рад видеть.

Статилл и Афинодор Кордилион были парой его домашних философов так много лет, что никто и вспомнить не мог, сколько именно. Он кормил их и платил им за то, что они составляли ему компанию. Только настоящий стоик мог вынести гостеприимство Катона дольше одного-двух дней, ибо этот правнук бессмертного Катона Цензора гордился простотой своих вкусов. Окружающие стали называть его скрягой, но это нисколько не расстраивало Катона. Он был невосприимчив как к критике, так и к похвалам. Но не меньше, чем стоицизму, Катон был привержен вину. Хотя вино, которое он распивал со своими философами, было дешевым и невкусным, зато запас его был огромным. Катон без тени смущения заявлял, что если раб, стоящий меньше пяти тысяч сестерциев, делает столько же, сколько раб, стоящий в пятьдесят раз дороже, то зачем переплачивать? А еще он не терпел в доме женщин.

Поскольку все римляне, даже неимущие, любили удобства, странная приверженность аскетизму выделяла Катона из общего ряда. Многие им восхищались. Это качество вместе с его поразительной целеустремленностью и неподкупностью возвысило его до статуса героя. Каким бы неприятным ни было порученное ему дело, он вкладывал в него всю душу. Его грубый, немелодичный голос, его блестящая способность устраивать обструкции на Форуме и в сенате, его слепое стремление скинуть Цезаря с пьедестала – все это дополняло образ нестигаемого борца. Ничто не могло запугать Катона, никто не мог урезонить его.

Статилл и Афинодор Кордилион и не думали его урезонивать. Немногие любили Катона, а вот они любили.

– Тит Лабиев остановился здесь? – спросил Катон, направляясь к столу с вином и наливая себе полную чашу, в которую даже и не подумал долить воды.

– Нет, – ответил Статилл, чуть улыбнувшись. – Он поселился там, где раньше жил Лентул Крус, и выпросил амфору лучшего фалернского вина у начальника снабжения, чтобы утопить свое горе.

– Пусть ему будет хорошо везде, только бы не у нас, – сказал Катон, ожидая, когда слуга снимет с него кожаные доспехи. Потом сел со вздохом. – Думаю, новость о нашем поражении уже распространилась?

– Повсюду, – ответил Афинодор Кордилион. В его старческих слезящихся глазах стояли слезы. – О, Марк Катон, как мы будем жить в новом мире, которым будет править тиран?

– Старый мир еще не ушел в прошлое. И не уйдет, пока я жив. – Катон залпом выпил вино и вытянул длинные мускулистые ноги. – Я полагаю, многие выжившие при Фарсале думают так же, как я. И уж определенно Тит Лабиев. Если Цезарь еще склонен миловать, Лабиев может на это не надеяться. Миловать, а?! Словно он уже царь. Абсолютно всех восхищает его милосердие, им восторгаются, ему поют хвалы! Ха! Цезарь – второй Сулла. Царская кровь в жилах его прямых предков текла еще семь столетий назад! Даже больше, чем царская. Сулла никогда не претендовал на происхождение от Венеры и Марса. Если Цезаря не остановить, он провозгласит себя царем Рима. По крови он может быть таковым. А теперь у него

есть и власть. Чего у него нет – это пороков Суллы. А лишь пороки помешали Сулле повязать лоб диадемой.

– Тогда мы должны принести жертву богам, чтобы Фарсал не стал нашим последним сражением, – сказал Статилл, наполняя чашу Катона из нового кувшина. – Хорошо бы разузнать больше о том, что случилось! Кто жив, кто убит, кого взяли в плен, кто спасся...

– У этого вина подозрительно хороший вкус, – прервал его Катон, хмурясь.

– Я решил, что... мм... после таких ужасных вестей мы не предадим наших убеждений, если последуем примеру Лабиена, – сказал, словно бы извиняясь, Афинодор Кордилион.

– Потворствовать своим сибаритским наклонностям неправильно, какими бы ужасными ни были новости, – отрезал Катон.

– Я не согласен, – раздался с порога вкрадчивый голос.

– О, Марк Цицерон, – невыразительно сказал Катон с неприветливым видом.

Все еще всхлипывая, Цицерон сел в кресло, с которого он мог видеть Катона, вытер глаза свежим, чистым большим носовым платком – обязательный аксессуар гения судопроизводства – и принял чашу с вином от Статилла.

«Я знаю, – отстраненно подумал Катон, – что горе его неподдельно, но меня от него тошнит. Человек должен победить все свои эмоции, только тогда он станет по-настоящему свободным».

– Что тебе удалось узнать у Тита Лабиена? – рявкнул он так, что Цицерон подскочил. – Где другие? Кто погиб под Фарсалом?

– Агенобарб, – сказал Цицерон.

«Агенобарб! Родственник, зять, неутомимый собрат-*boni*. Я никогда больше не увижу его решительного лица. Как он ненавидел свою лысину, убежденный, что его сияющий череп отпугивает избирателей всякий раз, когда он выдвигает свою кандидатуру в коллегию жрецов...»

А Цицерон продолжал трещать:

– Кажется, Помпей Магн тоже спасся в числе других. По словам Лабиена, это возможно при беспорядочном бегстве. Обычно в таких сражениях все стоит насмерть. А наша армия, можно сказать, и не сражалась совсем, сдалась почти сразу. Цезарь отбил атаку кавалерии Лабиена, вооружив своих пехотинцев осадными копьями, – и все было кончено. Помпей убежал с поля боя. Другие командиры последовали за ним, а солдаты или побросали оружие, прося пощады, или разбежались.

– А твой сын? – спросил из вежливости Катон.

– Я думаю, он великолепно вел себя в битве, но ранен не был, – сказал, откровенно радуясь, Цицерон.

– А твой брат Квинт и его сын?

Гнев и раздражение исказили черты довольно приятного лица Цицерона.

– Ни того ни другого при Фарсале не было. Брат Квинт всегда заявлял, что не станет сражаться за Цезаря, но и против не выступит, ибо уважает его. – Он пожал плечами. – Это худшее из того, что несут нам гражданские войны. Распадаются семьи.

– От Марка Фавония есть вести? – вновь рявкнул Катон.

– Никаких.

Катон проворчал что-то, казалось не желая больше говорить на эту тему.

– Что мы будем делать? – жалобно спросил Цицерон.

– Строго говоря, Марк Цицерон, это ты должен принять решение, – сказал Катон. – Ты здесь единственный консуляр. Я был лишь претором, а не консулом. Поэтому ты по званию старше меня.

– Чепуха! – крикнул Цицерон. – Помпей оставил ответственным тебя, а не меня! Это ты живешь в доме командующего.

– Мои обязанности вполне определенные и ограниченные. По закону организационные решения должен принимать старший.

– Я категорически отказываюсь что-либо решать!

Красивые серые глаза впились в испуганное лицо Цицерона. Ну почему он труслив, как мышь или овца? Катон вздохнул:

– Ладно, решение буду принимать я. Но при условии, что ты поддержишь меня, когда нужно будет отчитываться перед сенатом и народом Рима.

– Каким сенатом? – с горечью спросил Цицерон. – Перед марионетками Цезаря в Риме или перед несколькими сотнями, которые после Фарсала разбежались кто куда?

– Рим имеет законное республиканское правительство, которое соберется в каком-нибудь другом месте и составит новую оппозицию узурпатору народной власти.

– Ты никогда не сдашься, да?

– Пока дышу – никогда.

– И я, разумеется, но не так, как ты, Катон. Я не солдат. Нет у меня этой жилки. Я собираюсь возвратиться в Италию и организовать гражданское сопротивление Цезарю там.

Катон вскочил, сжав кулаки.

– Не смей! – заорал он. – Возвратиться в Италию – значит унизиться перед Цезарем!

– Ну-ну, успокойся, прости мою глупость, – заблеял Цицерон. – Лучше скажи, что мы будем делать?

– Мы возьмем раненых и отправимся на Коркиру, конечно. У нас есть корабли, но надо поторопиться, пока жители Диррахия их не сожгли, – сказал спокойно Катон. – Соединившись с Гнеем Помпеем, мы получим известия о других и тогда окончательно определимся.

– Восемь тысяч больных людей и имущество? У нас же недостаточно кораблей! – ахнул Цицерон.

– Если Гай Цезарь мог втиснуть двадцать тысяч легионеров, пять тысяч нестроевиков и рабов, всех своих мулов, повозки, материальную часть и артиллерию в триста потрепанных и дырявых посудин и перевезти все это из Британии, – сказал с насмешливым видом Катон, – почему я не могу погрузить четверть всего того же на сотню хороших, крепких транспортов и потихоньку передвигаться вдоль берега в спокойных водах?

– О! Да, Катон! Да, да! Ты абсолютно прав. – Цицерон поднялся и трясущимися руками передал свою чашу Статиллу. – Я должен упаковать вещи. Когда мы отплываем?

– Послезавтра.

Той Коркиры, какую Катон помнил по предыдущему визиту, больше не было. По крайней мере, на побережье. Изумительный остров, жемчужина Адриатики, гористый, покрытый буйной растительностью, окруженный прозрачной, пронизанной солнцем водой, неузнаваемо изменился. Во всех некогда уютных бухточках теснились транспортные и военные корабли. Все деревушки превратились в пункты обслуживания воинских лагерей, со всех сторон их обступавших. На поверхности когда-то прозрачного моря плавали экскременты людей и животных, вонявшие хуже, чем грязевые равнины египетского Пелузия. Усугубляя всю эту антисанитарию, Гней Помпей расположил свою главную базу в узком проливе с видом на материк. Он объяснял это тем, что там можно рассчитывать на хороший улов, когда Цезарь попытается перебросить войска и припасы из Брундизия в Македонию. К сожалению, течение в проливе не уносило грязь, а, наоборот, прибывало к берегам.

Катон почти не замечал воню, а вот Цицерон постоянно твердил о ней, демонстративно закрывая платком свое позеленевшее лицо и оскорбленные ноздри. В конце концов он удалился на пришедшую в упадок виллу на вершине холма, где мог гулять в прелестном саду и срывать фрукты с деревьев, почти забывая о ностальгии. Цицерон, с корнем вырванный из Италии, был в лучшем случае собственной тенью.

Внезапное появление младшего брата Цицерона, Квинта, и его сына, Квинта-младшего, лишь прибавило ему неприятностей. Не желая вставать ни на чью сторону, эта пара изъездила всю Грецию и Македонию. После поражения Помпея Великого под Фарсалом они поспешили в Диррахий к Цицерону. Найдя лагерь опустевшим и узнав от жителей Диррахия, что, скорее всего, республиканцы отправились на Коркиру, они тоже поплыли туда.

– Теперь ты понимаешь, – ворчал Квинт, – почему я не хотел связываться с этим дураком Магном, явно переоценившим себя. Он недостойн завязывать Цезарю ремни на калигах.

– К чему идет мир, – парировал Цицерон, – когда дела государства решаются на поле брани? Ведь не могут они так решаться! Рано или поздно Цезарь должен вернуться в Рим и взять бразды правления в свои руки. И я намерен быть там же, чтобы ему противостоять.

Квинт-младший фыркнул:

– Чепуха, дядя Марк! Как только ты ступишь на землю Италии, тебя арестуют.

– Вот в этом, племянник, ты ошибаешься, – возразил с презрением Цицерон. – У меня есть письмо от Публия Долабеллы, в котором он умоляет меня вернуться в Италию! Он говорит, что мое присутствие будет приветствоваться, что Цезарю в сенате нужны консуляры моего статуса. Чтобы возглавить здоровую оппозицию.

– Как удобно одновременно стоять в обоих лагерях! – фыркнул Квинт-старший. – Один из главных приспешников Цезаря – твой зять! Хотя я слышал, что Долабелла не очень хороший муж для Туллии.

– Тем более мне нужно быть дома.

– А как же я, Марк? Почему тебе, который был ярким противником Цезаря, можно свободно вернуться домой? А мой сын и я, которые против Цезаря не выступали, должны теперь его разыскивать, чтобы получить прощение, ибо все думают, что мы дрались под Фарсалом. И кстати, как быть с деньгами?

Чувствуя, что краснеет, Цицерон попытался принять равнодушный вид:

– Это твое дело, Квинт.

– *Cacat!* Ты должен мне миллионы, Марк, миллионы! Не говоря уже о миллионах, которые ты должен Цезарю! И ты сейчас же, сию минуту отдашь мне хотя бы часть этих денег, иначе, клянусь, я распорю твой живот до самой глотки! – заорал Квинт.

Это была пустая угроза – при нем не было ни меча, ни кинжала. Но вопрос о деньгах усугубил растерянность Цицерона, всколыхнул в нем тревогу за дочь и негодование на бессердечность мегеры Теренции, его жены. Обладая независимым состоянием, она отказывалась делиться им с расточительным муженьком. Теренция могла пойти на любые хитрости ради денег – от перемещения межевых камней на своей земле до объявления самых плодородных участков священными рощами, чтобы не платить налогов. И с этими ее действиями Цицерон вполне свылся. Чего он не мог простить ей, так это того, как она обращалась с бедняжкой Туллией, которая имела все основания жаловаться на своего мужа Публия Корнелия Долабеллу. Но Теренции не было до этого дела! Если бы Цицерон не знал, что у Теренции нет иных чувств, кроме алчности, он мог бы заподозрить, что она сама влюблена в Долабеллу. И потому выступает вместе с ним против собственной плоти и крови! А Туллия все хворает после потери ребенка. «Моя девочка, моя дорогая!»

Так думал Цицерон, но он, конечно, не смел высказать многое из этого в письме к Долабелле. Долабелла был нужен ему!

К середине календарного сентября (совпавшей с началом лета) флотоводец Коркиры созвал небольшой совет.

В свои неполные тридцать два года Гней Помпей был очень похож на знаменитого отца, хотя его золотые волосы имели более темный оттенок, а глаза были скорее серыми, чем голу-

быми. И нос больше походил на римский, чем у Помпея Великого. Командование легко давалось ему. Унаследовав организаторские таланты родителя, он без труда управлялся с дюжиной флотов и многими тысячами моряков экипажа. Чего у него не было, так это отцовского комплекса неполноценности и его чрезмерного самомнения. Мать Гнея Помпея, Муция Терция, была аристократкой со знаменитыми предками, поэтому темные мысли о неясных пиценских корнях, которые так мучили бедного Помпея Великого, никогда не приходили в голову сыну.

Присутствовали только восемь человек. Сам Гней Помпей, Катон, трое Цицеронов, Тит Лабиен, Луций Афраний и Марк Петрей.

Афраний и Петрей командовали легионами Помпея Великого много лет и даже управляли за него обеими Испаниями, пока Цезарь не выгнал их оттуда в прошлом году. Уже поседевшие, они оставались солдатами до мозга костей, ибо годы не властны над теми, в ком жив воинский дух.

Прибыв в Диррахий как раз перед отплытием транспортов на Коркиру, они, естественно, последовали за Катоном, радуясь предстоящей встрече с Лабиеном, тоже уроженцем Пицена.

Они привезли с собой новости, которые очень порадовали Катона, но повергли в уныние Цицерона. Новая оппозиция Цезарю формируется в провинции Африка, где наместничает республиканец. Юба, царь соседней Нумидии, открыто вошел с ним в союз. Поэтому всем уцелевшим под Фарсалом надлежит плыть туда, прихватив с собой столько войск, сколько будет возможно.

– Что слышно о твоём отце? – глухо спросил у Гнея Помпея Цицерон, сидевший между братом и племянником.

Он испытывал ужас при мысли о необходимости тащиться в провинцию Африка, когда он так мечтает о возвращении в Рим!

– Я отправил письма в полсотни разных мест по восточной стороне Нашего моря, – тихо ответил Гней Помпей, – но до сих пор не получил ответа. Вскоре попытаюсь еще раз. Есть информация, что он ненадолго остановился на Лесбосе, чтобы встретиться там с Секстом и мачехой, но, видно, письмо мое с ним разминулось. Ни от Корнелии Метеллы, ни от Секста известий тоже пока не пришло.

– Что ты сам намерен делать, Гней Помпей? – спросил Лабиен, обнажая большие желтые зубы в оскале, столь же непроизвольном, как лицевой тик.

«А это уже интересно, – подумал Катон, разглядывая флотоводца. – Сын Помпея не любит этого дикаря так же сильно, как я».

– Я останусь здесь, пока не подуют пассаты с появлением Сириуса, – по крайней мере еще месяц, – ответил Гней Помпей. – Потом я поведу весь свой флот и людей на Сицилию. Затем навещу Мальту, Гаудос, Эолийские острова. Постараюсь успеть повсюду, откуда к Цезарю могут идти поставки зерна, и прекратить их. Рим и Италия, подтянувшие пояса, станут менее покладистыми, и Цезарю будет труднее держать их в узде.

– Хорошо! – воскликнул Лабиен и, удовлетворенный, сел. – Я отправляюсь в Африку с Афранием и Петреем. Завтра.

Гней Помпей вскинул брови:

– Корабли я могу дать тебе, Лабиен, но к чему такая спешка? Останься подольше и возьми с собой выздоровевших раненых Катона. У меня достаточно транспортов.

– Нет, – ответил коротко Лабиен. Он встал и кивнул Афранию и Петрею. – Дай мне один корабль. Я поплыву на Киферы и Крит и посмотрю, сколько там собралось беглецов. Если достаточно, я реквизирую весь тамошний флот и, если будет нужно, наберу экипажи, хотя солдаты умеют грести. Прибереги свои корабли для Сицилии.

Он тут же вышел. Афраний и Петрей побежали за ним, как два больших старых преданных пса.

– С Лабием покончили, – сквозь зубы сказал Цицерон. – Не могу сказать, что буду скучать по нему.

«Я тоже», – хотел сказать Катон, но промолчал. Вместо этого он обратился к Гнею Помпею:

– А что делать с восемью тысячами раненых, которых я привез из Диррахия? По крайней мере тысяча из них уже могут плыть в Африку, но остальным для поправки нужно время. Все они готовы к дальнейшей борьбе, и я не могу бросить их здесь.

– Кажется, наш новый великий человек больше интересуется Малой Азией, чем Адриатикой, – презрительно вздернув губу, фыркнул Гней Помпей. – Целует землю Илиона в память о своем предке Энее, как вам это нравится? Освобождает Трою от налогов! Ищет могилу Гектора! – Внезапно он усмехнулся. – Но любой досуг длится недолго. Сегодня прибыл курьер и сообщил, что царь Фарнак покинул Киммерию и направился к Понту.

Квинт Цицерон засмеялся:

– Следует по стопам своего дорогого родителя? Цезарь намерен его урезонить?

– Нет, Цезарь продолжает двигаться на юг. С сыном Митридата Великого придется сразиться Кальвину, подлому псу и предателю нашего дела. Эти восточные цари словно гидры: отруби голову – вырастут две. Полагаю, Фарнак считает это обычной войной – пройти из одного конца Анатолии в другой.

– Значит, у Цезаря появится масса забот на восточном краю Нашего моря, – с огромным удовлетворением сказал Катон. – А у нас будет достаточно времени, чтобы укрепиться в провинции Африка.

– А ты понимаешь, Катон, что Лабием пытается опередить и тебя, и моего отца, и любого, кто будет претендовать на высшее командование в Африке? – спросил Гней Помпей. – Почему еще он так спешит туда? – Он в отчаянии ударил кулаком по ладони. – Только бы выяснить, где сейчас мой отец! Я знаю его, Катон, и знаю, в каком он пребывает отчаянии!

– Не тревожься, он вскоре объявится, – успокоил его Катон. С необычной для него импульсивностью он сжал мускулистую руку Помпея-младшего. – Что до меня, то я вовсе не рвусь занять пост командующего. – Он резко повернул голову к Цицерону. – Вот сидит мой командир, Гней Помпей. Марк Цицерон – консуляр, так что я еду в Африку под его началом.

Цицерон взвизгнул и вскочил с места:

– Нет, нет, нет и нет! Нет, Катон, я уже говорил тебе это! Поезжай куда хочешь, делай что хочешь, Катон. Назначь командующим одного из твоих философов-объедал... или похожего на обезьяну... или вихляющегося, как шлюха, но отвяжись от меня! Я все решил, я еду домой!

При этих словах Катон выпрямился во весь свой внушительный рост, опустив свой не менее внушительный нос, словно собираясь клюнуть им Цицерона, как расшумевшуюся надоедливую букашку.

– По твоему рангу и твоему пустозвонству, Марк Туллий Цицерон, ты – первый и главный защитник Республики. Но то, что ты говоришь, и то, что ты делаешь, – две разные вещи! Ни разу в твоей изнеженной жизни ты не выполнил своего долга! Особенно когда этот долг требует взять в руки меч! Ты – порождение Форума, там твои дела не вступают в противоречие со словами!

– Как ты смеешь! – ахнул Цицерон, покрываясь пятнами. – Как ты смеешь, Марк Порций Катон, ты, лицемерное, самодовольное, упрямое чудовище! Это ты, и никто другой, вверг нас в этот хаос, это ты, и никто другой, заставил Помпея Магна начать войну! Когда я приехал к нему с очень разумным предложением Цезаря помириться, именно ты поднял такой визг, что напугал его до смерти! Ты вопил, ты орал, ты выл, пока Магн не превратился в трясущееся желе. Он пресмыкался перед тобой, унижаясь больше, чем Лукулл перед Цезарем! Нет, Катон, я виню не Цезаря за эту гражданскую войну. Я виню тебя!

Гней Помпей тоже вскочил, белый от гнева.

– Что ты несешь, Цицерон, ты, безродный червяк с задворков Самния?! Мой отец превратился в трясущееся желе? Мой отец унижался и пресмыкался? Возьми эти слова обратно, иначе я вобью их тебе в глотку вместе с твоими гнилыми зубами!

– Нет, не возьму! – заорал вышедший из себя Цицерон. – Я там был! Я видел все это! Твой отец, Гней Помпей, – избалованное дитя, которого борьба с Цезарем лишь забавляла. Она только раздувала его самомнение, ведь он не боялся гражданской войны, ибо не верил, что Цезарь пересечет Рубикон с одним-единственным легионом! Он никогда не верил, что есть такие смелые люди! Он никогда не верил ни во что, кроме как в свой собственный миф! Этот миф, сын Магна, зародился, когда твой отец шантажом заставил Суллу назначить его вторым командующим войсками, а закончился месяц назад у Фарсала! Хотя мне и больно произносить эти слова, но твой отец, сын Магна, не стоит ремня от калиги Цезаря, как в военном, так и в политическом смысле!

Оцепенение, которое парализовало Гнея Помпея во время этой тирады, вдруг отпустило его. Он с воплем бросился на Цицерона, явно намеренный его задушить.

Никто из Квинтов не шевельнулся. Им было все равно, что сделает Гней Помпей с их семейным тираном. Это Катон встал перед смертельно оскорбленным сыном Помпея Великого и ухватил его за запястья. Борьба была очень короткой. Катон легко опустил вниз напряженные руки республиканского флотоводца и завел их ему за спину.

– Хватит! – крикнул он, сверкнув глазами. – Гней Помпей, займись своим флотом. Марк Цицерон, если ты отказываешься служить Республике, то возвращайся в Италию! Уезжай!

– Да, уезжай! – крикнул сын Помпея Великого и упал в кресло, потирая онемевшие руки. О боги, кто бы мог подумать, что Катон так силен! – Пакуй свои вещи... и твои родичи пусть пакуют! Я больше не хочу видеть вас! Завтра утром вы получите шлюпку, она доведет вас до Патр, откуда вы сможете перебраться в Италию или провалиться в гадес, чтобы погладить трехголового Цербера! Убирайтесь! Прочь с моих глаз!

С высоко поднятой головой и алыми пятнами на щеках, Цицерон прижал массивные складки тоги на левом плече и вышел, сопровождаемый племянником. Квинт-старший чуть задержался на пороге и обернулся.

– Срать я хотел на оба ваших члена! – с вызовом в голосе выкрикнул он.

Это показалось Гнею Помпею очень смешным. Он закрыл лицо руками и расхохотался.

– Не вижу ничего смешного, – сказал Катон, возившийся у винного столика.

Последние несколько минут вызвали у него невероятную жажду.

– Ясно, что не видишь, Катон, – сказал Гней Помпей, отсмеявшись. – У стойка по определению нет чувства юмора.

– Это правда, – согласился Катон, садясь снова с чашей отличного самосского вина в руке. Гнею Помпею он не поднес ничего. – Однако, Гней Помпей, мы еще не решили вопроса с моими ранеными подопечными.

– Как ты думаешь, сколько из твоих восьми тысяч смогут когда-нибудь снова встать в строй?

– По крайней мере тысяч семь. Ты сможешь дать мне через четыре дня достаточно транспортов, чтобы доставить в Африку лучших из них?

Гней Помпей нахмурился:

– Катон, подожди, пока задуют пассаты. Они доставят тебя напрямик куда нужно. А так ты будешь зависеть от южного ветра, юго-западного... или западного... или любого другого, какой Эол вздумает выпустить из мешка.

– Нет, я должен отплыть как можно скорее. Прошу тебя, пошли за мной остальных моих людей, прежде чем сам отсюда уедешь. Твоя работа очень важна, но и моя важна тоже. Я обязан сохранить для нашей армии всех храбрецов, которых твой отец поручил моим заботам. Их раны говорят о том, сколь велика их отвага.

– Как хочешь, – со вздохом сказал Гней Помпей. – Но могут возникнуть трудности с теми, кого ты просишь прислать к тебе позже. Во-первых, мне самому нужны транспорты, а как их вернуть? Во-вторых, если пассаты запоздают, я не могу гарантировать, что они доберутся до провинции Африка. – Он пожал плечами. – Фактически их, как и тебя, может прибить к берегу в любом месте.

– Ну, это моя головная боль, – отрезал Катон, как всегда решительно, но чуть тише, чем обычно.

Спустя четыре дня пятьдесят из тех транспортов, на которых Катон доставил из Диррахия своих людей, снаряжение и продовольствие, были загружены и готовы к отплытию. На них разместились тысяча двести выздоровевших солдат, сформированных в две когорты, двести пятьдесят нестроевиков, двести пятьдесят вьючных мулов, четыреста пятьдесят тягловых мулов, сто двадцать повозок, месячный запас пшеницы, нута, бекона, масла плюс жернова, печи, посуда, запасное белье, вооружение и... подарок от Гнея Помпея, который погрузили на судно Катона, – тысяча талантов серебряных монет.

– Возьми, у меня этого много, – весело сказал Гней Помпей. – Привет Цезарю! А эта почта... – он передал Катону несколько небольших перевязанных и запечатанных свитков, – пришла из Диррахия для тебя. Вести из дома, я думаю.

Чуть дрожащими пальцами Катон взял письма и сунул под кожаную кирасу.

– Разве ты не прочтешь их сейчас?

Серые глаза смотрели сурово, хмуро, губы скривились, словно от боли.

– Нет, – громко и грубо ответил Катон. – Я прочту их позже, когда будет время.

Целый день понадобился, чтобы вывести из неудобной гавани пятьдесят транспортов, но Гней Помпей все это время оставался на небольшой деревянной пристани, пока последний корабль не скрылся за горизонтом и на фоне вечеряющего опалового неба остались лишь черные иглы мачт.

Затем он повернулся и устало направился к себе. Конечно, теперь жизнь потечет спокойнее, но почему-то после отъезда Катона образовалась пустота. О, в какой трепет ввергал его в юности этот Катон! Педагоги и риторы без конца твердили о трех величайших ораторах в сенате, обладающих неповторимым стилем, – о Цезаре, Цицероне и Катоне. Звучные, громкие имена, с какими он вырос, обрели плоть, превратились в людей. Его отец, Первый Человек в Риме, никогда не слыл хорошим оратором, но он был среди них, ибо всегда умел добиваться того, чего хотел. Теперь все они понемногу рассеялись, но все равно одна жизненная нить нет-нет да и сплеталась с другой. Так, наверное, будет и дальше, пока Атропос не сжалится и не начнет обрезать эти нити.

Его ждал Луций Скрибоний Либон, и Гней Помпей подавил вздох. Этот *boni* взял на себя командование флотом после смерти Бибула, потом любезно уступил должность сыну Помпея Великого. Правильно сделал. Единственная причина, почему этот отпрыск побочной ветви семьи Скрибониев взлетел так высоко, заключалась в том, что Гней Помпей, только раз взглянув на его обворожительную дочку с ямочками на щеках, тут же развелся со своей постылой Клавдией и женился на ней. Помпей Великий с ужасом отнесся к этому браку, считая его неприемлемым. Он сам был одержим идеей жениться только на самых знатных аристократках и вбил себе в голову, что точно так же должны поступать и его сыновья. Но Секст был еще слишком молод для брака, а Гней пытался следовать примеру отца ради мира в семье, пока не увидел семнадцатилетнюю Скрибонию. Любовь способна разрушить самые продуманные планы – вот о чем размышлял старший сын Помпея Великого, здороваясь со своим тестем.

Они пообедали вместе, обсудили предстоящий вояж на Сицилию, зреющее сопротивление в провинции Африка и предположения о том, где может теперь находиться Помпей Великий.

– Сегодняшний курьер принес слух, что он увез Корнелию Метеллу и Секста с Лесбоса и плывет по Эгейскому морю, останавливаясь на островах, – сказал Гней Помпей.

– Тогда, – посоветовал Скрибоний Либон, поднимаясь, – я думаю, пора тебе написать ему снова.

И когда он ушел, Гней Помпей решительно сел за стол, взял двойной лист фанниевой бумаги, обмакнул тростниковое перо в чернильницу и стал писать.

Мы все еще живы и не сдаемся. Море под нашим контролем. Мой дорогой отец, я прошу тебя, собери корабли, сколько сможешь, и приезжай ко мне или в Африку.

Так заканчивалось его письмо.

Но прежде, чем краткий ответ Помпея Великого дошел до него, он узнал о смерти своего отца на грязевых равнинах египетского Пелузия от рук царя-мальчика и его дворцовой клики.

Жестоко, без оглядки на этику, в принятой на Востоке манере они умертвили его, думая, что оказывают услугу Цезарю. Ни на секунду не пришло им в голову, что Цезарь очень хотел помириться с ним. «О отец! Так даже лучше! Так ты не будешь в долгу у Цезаря, милостиво сохранившего тебе жизнь».

Немного успокоившись и придя в себя настолько, что смог появиться перед подчиненными, не теряя лица, Гней Помпей отослал еще шесть тысяч пятьсот выздоравливающих солдат в Африку, принеся жертву морским ларам, Нептуну и богине надежды Спес, чтобы эти парни и Катон отыскиали друг друга на двухтысячемильной линии побережья между Дельтой Нила и провинцией Африка. Затем он приступил к тягостной задаче перебазирования своего флота и людей на Сицилию.

Малочисленные островитяне не знали, радоваться или сожалеть об уходе римлян. Коркира медленно стала заживать свои раны и возвращаться к спокойной жизни. Очень медленно.

2

Катон решил использовать своих солдат и нестроевиков в качестве гребцов. Если их не перегружать, это послужит хорошей тренировкой для выздоравливающих, полагал он. Задувал порывистый западный ветер, поэтому паруса были бесполезны. Но погода стояла отменная, а море при таком мягком бризе почти не волновалось. Как бы Катон ни ненавидел Цезаря, но он все же читал его записки о войне в Длинноволосой Галлии и не позволил ненависти ослепить себя. Он обратил внимание на кое-какие вещи. Важнее всего было то, что командующий делил все лишения и страдания с рядовыми солдатами: шел пешком, когда шли они, питался крохами мяса вместе с ними, когда не хватало провианта, никогда не чурался их общества и во время продолжительных маршей, и в ужасные моменты отчаяния, когда казалось, что фортификации вот-вот падут, а всех, кто за ними укрывается, возьмут в плен и сожгут в плетеных клетках. Катон многое почерпнул из этой книги, загнав глубоко внутрь стремление осмеять и отринуть любые действия Цезаря, и взял себе кое-что на заметку.

В детстве учеба была для Катона сущей мукой. Даже его сводная сестра Сервилия была гораздо способнее, а легендарная память Цезаря вообще оставалась для него недостижимой мечтой. Катон постоянно зубрил, зубрил и зубрил, и Сервилия презрительно фыркала, но Цепион всегда его защищал. В том, что Катон сумел пережить свое страшное детство, будучи самым младшим в буйном выводке малолетних сирот, была, несомненно, заслуга одного Цепиона. Официально сводного брата Катона, но на деле, видимо, кровного, ибо многие поговаривали, что Цепион вовсе не сын своему отцу, а плод любви матери, Ливии Друзы, и отца Катона, за которого она позднее вышла замуж. О том свидетельствовали немалый рост Цепиона, рыжие волосы и огромный горбатый нос. Вылитый Порций Катон, несмотря на свое патрицианское имя и огромное богатство, которое он унаследовал, будучи Сервилием Цепионом. Богатство, основанное на пятнадцати тысячах талантов золота, украденного у Рима, – легендарного золота Толозы.

Порой вино не помогало отогнать ночных демонов, и Катону на память приходил вечер, когда подосланный врагами убийца воткнул его дяде Друзу небольшой, но очень острый нож в пах, повернув его так, что ранение стало смертельным. Политика с ревностью – жуткая смесь. Крики умирающего Друза не стихали целую вечность. Огромная лужа крови растеклась по бесценной мозаике пола. Потом пришло чувство защищенности, которое двухлетний Катон обрел в объятиях шестилетнего Цепиона, когда все шестеро стали свидетелями ужасной смерти дяди. Эту ночь невозможно забыть.

После того как преподавателю все-таки удалось научить Катона читать, он нашел свой кодекс жизни в многочисленных работах прадеда Катона Цензора: безжалостное подавление всяких эмоций, незыблемость принципов и бережливость. Цепион терпел это в своем младшем брате, но сам никогда таким постулатам не следовал. Катон, не умевший разбираться в чувствах, не мог правильно понять и Цепиона, уже предвидевшего, к чему могут привести жизненные принципы, которые не позволяют прощать человеку малейший проступок.

Братьев нельзя было разделить, они даже вместе отслужили свой срок в армии. Катон не представлял себе жизни без Цепиона, своего постоянного защитника от нападок Сервилии, дразнившей его за то, что он был потомком позорного брака Катона Цензора с дочерью своего раба. Конечно, Сервилия знала и об истинном происхождении Цепиона, но, поскольку тот носил имя ее отца, она своей главной мишенью сделала Катона.

«Цепиона никогда не волновало, чьим потомком он был на самом деле, – думал Катон, облокотясь на поручни и глядя на мириады мерцающих огней своего флота, отбрасывающих золотые ленты на черную водную гладь. – Сервилия. Чудовищный ребенок, чудовищная женщина. Еще грязнее, чем была наша мать. Женщины – презренные существа. Как только какой-

нибудь красавчик с безупречными предками и повадками блудливого кота попадаетеся им на глаза, они тут же торопятся раздвинуть перед ним ноги. Как моя первая жена Атилия, которая раздвинула ноги перед Цезарем. Как Сервилия, которая тоже раздвинула ноги перед Цезарем и до сих пор готова раздвинуть. Как обе Домиции, жены Бибула, отдавшиеся Цезарю. Как половина женщин Рима, побывавшая в его постели. Цезарь! Всегда, всюду Цезарь...»

Потом он подумал о своем племяннике Бруте, единственном сыне Сервилии. Безусловно, он сын ее тогдашнего мужа, Марка Юния Брута, которого Помпей Магн имел смелость казнить за предательство. Безотцовщина Брут годами страдал по дочери Цезаря Юлии, ему даже удалось обручиться с ней. Это очень нравилось Сервилии! Если бы ее сын женился на Юлии, она могла бы удерживать Цезаря в своей семье, ей не пришлось бы так старательно скрывать связь с ним от своего второго мужа, Силана. Силан тоже умер, но от отчаяния, а не от меча Помпея Магна.

«Сервилия всегда говорила, что я не смогу перетянуть Брута на свою сторону, но я это сделал! Первым ударом стало для него открытие, что в течение пяти лет его мать спала с Цезарем. Второй удар он пережил, когда Цезарь разорвал его помолвку с Юлией и выдал дочь за Помпея Магна, годившегося ей в дедушки и палача его отца. Чисто политический ход, привязывавший Помпея Магна к Цезарю, пока Юлия не умерла. А жалкий слабак Брут отвернулся от матери и сблизился со мной. Абсолютно справедливо наказывать аморальных людей, и самое худшее наказание, которое я мог найти для Сервилии, – это забрать у нее драгоценного сынка».

Где сейчас Брут? В лучшем случае вялый республиканец, всегда разрывающийся между долгом и деньгами – своим постоянным грехом. Не Крез и не Мидас – для этого он, конечно, слишком римлянин. Посвятил свою жизнь процентам, брокерским барышам, скрытому партнерству и всем тайным махинациям римского сенатора, которому по традиции запрещается заниматься коммерцией, но противостоять искушению не дает алчность.

Брут унаследовал состояние Сервилия Цепиона, основанное на золоте Толозы. Катон скрипнул зубами и схватился обеими руками за поручни так, что побелели костяшки пальцев.

«Цепион, любимый Цепион умер. Умер один, по пути в провинцию Азия, напрасно ожидая меня. Но я не взял его за руку и не помог пересечь реку. Я опоздал на час. О жизнь, жизнь! С тех пор как я смотрел в мертвое лицо Цепиона, рыдая, стеная и воя как сумасшедший, моя жизнь изменилась. Я действительно тогда был сумасшедшим. Да и сейчас остаюсь. Какая боль! Цепиону было тридцать лет, мне двадцать семь. Скоро мне будет сорок шесть. Но кажется, что Цепион умер только вчера, и время не смягчило моего горя.

Брут получил наследство в соответствии с *mos maiorum*. Он был ближайшим родственником Цепиона по мужской линии. Сын Сервилии, его племянник. Я не завидую огромному состоянию Брута и утешаю себя тем, что богатство Цепиона не могло попасть в более надежные руки. Я просто хочу, чтобы Брут был больше мужчиной и меньше тряпкой. Но с такой матерью чего от него ожидать? Сервилия сделала его таким, каким хотела, – покорным, полезным и запуганным. Как странно, что Брут нашел в себе силы оборвать нити, за которые она дергала его, и присоединился к Помпею Магну в Македонии. Этот дворовый пес Лабиен говорит, что он даже сражался при Фарсале. Может быть, изоляция от матери-гарпии так сильно переменила его? Может быть, он даже покажет свое прыщавое лицо в провинции Африка? Ха! Этому я поверю, только когда сам увижу его!»

Катон подавил зевок и пошел спать – на свой соломенный тюфяк, брошенный между жалкими неподвижными фигурами Статилла и Афинодора Кордилиона. Скверные мореходы. Что один, что второй.

Зефир – западный ветер – продолжал дуть, но уже словно бы с севера, под углом, как раз достаточным, чтобы пятьдесят транспортов Катона шли в нужном направлении – к Африке, однако не к нужному пункту. Вместо того чтобы привести путешественников к «пятке» Ита-

лии, потом к «носку» и, наконец, на Сицилию, этот ветер пригнал их прямо к западному побережью греческого Пелопоннеса, к мысу Тенар, откуда они с трудом дошли до Кифер, красивого острова, где Лабиен хотел отыскать остатки войска, сбежавшего из-под Фарсала. Если он все еще был там, то не подал сигнала с берега. Подавив беспокойство, Катон поплыл дальше, к Криту, и на одиннадцатый день прошел мимо ошестинившихся утесов Криуметопона.

Гней Помпей не смог дать Катону лоцмана, но прислал к нему на день шесть самых опытных моряков, знавших восточные области Нашего моря, как некогда знали их финикийцы. Поскольку определять местоположение флота должен был Катон, который имел лишь туманное представление, куда они плывут.

Хотя они не видели других кораблей, Катон не осмеливался остановиться и пополнить запасы воды где-нибудь в Греции. Поэтому на двенадцатый день он бросил якорь в незащищенной, но тихой бухте у критского острова Гавдос и там наполнил все бочки и амфоры, какие у него были, родниковой водой. Критский Гавдос был последним одиноким аванпостом ближней к ним суши, дальше простиралось Ливийское море. Ливия. Они направлялись в Ливию, где людей казнили так: обмазывали медом, потом клали на муравейник и пороли. Ливия, страна кочевников-мармаринов, всегда ясного неба и, если верить греческим географам, подвижных песков.

Катон сел в лодку и объехал все транспорты, чтобы подбодрить людей.

– Друзья, берег Африки все еще далеко, но здесь мы прощаемся с дружественной землей и отправляемся в открытое море, где нас будут сопровождать только крики дельфинов и стаи тунцов. Не бойтесь! Я, Марк Порций Катон, отвечаю за вас, и я благополучно доставлю вас в Африку. Мы будем держаться вместе, мы будем грести в меру наших сил, мы будем петь песни нашей любимой Италии, мы будем твердо верить в себя и в наших богов. Мы – римляне истинной Республики, и мы выживем, чтобы сделать невыносимой жизнь Цезаря! Я клянусь в этом богом солнца Индигетом, богиней земли Теллус и древним богом Либером!

Эта небольшая речь была встречена бурными приветствиями и улыбками.

Катон не был ни жрецом, ни авгуром, тем не менее он убил овцу и принес ее в жертву морским ларам, защитникам мореплавателей. Накрыв голову складкой тоги, он произнес молитву:

– О вы, имя которым морские лары или любое другое имя, которым вы пожелаете именовать, вы, боги, или богини, или бесполое божество! Мы просим вас походатайствовать за нас перед отцом вашим могущественным Нептуном. Прежде чем отправиться к берегам Африки, мы просим вас свидетельствовать перед всеми богами, насколько искренни наши мольбы сохранить нас, избавить нас от штормов и больших глубин, не рассеивать наши корабли по поверхности моря и позволить нам пристать к какому-нибудь цивилизованному месту. В соответствии с нашими соглашениями, восходящими к временам Ромула, мы приносим вам жертву, эту красивую молодую овцу, над которой был совершен обряд очищения.

На тринадцатый день флот снялся с якоря и поплыл туда, куда вели его морские лары.

Оправившись от морской болезни, Статилл покинул постель и присоединился к Катону.

– Я очень старался, но я не могу понять верования римлян, – сказал он, радуясь еле заметному скольжению большого, тяжелого корабля по блестящей глади моря.

– Что именно тебе непонятно, Статилл?

– Взаимные обязательства, Марк Катон. Как могут люди заключать соглашения с богами?

– Римляне так делают и всегда так делали. Хотя, признаюсь, не будучи жрецом, я не помню, когда именно было заключено соглашение с морскими ларами, – очень серьезно ответил Катон. – Но Луций Агенобарб как-то говорил мне, что договоры с *numina*, такими как лары и пенаты, заключил еще Ромул. Сохранились лишь более поздние договоры, заключенные между сенатом и народом Рима с Великой Матерью и, – он соорудил презрительную гримасу, – с Исидой. Жрецы знают подробности, это их работа. Но кто выберет Марка Порция Катона в

одну из коллегий понтификов, если он не может добиться, чтобы его избрали консулом даже в самый плохой год, при остальных совершенно никчемных кандидатах?

– Ты еще молод, – тихо сказал Статилл, хорошо зная, как разочаровал Катона провал на выборах четырехлетней давности. – Когда восстановится настоящее правительство Рима, ты станешь старшим консулом, избранным всеми центуриями.

– Как получится. А сначала надо добраться до Африки.

Дни ползли медленно, флот так же медленно полз на юго-восток, главным образом на веслах. Хотя огромный парус, развернутый над каждым транспортом, периодически надувался, это мало помогало. Поникший парус заставлял еще больше налегать на весла, поэтому паруса убрали в ожидании дня, когда подует настоящий ветер.

Чтобы быть в форме, Катон регулярно греб сам. Подобно торговым кораблям, транспортные имели лишь один ряд гребных скамей, по пятнадцать с каждого борта. Все суда были палубными, а это означало, что гребцы располагались намного выше воды, и грести было легко и не душно. Военные корабли – совсем другое дело. У них было несколько рядов скамей, от двух до пяти гребцов на каждое весло, причем нижние скамьи помещались так близко к воде, что уключины приходилось закрывать кожаными клапанами от волн и от брызг. Военные галеры не предназначались для перевозки каких-либо грузов и в перерывах между сражениями никогда не были на плаву. За ними тщательно ухаживали, большую часть своей двадцатилетней службы они проводили на берегу, под навесом. Когда Гней Помпей снялся с Коркиры, он оставил жителям острова сотни доков – топливо!

Поскольку Катон считал, что бескорыстный тяжелый труд – отличительный признак хорошего человека, он работал с энтузиазмом и воодушевлял остальных гребцов. Известие, что командир участвует в гребле, облетело все корабли, и люди заработали веслами еще энергичнее в такт ударам барабана гортатора. Учитывая каждую душу на этих кораблях, везущих не только солдат, но еще и мулов, повозки и снаряжение, людей набиралось только на две команды, что означало: четыре часа гребешь – четыре часа отдыхаешь. И так днем и ночью.

Питание было однообразным. Хлебом, составлявшим основу солдатского рациона, они в последний раз угощались на Гавдосе, а потом он исчез из меню. Ни один корабль не рисковал развести огонь и заняться выпечкой хлеба. Постоянный огонь горел лишь в очаге из огнеупорного кирпича, над которым висел огромный железный котел. Только в нем можно было готовить еду – густую гороховую кашу с кусочками бекона или солонины. Экономя запасы пресной воды, Катон велел есть эту кашу без соли – еще один удар по солдатскому аппетиту.

Однако погода позволяла всем пятидесяти судам держаться вместе. Постоянно объезжая в небольшой лодке свой флот, Катон мог убедиться, что его люди настроены оптимистично и этот оптимизм помогает им подавлять страх перед таинственной водной стихией. Ни один римский солдат не чувствовал себя хорошо на море. Они с радостью приветствовали дельфинов, но там были и акулы, а косяки всяческих рыб разлетались в разные стороны при приближении стольких весел, бьющих по воде, – значит не жди появления рыбной похлебки на солдатском столе.

Мулы пили больше, чем рассчитывал Катон, солнце все припекало, и уровень воды в кадках понижался на удивление быстро. Через десять дней после отхода от Гавдоса Катон стал сомневаться, что они доживут до того дня, когда покажется земля. Объезжая корабли в своей лодке, он обещал людям выкинуть мулов за борт задолго до того, как опустеют бочки. Эту идею никто не одобрил. Мулы ценятся солдатами выше золота. Каждой центурии придается десять этих животных, которые тащат на себе все, что не вмещается в пятидесятифунтовую поклажу легионера, а также одна повозка, запряженная четырьмя мулами, на которую грузят все самое тяжелое.

Подул Кавр, северо-западный ветер. С радостными воплями люди бросились ставить паруса. В Италии этот ветер несет с собой влагу, но не в Ливийском море. Скорость возросла, весла сделались легкими, и надежда вновь расцвела.

Прошло четырнадцать дней с тех пор, как Гавдос скрылся за горизонтом. Посреди ночи Катон внезапно проснулся и сел. Ноздри его огромного «клюва» расширились. Он уже понял – море имеет свой запах, сладковатый, отдающий водорослями и рыбой. Но сейчас этот запах заглушался другим. Земля! Это запах земли!

Продолжая принахиваться, он побежал к лееру и поднял глаза к небу волшебного сине-фиолетового цвета. Небо здесь никогда не было по-настоящему темным. Хотя диск луны стал почти невидимым, небесный свод сверкал бесчисленными звездами, уподобляясь тончайшей вуали. Звезды будто подмигивали людям. А планеты – нет.

«Греки говорят, что планеты вращаются вокруг нашей земли и находятся намного ближе к ней, чем мерцающие звезды, которые невообразимо далеки от людей. Мы благословенны, ибо боги живут рядом с нами. Мы – центр Вселенной. Мы чтим все небесные тела. А в знак почтения к нам и к богам эти ночные лампы гонят прочь тьму, напоминая, что свет есть жизнь.

Мои письма! Ведь я их еще не читал! Завтра мы высадимся в Африке, и мне нужно будет поддерживать дух людей в краю зыбучих песков, где живут мармариды. Хочешь не хочешь, но, как только рассветет, я должен буду прочесть их, иначе всеобщее волнение захлестнет и меня. А до рассвета я посижу на веслах».

От Сервилии – квинтэссенция чистого яда. Рассердившись, Катон на седьмой колонке бросил читать, скомкал небольшой свиток в шар и бросил за борт: «Достаточно мне тебя, моя дражайшая сводная сестрица!» Елейное послание от тестя, Луция Марция Филиппа, вечно колеблющегося политика и законченного эпикурейца, было написано в изысканном стиле. Филипп сообщал, что Рим безмятежен под рукой консула Ватии Исаврийского и городского претора Гая Требония. Фактически, вздыхал Филипп, абсолютно ничего не происходит. Проскочил, правда, дикий слух, что Помпей одержал большую победу в Диррахии, а побитый Цезарь бежал. Это письмо вслед за письмом Сервилии тоже полетело за борт и запрыгало на волнах, отгоняемое ударами весел. «И тебя мне довольно, двуличный Филипп. Ты вечно одной ногой стоишь в одном лагере и другой – в другом. Племянник Цезаря по браку и тесть Катона, самого лютого врага Цезаря. Твои новости устарели. Ты просто смешон».

Истинная же причина, по которой он не хотел читать письмо тестя, промелькнула в письме от Марции, его жены.

Когда Корнелия Метелла, нарушив традиции, уехала к Помпею Магну, я очень хотела последовать ее примеру. В том, что я не сделала этого, виновата Порция. О, почему твоя дочь блюдет принципы mos maiorum с той же ревностью, что и ты? Увидев, что я пакую вещи, она налетела на меня, словно фурия, потом понеслась к моему отцу и потребовала, чтобы тот запретил мне ехать. Ты ведь знаешь отца. Что угодно, только бы все было тихо. Поэтому Порция добила своего, и я продолжаю киснуть здесь, в Риме.

Марк, дорогой мой, жизнь моя, я живу одна, в духовном вакууме, ничего не знаю и беспокоюсь. Все ли у тебя хорошо? Думаешь ли ты когда-нибудь обо мне? Увижу ли я тебя снова?

Несправедливо, что я была женой Квинта Гортензия дольше, чем твоей, даже если взять оба наших брака. Мы никогда не говорили с тобой о ссылке, в которую ты отправил меня, хотя я сразу поняла причину твоего поступка. Ты прогнал меня от себя, потому что слишком сильно любил и считал эту любовь предательством по отношению к принципам стоицизма, которыми

ты дорожишь больше, чем жизнью, не говоря уже обо мне. Так что, когда старческое слабоумие побудило Гортензия просить тебя отдать ему меня в жены, ты развелся со мной, ты отдал меня ему – конечно, с молчаливого согласия моего отца. Я знаю, что ты не взял у старика ни одного сестерция, но мой отец взял с него десять миллионов. Его пристрастия очень дорого стоят.

Я считала мою ссылку к Гортензию свидетельством глубины твоего чувства... но она длилась четыре ужасных года! Четыре года! Да, он был слишком стар и слаб, чтобы оказывать мне какие-то знаки внимания, но можешь представить, что я ощущала, сидя подле него и часами с притворным умилением наблюдая за его любимой рыбкой Парисом. Тоскую по тебе, желая тебя и страдая оттого, что ты от меня отказался.

А после того как он умер и ты второй раз женился на мне, я прожила с тобой только несколько месяцев – и ты уехал из Рима, покинул Италию, чтобы выполнять свой жестокий долг. Разве это справедливо, Марк? Мне только двадцать семь лет, я была замужем за двумя мужчинами, за одним дважды, но так и не забеременела. Как у Порции и у Кальпурнии, у меня нет ребенка.

Я знаю, ты не терпишь упреков, поэтому больше жаловаться не буду. Если бы ты был другим человеком, я не любила бы тебя так. Нас трое тут, кто скучает без своих мужчин. Порция, Кальпурния и я. «Порция? – слышу я твой вопрос. – Порция, скучающая по умершему Бибулу?» Нет, не по Бибулу. Порция скучает по своему двоюродному брату Бруту. Она любит его, я уверена, так же сильно, как ты любишь меня, ибо у нее твоя страстная натура. Но страсть в ней заморожена ее абсурдной преданностью учению Зенона. А кто такой был Зенон, в конце концов? Глупый старый киприот, добровольно лишивший себя всех радостей жизни, которыми одарили нас боги, от смеха до хорошей еды. Это во мне говорит дитя эпикурейца! Что касается Кальпурнии, то она скучает по Цезарю. Одиннадцать лет они женаты, из них она провела с ним всего несколько месяцев. Он ведь забавлялся с твоей жуткой сестрой, пока не отправился в Галлию. И с тех пор – ничего. Мы, вдовы и жены, остались совсем без внимания.

Я слышала, что ты не брился и не стригся с тех пор, как покинул Италию, но я не могу вообразить твое чудесное римское лицо волосатым, как у еврея.

Скажи мне, Марк, почему нас, женщин, учат читать и писать, а потом обрекают на домашнее заточение и вечное ожидание? Я должна ехать. Я уже почти ослепла от слез. Пожалуйста, я прошу тебя, напиши мне! Дай мне надежду!

Солнце уже взошло. Катон читал очень медленно. Письмо Марции было скомкано и брошено за борт. Достаточно о женах.

Его руки дрожали. Такое глупое, глупое письмо! Любить женщину с всепоглощающим жаром погребального костра – это неправильно, не может быть правильно. Неужели она не понимает, что каждое из ее многочисленных писем говорит об одном и том же? Неужели до нее не доходит, что он никогда не напишет ей? Что он может сказать ей? И надо ли вообще говорить?

Ни один другой нос, казалось, не чуял запаха суши. Все занимались своим делом, словно это был еще один обычный день. Утром Катон отсидел свою смену на веслах, после чего вер-

нулся к лееру и стал вглядываться в даль. Ничего не было видно, пока солнце не оказалось над головой, потом над линией горизонта проступила тоненькая голубая полоска. В ту же секунду, когда Катон увидел ее, впередсмотрящий на мачте закричал:

– Земля! Земля!

Его корабль шел впереди, а за ним, как слеза, тянулся весь флот. Не было времени самому прыгать в лодку, поэтому он послал центуриона Луция Гратидия проинструктировать капитанов, чтобы не опережали флагман, а внимательно смотрели, где рифы, где банки, где скрытые скалы. Море стало мелеть, вода сделалась чистой, как лучшее стекло из Путеол, и теперь, когда солнце перестало ее золотить, обрела голубой блеск.

Земля быстро приближалась. Она была очень плоской, что было удивительно для римлян, привыкших плавать в морях, где горы высятся над самым берегом и поэтому землю можно заметить за много миль. К радости Катона, закатное солнце освещало скорее зеленый, чем коричневатый-желтый, ландшафт. Там, где растет трава, может быть и какая-то цивилизация. По словам лоцмана Гнея Помпея, где-то на восьмисотмильной линии побережья между Александрией и Киренаикой располагался Паретоний, откуда Александр Великий отправился на юг к сказочному оазису Амона, чтобы поговорить с египетским Зевсом.

Паретоний, нужно отыскать Паретоний! Но где он? На западе или на востоке?

Катон пошарил на дне мешка, и ему удалось набрать горсть нута, похоже последнюю. Он бросил бобы в воду и произнес:

– О все боги, какие бы имена вы себе ни избрали и какого бы пола вы ни были, подскажите мне, куда плыть!

Откликом на его мольбу был порыв северо-западного ветра. Катон пошел к капитану, стоявшему на небольшом полуяте между связанными веревкой румпелями массивных рулевых весел.

– Капитан, курс на восток по ветру.

Меньше четырех миль вдоль берега – и дальнзоркий Катон увидел два небольших утеса со входом в бухту между ними и пару домов. Неужели Паретоний? С обеих сторон скалы, пройти можно только по самой середине. Двое моряков налегли на румпель, и корабль тяжело повернулся. Вобрав весла в борт для маневра, они точнехонько вошли в узкий проход.

Катон ахнул от удивления, глаза его округлились. Три римских корабля уже стояли там на якорях! Кто, кто? Слишком мало для Лабиена, тогда кто?

На заднем плане бухты теснился маленький городок с домами из кирпичей, сделанных из глины с соломой. Но размер города не имел значения. Там, где живут люди, обязательно должны быть питьевая вода и какая-нибудь провизия на продажу. И скоро он узнает, чьи это корабли. На мачтах развеваются вымпелы «SPQR». Значит, владельцы у них не простые.

Катон прыгнул в лодку и направился к берегу в сопровождении центуриона Луция Гратидия. Все население Паретония, около шестисот душ, высыпало на берег, пораженное видом пятидесяти больших кораблей, по одному заходящих в гавань. То, что он, возможно, не сумеет и словом перемолвиться с местными жителями, ему даже в голову не приходило. Все везде говорили на греческом – *lingua mundi*.

Но первым делом он услышал латынь. К нему бросились двое: какой-то юноша и симпатичная женщина лет двадцати пяти. Катон открыл рот, но ничего не успел сказать. Женщина в слезах упала ему на грудь, а юноша энергично затряс его руку.

– Моя дорогая Корнелия Метелла! И Секст Помпей! Значит ли это, что здесь и Помпей Магн? – спросил он наконец.

Его вопрос вызвал новый поток слез у Корнелии Метеллы. Секст тоже раз-другой всхлипнул. Их горе явственно говорило: Помпея Великого больше нет.

Пока он стоял с четвертой женой Помпея Великого, которая обнимала его за шею и обливала слезами его тогу с пурпурной каймой, пока пытался высвободить свою руку из рук Секста Помпея, к нему подошел важного вида мужчина в греческой тунике, с небольшой свитой.

– Я – Марк Порций Катон.

– Я – Филопемен, – был ответ, данный с таким безразличием, будто названное Катоним имя абсолютно ничего не значило для жителя Паретония.

Действительно, это был конец света!

За обедом в скромном доме Филопемена он услышал подробности ужасной гибели Помпея Великого в гавани египетского порта Пелузий и узнал о предательстве отставного центуриона Септимия, заманившего Помпея на берег, навстречу гибели, свидетелями которой стали Корнелия Метелла и Секст, наблюдавшие с корабля за удалявшейся к берегу лодкой. Хуже всего было то, что Септимий отрубил голову Помпею, положил ее в кувшин, а тело оставил лежать в грязи.

– Наш вольноотпущенник Филипп и мальчик, раб Помпея, были с отцом. Они выжили лишь потому, что сумели вырваться и убежать, – сказал Секст. – Мы ничем не могли помочь. Гавань Пелузия была забита египетскими судами, и несколько военных кораблей уже направлялись к нам. Нужно было решать, что предпочтительнее: плен и возможная смерть или море. – Он пожал плечами, губы его дрожали. – Я знал, какой курс выбрал бы мой отец, и мы уплыли.

Хотя поток слез иссяк, Корнелия Метелла почти ничего не говорила. Как же она изменилась, вдруг подумал Катон, обычно редко замечавший подобные вещи. Она была самой высокомерной из аристократок-патрицианок, дочь влиятельного Метелла Сципиона. Сначала она стала женой старшего сына Марка Лициния Красса, коллеги Помпея по двум его консульским срокам. Потом Красс и ее муж отправились в царство парфян и погибли под Каррами. Овдовевшая Корнелия Метелла сделалась политической картой, ибо Помпей тоже был вдовцом. Смерть Юлии, дочери Цезаря, быстро ушла в прошлое. И *boni*, включая Катона, задумали оторвать Помпея Великого от Цезаря. Они понимали, что единственный способ перетянуть Магна на свою сторону – это отдать ему в жены Корнелию Метеллу. Чрезвычайно чувствительный к своему собственному скромному происхождению (пиценец, к тому же очень похожий на галла), Помпей всегда женился на самых знатных женщинах. А кто мог соперничать в знатности с Корнелией Метеллой, среди предков которой были Сципион Африканский и Эмилий Павел, ни больше ни меньше? Идеальный вариант! План сработал. Явно проникнувшись благодарностью к *boni*, Помпей с удовольствием женился на ней и стал если не одним из них, то, по крайней мере, их верным союзником.

В Риме она оставалась такой, какой была, – гордой, холодной, почти ледяной, явно считая себя жертвенным животным в политических играх отца. Брак с Помпеем из Пицена стал страшным унижением для нее, пусть даже этот самый Помпей был Первым Человеком в Риме. Его кровь была хуже ее крови, поэтому она тайно пошла к весталкам и получила у них лекарство, сделанное из спорыньи, чтобы в случае чего вызвать выкидыш.

Но здесь, в Паретонии, она была совсем другой – мягкой, нежной. И, заговорив наконец, рассказала Катону о планах Помпея после поражения в Фарсале.

– Мы собирались в Серику, – печально сказала она. – Гней был сыт Римом, и мы решили сначала посетить Египет, потом направиться в Красное море и плыть в Аравию Феликс. Оттуда хотели поехать в Индию, а из Индии перебраться в Серику. Муж полагал, что там его полководческий талант будет востребован.

– Уверен, он нашел бы там свое место, – с сомнением произнес Катон.

Кто знает, как жители Серики обошлись бы с римлянином? Вряд ли они отличили бы его от галла, германца или грека. Их земля расположена так далеко и окутана такой тайной, что даже Геродот ничего толком о ней не сказал. Сообщил лишь, что там делают ткань из

нитей, которыми себя обматывают особенные личинки. Он назвал их шелкопрядами. В редких случаях через торговые пути сарматов эта ткань из Серики попадала к царю парфян. Она была такой дорогой, что единственным римлянином, сумевшим купить немного этой ткани, был Лукулл.

Как же низко пал Помпей Магн, чтобы решиться бежать к чужеземцам! Он и впрямь не был истинным римлянином, уроженцем самого Рима.

– Меня так тянет домой! – вздохнула Корнелия Метелла.

– Тогда возвращайся! – пролаял Катон.

Этот вечер он уже счел потраченным понапрасну, а ему еще надо было разместить в лагере своих людей.

Пораженная, она в испуге уставилась на него:

– Как я могу вернуться домой, когда Цезарь главенствует во всем мире? Он сразу внесет нас в проскрипционные списки. Наши имена впишут в первые строки, а наши головы принесут какому-нибудь отвратительному рабу свободу и в придачу небольшое состояние за донос. Даже если мы останемся живы, у нас все отберут.

– Ерунда! – резко возразил Катон. – Цезарь отнюдь не Сулла в этом отношении, моя дорогая. Его политика – милосердие. И это очень умно. В его намерения не входит вызывать ненависть коммерсантов и знати. Он хочет, чтобы те и другие униженно целовали ему ноги в благодарность за то, что он позволил им жить и владеть всем, чем они владели. Я допускаю, что имущество Магна конфискуют, но Цезарь не тронет ни твою собственность, ни твои деньги. Я советую тебе вернуться в Италию, как только позволит ветер. – Он резко повернулся к Сексту Помпею. – А ты, молодой человек, сопроводи свою мачеху до Брундизия или Тарента, а после присоединись к противникам Цезаря, которые собираются в провинции Африка.

Корнелия Метелла нервно сглотнула:

– Нет нужды Сексту сопровождать меня. Я верю твоим словам о милосердии Цезаря, Марк Катон, и поплыву одна.

Отклонив предложение этнарха Паретония переночевать у него, Катон отвел его в сторону.

– За всю воду и продовольствие, которое ты сможешь нам выделить, мы заплатим серебряными монетами, – заверил он.

Филопемен и обрадовался, и забеспокоился.

– Мы можем дать вам сколько угодно воды, Марк Катон, но у нас мало продуктов на продажу. В Египте голод, поэтому нам не удалось закупить пшеницу. Но мы можем продать вам овец и овечий сыр. Пока вы здесь, мы обеспечим твоих солдат зеленью, но для хранения она не годится.

– Мы будем благодарны за все, что вы сможете нам выделить.

На следующее утро он оставил Луция Гратидия и Секста Помпея разбираться с людьми, а сам предпочел продолжить беседу с Филопеменом. Чем больше он разузнает об Африке, тем лучше.

Паретоний служил перевалочной базой для многочисленных путешественников, которые следовали к оазису Амона, чтобы спросить оракула, такого же знаменитого на этом берегу Нашего моря, как и оракул греческих Дельф. К его обиталищу вел двухсотмильный путь через пустыню – царство длинных песчаных дюн и голых скал, где лишь мармарида кочевали от колодца к колодцу со своими верблюдами, овцами и большими кожаными шатрами.

Когда Катон спросил об Александре Великом, Филопемен нахмурился.

– Никто не знает, зачем ходил Александр в Амон, то ли чтобы задать вопрос оракулу, то ли его призвал туда Ра, главный бог Египта, чтобы обожествить, – печально ответил он. – Все Птолемеи, начиная с первого, Сотера, совершали паломничество в Амон, независимо от того,

являлись ли они царями Египта или сатрапами Киренаики. Мы связаны с Египтом через его царей, цариц и оазис, но в нас течет финикийская кровь, а не македонская и не греческая.

Пока Филопемен рассказывал о стадах верблюдов, которых город держал для сдачи внаем, Катон думал о своем. «Нет, нам нельзя задерживаться здесь надолго, но, если мы поплывем, пока дует Кавр, он принесет нас в Александрию. А после того, что царь-мальчик сотворил с Помпеем Магном, вряд ли Египет безопасен для римлян, противников Цезаря».

– Пока дует Кавр – невозможно, – пробормотал он.

– Кавр? – удивился Филопемен.

– Аргест, северо-западный ветер, – объяснил Катон, называя ветер по-гречески.

– О, Аргест! Скоро он стихнет, Марк Катон. В любой день может задуть Апарктий.

Апарктий, Аквилон – пассаты! Да, конечно! Сейчас середина октября по календарю, но на самом деле середина июля. Должен вот-вот показаться Сириус.

– Тогда, – сказал Катон, вздохнув с облегчением, – у нас нет необходимости злоупотреблять твоим гостеприимством, Филопемен.

На следующий день, в Октябрьские иды, на рассвете подули пассаты. Катон был занят проводами Корнелии Метеллы и трех ее кораблей. Он смотрел, как они отплывают, испытывая непривычные для себя теплые чувства. Она передала ему деньги, которые были при Помпее Великом. Двести талантов серебряных монет. Пять миллионов сестерциев!

Флот отплыл на третий день после того, как подули пассаты. Настроение у людей было лучше, чем в те дни, когда Помпей набирал их в свою огромную армию для гражданской войны. Большинству было под тридцать, несколько лет службы в Испании превратили их в опытных ветеранов, и это было очень ценное войско. Как и другие рядовые, они жили, мало что зная о жестокой борьбе между политическими фракциями Рима и о закрепившейся за Катонем славе сумасшедшего фанатика. Они считали его замечательным человеком – дружелюбным, веселым, отзывчивым. Такие эпитеты сильно удивили бы даже Фавония, если бы он узнал, что ими характеризуется его дорогой друг Марк Порций Катон. Солдаты от души приветствовали Секста Помпея и кидали жребий, чей корабль возьмет его на борт. Ибо Катон не хотел брать на свой флагман сына Помпея Великого. Луций Гратидий и два философа – такую компанию он еще мог вынести.

Катон стоял на полуяхте, его корабль плыл во главе пятидесяти судов, покидающих бухту Паретония. Ветер надувал паруса, первая смена гребцов работала с энтузиазмом. Продовольствия было достаточно для двадцатидневного перехода. Двое из местных землевладельцев вырастили небывалый урожай нута под хорошими зимними дождями и достаточно пшеницы, чтобы накормить Паретоний. Они с удовольствием продали Катону большую часть нута. Увы, не бекона! Требуется итальянский дубовый лес, полный желудей, чтобы разводить свиней, из которых получается отличный бекон. О, хоть бы в Киренаике нашелся кто-нибудь, занимающийся свиноводством! Соленая свинина все лучше, чем вообще никакой.

Пятисотмильный путь на запад, к Киренаике, занял восемь дней. Открытое море, не надо бояться ни мелей, ни рифов. Киренаика – огромный выступ на северном побережье Африки, подходящий ближе к Криту и Греции, чем ровная береговая линия между нею и Дельтой Нила.

Сначала они зашли в Херсонес – семь сбившихся в кучу домов, украшенных гирляндами рыбацких сетей. Луций Гратидий подплыл к берегу и узнал, что чуть дальше, всего в нескольких милях от деревушки, находится большое поселение Дарнис. Но слово «большое» на языке рыбаков вовсе не соответствовало римским представлениям. Дарнис оказался городком размерами с Паретоний. Там была вода, но из провизии – одна рыба. Восточная Киренаика. Плечь еще тысячу пятьсот миль.

Киренаика была владением Птолемеев, правителей Египта, до того как ее последний сатрап Птолемей Апион завещал ее Риму. Не заинтересованный в новой территории, Рим не

сделал ничего, чтобы аннексировать ее или хотя бы поставить там гарнизон, не говоря уже о том, чтобы послать туда наместника. В результате отсутствие крепкой руки позволило местным жителям спокойно нагуливать жир и богатеть, никому не платя налоги. И Киренаика превратилась в легендарную тихую заводь, своего рода землю обетованную. Поскольку она располагалась вдалеке от проторенных морских путей и не имела ни золота, ни залежей драгоценных камней, охотники за наживой туда не стремились. Тридцать лет назад Киренаику посетил великий Лукулл, и все завертелось. Началась романизация, были введены налоги и назначен наместник со статусом претора, который управлял также Критом и предпочитал жить там. И Киренаика продолжала вести прежнюю жизнь, оставаясь все той же тихой заводью, с единственным обязательством делиться с Римом доходом. Это ярмо оказалось вполне сносным, ибо засухи, случавшиеся в других землях, снабжавших римлян зерном, не совпадали по времени со зноем в Киренаике. Крупный поставщик зерна, Киренаика вдруг приобрела рынок сбыта на дальней стороне Нашего моря. Из Остии, Путеол и Неаполя с пассатами прибывали транспорты, а когда задувал южный ветер, корабли уже были нагружены зерном нового урожая и возвращались домой.

Пока Катон совершал свой вояж, все территории от Греции до Сицилии страдали от засухи. А Киренаика процветала. Обильные зимние дожди пролились своевременно, пшеница почти созрела, урожай обещал быть богатым, и предприимчивые римские купцы начинали прибывать со своим флотом.

К великой досаде Катона, гавань Дарниса оказалась забита судами. Дергая себя в отчаянии за длинные волосы, он был вынужден плыть дальше, к Аполлонии, являвшейся портом, обслуживающим Кирену, столицу Киренаики. Там он найдет где пристать!

Он нашел, но лишь потому, что Лабиен, Афраний и Петрей, прибывшие туда чуть раньше, нагрузили зерном сто пятьдесят своих транспортов и отправили их в открытое море. Луций Афраний, начальник береговой охраны, узнал Катона, стоявшего на полуюте своего корабля, и выпустил его флот в гавань.

– Ну и дела! – проворчал Лабиен, ведя Катона к дому, отобранному у самого богатого жителя Аполлонии. – Вот, выпей приличного вина, – сказал он, когда они вошли в комнату, которую он сделал своим кабинетом.

Катон не заметил иронии.

– Спасибо, не надо.

Лабиен в изумлении открыл рот:

– Но ведь ты самый непросыхающий выпивоха в Риме, Катон!

– Уже нет, с тех пор как я покинул Коркиру, – с достоинством ответил Катон. – Я поклялся богу Либеру, что не выпью ни капли вина, пока не доставлю своих людей в провинцию Африка.

– Побудешь здесь несколько дней и снова запьешь, – уверил его Лабиен, налил себе приличную порцию и выпил залпом.

– Почему? – спросил Катон, усаживаясь.

– Потому что нам тут не рады. Весть о поражении Магна и о его смерти облетела берега Нашего моря. Теперь у всех на уме только Цезарь. Местные жители убеждены, что он дышит нам в затылок, и очень боятся его оскорбить: вдруг он подумает, что они сторонники его врагов! Поэтому Кирена заблокировала свои ворота, а Аполлония намеревается вредить нам во всем. Ситуация стала еще хуже, после того как мы реквизируем зерно.

Вошли Афраний и Петрей в сопровождении Секста Помпея, и все пришлось объяснять еще раз. Катон сидел с деревянным лицом, ум его усиленно работал. «О боги, я снова среди дикарей! Мой краткий отдых закончен».

Ему очень хотелось посетить Кирену и осмотреть дворец Птолемеев, по слухам сказочный. Он побывал во дворце Птолемеев на Кипре, в Пафосе, и жалел, что не может взглянуть, как Птолемеи жили в Киренаике. Будучи великой империей еще двести лет назад, Египет владел даже несколькими островами в Эгейском море, а также всей Палестиной и половиной Сирии. Но Эгейские острова и земли в Сирии и Палестине ушли из-под его власти сто лет назад. Однако Птолемям удалось удержать Кипр и Киренаику. Рим выгнал их оттуда совсем недавно. Катон, проводивший аннексию Кипра, хорошо помнил, что жителям этого острова не понравилось правление Рима. Впрочем, оно не нравится никому от Востока до Запада.

Лабием нашел на Крите тысячу галльских всадников и две тысячи пехотинцев, сбил их с присущей ему жестокостью в единый кулак, затем реквизировал все имевшиеся на острове корабли. Тысяча лошадей, две тысячи мулов и четыре тысячи человек, считая нестроевых и рабов, были за три дня погружены на двести судов, и Лабием, дождавшись, когда подуют пассаты, отплыл из Аполлонии на Крите в Аполлонию в Киренаике. (В честь Аполлона города возводились везде.)

Катон отказался ради собственного удобства лишать крова кого-либо из горожан. В форте он не нуждался.

– Наше положение меняется от плохого к худшему, – сказал он своим философам, когда они заняли пустой дом, обнаруженный расторопным Статиллом.

– Я понимаю, – ответил Статилл, суется вокруг пожилого Афинодора Кордилиона, который быстро худел и стал кашлять. – Следовало догадаться, что Киренаика встанет на сторону победителя.

– Следовало, – с горечью подтвердил Катон, дергая себя за бороду. – Пассаты будут дуть еще в течение четырех рыночных интервалов, так что мне надо как-то заставить Лабием уехать отсюда. Когда задуют южные ветры, мы в провинцию Африка не попадем. А Лабием больше хочет ограбить Кирену, чем сделать что-то полезное для нашего дела.

– Ты своего добьешься, – успокоил его Статилл.

И Катон добился-таки своего, чем был обязан богине Фортуне, которая решила взять его сторону. На следующий день пришло сообщение из порта Арсиноя, удаленного к западу миль на сто. Гней Помпей сдержал слово и отправил оставшихся шесть с половиной тысяч раненых Катона в Африку. Их принесло к Арсиное, и местные жители отнеслись к ним тепло.

– Значит, мы покидаем Аполлонию и плывем в Арсиною, – решительно сказал Катон.

– Через один рыночный интервал, считая сегодняшний день, – сказал Лабием.

– Еще восемь дней? Ты с ума сошел? Делай что хочешь, глупец, но завтра я забираю мой флот и плыву в Арсиною!

Ворчание перешло в рев, но Катон не был Цицероном. Ему удалось нагнать страху на Помпея Великого, и он ничуть не боялся таких дикарей, как Тит Лабием. Тот стоял, сжав кулаки, оскалив зубы и сверкая черными глазами, впившимися в холодную серую сталь глаз Катона, но потом обмяк и пожал плечами.

– Очень хорошо, мы отплываем в Арсиною завтра, – сказал он.

И там богиня Фортуна покинула Катона: его ожидало письмо от Гнея Помпея.

Дела в провинции Африка обстоят неплохо, Марк Катон. Если я продолжу путь с такой же скоростью, то смогу организовать базы для моих кораблей по всему южному побережью Сицилии, захватив даже пару Эолийских островов для переправы зерна из Сардинии. Фактически все так удачно складывается, что я решил оставить своим заместителем здесь моего тестя Либона и отправиться в провинцию Африка с большим количеством солдат, оказавшихся в Западной Македонии и попросивших меня разрешить им сражаться против Цезаря.

Поэтому, Марк Катон, хотя мне и неловко, я вынужден просить тебя незамедлительно прислать мне все твои корабли. Они тут очень нужны, и я полагаю, что здоровые солдаты имеют преимущество перед твоими ранеными. Как только смогу, я пошлю тебе освободившиеся транспорты, их будет достаточно, чтобы доставить всех твоих людей в провинцию Африка. Однако предупреждаю, что тебе придется выйти в открытое море. Воды у африканского побережья между Киренаикой и провинцией Африка очень коварные, они непригодны для плавания, и у нас нет карт. Будь здоров и принеси жертву, чтобы ты и твои раненые после стольких страданий поскорей добрались до нас.

Он остается без кораблей. И они не успеют вернуться до того, как южный ветер сделает их возвращение невозможным.

– Что бы нас ни ожидало, Тит Лабиен, я настаиваю, что ты тоже должен послать свои корабли Гнею Помпею! – громко заявил Катон.

– Не пошлю!

Катон повернулся к Афранию:

– Луций Афраний, как консуляр ты старше нас. Следующим идет Марк Петрей, потом я. Тит Лабиен, хотя при Цезаре ты был пропретором, претором тебя никогда не выбирали. Поэтому решать не тебе. Луций Афраний, что ты скажешь?

Афраний до мозга костей был человеком Помпея Великого, а Лабиен что-то значил в его глазах лишь потому, что тоже родился в Пицене. Все-таки клиент Помпея.

– Если сын Магна требует наши корабли, Марк Катон, значит он должен получить их.

– А мы застрянем здесь с девятью тысячами пехотинцев и тысячей конников. Поскольку ты, Марк Катон, так предан *mos maiorum*, скажи, как нам следует поступить? – сердито спросил Лабиен.

– Я предлагаю идти пешком, – спокойно ответил Катон.

Никто не осмелился возразить, но у Секста Помпея забежали глаза.

– Я прочел письмо Гнея Помпея, – начал Катон, – и, прежде чем созвать этот совет, навел справки у местных жителей. Когда другого выхода нет, римский солдат всегда может совершить марш-бросок. Расстояние от Арсинои до Гадрумета, первого большого города в провинции Африка, чуть меньше полутора тысяч миль, как между Капуей и Дальней Испанией. Около тысячи четырехсот. По моим расчетам, силы сопротивления окрепнут достаточно только к маю нового года. Здесь, в Киренаике, нам стало известно, что Цезарь теперь в Александрии и что его втянули в войну. Нам также известно, что царь Фарнак из Киммерии свирепствует сейчас в Малой Азии и что Гней Кальвин с двумя легионами Публия Сестия и еще некоторым количеством солдат спешит туда, чтобы его сдержать. Ты, Лабиен, знаешь Цезаря лучше любого из нас, так что ответь: пойдет ли он на запад, после того как наведет порядок в Александрии?

– Нет, – ответил Лабиен. – Он пойдет на выручку к Кальвину и так поколотит Фарнака, что тот побежит в Киммерию, поджав хвост.

– Да, мы тоже так думаем, – вежливо согласился Катон. – Поэтому, уважаемые курульные магистраты и сенаторы, я пойду к войскам и спрошу у них, сумеем ли мы пройти тысячу четырехсот миль до Гадрумета.

– В этом нет необходимости. Пусть Афраний принимает решение, – сказал Лабиен и выплюнул вино на пол.

– Никто не может принимать такое решение, кроме тех, кому предстоит пройти этот путь! – гневно рявкнул Катон. – Тит Лабиен, неужели ты хочешь иметь дело с десятью тысячами возмущенных, несогласных людей? Хочешь? А вот я не хочу! Солдаты Рима – граждане! Они имеют право голоса на выборах, независимо от того, какую ценность имеют эти голоса, если люди бедны. Но многие из солдат вовсе не бедняки. Об этом хорошо знал Цезарь, когда

посылал в Рим отпускников, чтобы те проголосовали за него или за его кандидатов. А наши люди – заслуженные ветераны, нажившие состояния на военных трофеях. Они имеют вес как в политике, так и на войне! Кроме того, они отдали нам все свои деньги, лежавшие в банках, чтобы помочь финансировать войну Республики против Цезаря, так что они являются и нашими кредиторами. Поэтому я пойду к ним и спрошу их мнение.

В сопровождении Лабиена, Афрания, Петрея и Секста Помпея Катон пошел в огромный лагерь, разбитый на окраине Арсинои, собрал всех солдат на площади возле складов и объяснил ситуацию.

– Подумайте об этом сегодня, а завтра на рассвете дадите ответ! – выкрикнул он.

На рассвете ответ был готов. Озвучил его Луций Гратидий:

– Мы выступим, но на одном условии.

– Каком условии?

– Что командирскую палатку займешь ты, Марк Катон. В сражениях мы готовы выполнять приказы наших командующих, легатов, трибунов. Но на марше по бездорожью в стране, которую никто не знает, только один человек должен отдавать нам приказы – ты, – решительно заявил Луций Гратидий.

Пятеро аристократов уставились на Гратидия в изумлении, даже Катон. Такого ответа не ждал никто.

– Если консуляр Луций Афраний сочтет, что ваша просьба не противоречит принципам *mos maiorum*, тогда я поведу вас, – сказал Катон.

– Не противоречит, – глухо произнес Афраний.

Замечание Катона о том, что Помпей Великий являлся должником собственной армии, ввергло его в меланхолию. Сам он тоже вручил Помпею целое состояние. Петрей, кстати, тоже.

– По крайней мере, – сказал Секст Катону на следующий день, – ты дал такой пинок Лабиену, что тот полетел далеко.

– Ты о чем это, Секст?

– Он за ночь погрузил свою кавалерию и лошадей на сто кораблей и с рассветом уплыл в провинцию Африка с деньгами и всей пшеницей Арсинои. – Секст усмехнулся. – Афраний и Петрей тоже уплыли.

Огромная радость охватила Катона. Забывшись, он даже заулыбался:

– О, какое облегчение! Хотя теперь, к сожалению, твой старший брат недополучит ста кораблей.

– Мне тоже его жаль, Катон, но не настолько, чтобы скорбеть о потере таких попутчиков, как Лабиен и его драгоценные лошади. В этом походе тысяча лошадей тебе не нужна. Они пьют воду целыми амфорами и очень много едят. – Секст вздохнул. – Плохо лишь то, что он забрал с собой все наши деньги.

– Нет, – спокойно ответил Катон, – он взял не все. У меня еще есть двести талантов, которыми снабдила меня твоя добрая мачеха. Я просто забыл упомянуть о них Лабиену. Не бойся, Секст, мы сможем купить все, что нам нужно.

– Пшеницы нет, – мрачно сказал Секст. – Он обчистил Арсиною, забрал весь первый урожай, а без транспортов для зерна мы ничего не получим и со второго.

– При том количестве воды, что придется взять с собой, Секст, мы не сможем тащить еще и пшеницу. Нет, наша еда будет идти рядом с нами. Так сказать, своими ногами. Овцы, козы, быки.

– О нет! – воскликнул Секст. – Мясо? Ничего, кроме мяса?

– Ничего, кроме мяса и съедобной зелени, какую сумеем найти, – твердо сказал Катон. – Думаю, Афраний с Петреем решились плыть морем из опасения, что на марше Катон-командир не позволит им ехать верхом, когда другие идут пешком.

- Значит, верхом не поедет никто?
- Никто. Ну что, тебе уже хочется поспешить следом за Лабием?
- Только не мне! Заметь, кстати, что он не взял с собой римлян. Его кавалерия из галлов, а они не граждане.
- Что ж, – сказал Катон, поднимаясь, – надо готовиться к маршу. Сейчас начало ноября. Я думаю, подготовка займет месяца два. А это значит, мы выступим в первые дни января.
- На самом деле начало осени. Будет еще очень жарко.
- Мне сказали, что на побережье терпимо. А мы и должны идти вдоль берега, иначе безнадежно заблудимся.
- Тогда два месяца на подготовку – это многовато.
- Нужно собрать все необходимое, Секст. Прежде всего я должен поручить кому-нибудь сплести десять тысяч шляп от солнца. Вообрази, каково было бы нам, если бы Сулла не ввел в обиход такую шляпу! В этих широтах она просто бесценна. Как бы мы, добрые люди, ни презирали Суллу, я отдаю должное его здравому смыслу. Солдаты должны чувствовать себя как можно комфортнее на марше, а это значит, что мы возьмем с собой всех наших мулов и тех, которых оставил здесь Лабие. Мул может прокормиться везде, где хоть что-то растет, а местные жители уверяют, что на берегу обязательно отыщется фураж. Вьючные животные нам очень нужны, они будут нести солдатское снаряжение. Одно из преимуществ марша по ненаселенной *terra incognita*, Секст, состоит в том, что нет необходимости облачаться в кольчуги, надевать шлемы, тащить щиты и по вечерам строить очередной временный лагерь. Рассеянные вдоль берега аборигены не посмеют напасть на десяти тысячную колонну.
- Надеюсь, ты прав, – серьезно ответил Секст Помпей. – Потому что я не могу и вообразить, чтобы Цезарь разрешил своим людям совершать марш без оружия.
- Цезарь – военный человек, а я – нет. Я руководствуюсь интуицией.

Десять талантов из подарка Корнелии Метеллы дали возможность солдатам в течение двух месяцев есть хлеб, смоченный в хорошем оливковом масле, бекон и нут, которого было вдоволь. Первая тысяча солдат Катона благодаря занятиям греблей была в прекрасной форме, но те легионеры, что прибыли позже, сильно им уступали. Катон послал за всеми центурионами и велел начать тренировки. Всех, кто станет от них уваливать и к январю не будет физически готов, оставят в Арсиное, и им придется самим заботиться о себе.

Диойкет Арсинои, некий Сократ, был просто кладом полезных советов. Как только Катон рассказал ему о своих планах, его пораженное воображение воспарило.

- О Марк Катон, творец нового «Анабасиса»! – пронзительно крикнул он.
- Я не Ксенофонт, Сократ, и мои десять тысяч – добрые римские граждане, а не греческие наемники, готовые драться даже за персов, своих исконных врагов, – сказал Катон, старавшийся все эти дни умерять свой голос, чтобы не обижать нужных делу людей.

К тому же он надеялся, что ровный тон его не выдаст той вспышки ужаса, которую он ощутил при невольном сравнении предстоящего марша с известным всему свету отступлением десяти тысяч греческих воинов, состоявшимся почти четыре века назад.

– Кроме того, мой марш не войдет в анналы истории. У меня нет нужды, как у Ксенофонта, давать письменные объяснения предательству, ведь никакого предательства нет. Поэтому записок об этом походе я писать не собираюсь.

- Тем не менее ты поступаешь как спартанец.
  - Я просто руководствуюсь здравым смыслом, – ответил Катон.
- Он поделился с Сократом своим беспокойством. Его люди росли в Италии на хлебе, масле, всяческой зелени и фруктах. Чуть-чуть бекона для запаха – вот рацион бедняка. Они не выживут, питаясь одним только мясом.

- Но ты же должен знать о лазерпиции, – сказал Сократ.

– Да, я знаю о нем, – ответил Катон, и его лицо скривилось от отвращения. – Это средство, способствующее пищеварению, за которое такие люди, как мой тесть, платят огромные деньги. Говорят, оно помогает желудку восстановиться после переедания.

Он вздохнул, в отчаянии посмотрел на Сократа:

– Мясо! Одно лишь мясо! Сократ, Сократ! Мне нужен лазерпиций! Но где же взять его в таком количестве, чтобы в течение нескольких месяцев ежедневно пользоваться им десять тысяч человек?

Сократ рассмеялся так, что у него на глазах выступили слезы.

– Там, куда ты направляешься, Марк Катон, имеются целые заросли сильфия. Это низкорослый кустарник, которым будут охотно лакомиться твои мулы, быки и козы. Из того же сильфия люди, называющие себя псиллами, готовят лазерпиций. Они живут на западном побережье Киренаики, у них там есть небольшой порт Филены. Если бы мясо являлось основным продуктом питания вокруг Вашего моря, псиллы были бы намного богаче, чем сейчас. Это пройдохи-купцы, посещающие Филены, богатеют, а не псиллы.

– Кто-нибудь из них говорит по-гречески?

– О да. Им приходится учить этот язык, иначе они вовсе ничего не получили бы за свой лазерпиций.

На следующий день Катон верхом отправился в Филены. Секст Помпей галопом догнал его.

– Возвращайся, ты нужен в лагере, – твердо приказал Катон.

– Ты можешь приказывать всем сколько хочешь, Катон, – нараспев сказал Секст, – но я – сын своего отца и умираю от любопытства. Когда Сократ сообщил мне, что ты отправился закупить несколько талантов лазерпиция у народа, именующего себя псиллами, я решил, что тебе нужна компания получше, чем Статилл и Афинодор Кордилион.

– Афинодор болен, – коротко ответил Катон. – Хотя я и решил запретить кому-либо ехать верхом, боюсь, придется сделать для него исключение. Афинодор не может ходить, и Статилл ухаживает за ним.

Филены находились в двухстах милях к югу, но местность оказалась достаточно населенной, и можно было найти еду и ночлег. Неожиданно для себя Катон обнаружил, что ему нравится общество жизнерадостного и строптивого Секста. «Однако, – подумал он, когда им осталось проехать последние пятнадцать миль, – я, кажется, понял, с чем нам придется столкнуться. Хотя тут есть чем поживиться скоту, земля совсем голая. Абсолютно».

– Единственная явленная нам милость, – сказал Насамон, вождь псиллов, – это грунтовые воды. Вот почему сильфий растет так хорошо. Травы не растут, потому что их корни не проникают глубоко в землю, то есть не достают до воды. А у сильфия есть стержневой корень, он длинный. Только учтите, что для перехода через солончаки и соленые болота между Хараксом и Большой Лептой вам понадобится вся вода, какую вы сможете унести. Есть еще соленая пустыня между Сабратой и Тапсом, но этот переход короче, и последнюю его часть вы пройдете по хорошей римской дороге.

– Значит, есть поселения? – просияв, спросил Катон.

– Между нами и Большой Лептой, что в шестистах милях от нас, только Харакс.

– Как далеко до Харакса?

– Около двухсот миль, но есть и оазисы, и колодцы, а население – мои псиллы.

– Как ты думаешь, – неуверенно спросил Катон, – мог бы я нанять пятьдесят твоих псиллов в проводники до самого Тапса? Тогда, встретив людей, не знающих греческого, мы смогли бы с ними договориться. Нас очень много. Я не хочу устрашать племена.

– Цена будет высокой, – ответил Насамон.

– Два таланта серебра?

– За такую сумму, Марк Катон, ты можешь забрать нас всех!

– Нет, полусотни будет достаточно. Только мужчин, пожалуйста.

– Это невозможно! – улыбнулся Насамон. – Приготовление лазерпиция из сальфия – женское дело. Они будут добывать его для тебя и на марше. Ежедневная доза – по маленькой ложке на человека. Ты и половины необходимого с собой не прихватишь. Но я дам тебе бесплатно еще десять мужчин, чтобы те приглядывали за женщинами и лечили укусы скорпионов и змей.

Секст Помпей посерел от ужаса.

– Змеи? – Его передернуло. – Скорпионы?

– И очень много, – спокойно сказал Насамон, словно змеи и скорпионы всего лишь мелкое будничное неудобство. – Мы лечим укусы, разрезая их и высасывая яд. Но легче сказать, чем сделать. Поэтому лучше используй моих людей. Они это умеют. Если укус правильно обработан, мужчины редко умирают. Только женщины, дети, недужные и старики.

«Значит, – угрюмо подумал Катон, – мне нужны свободные мулы, чтобы везти укушенных. Но благодарю за псиллов, милостивая Фортуна!»

– Не смей никому говорить ни слова о змеях и скорпионах! Ни единой душе! – грозно приказал он Сексту на обратном пути в Арсиною. – Если проговоришься, я закую тебя в цепи и отошлю к царю Птолемею.

Шляпы были сплетены, а Арсиноя и ее окрестности лишились ослов. Сократ и Насамон сказали Катону, что мулы слишком много пьют и слишком много едят. А ослы и меньше их, и сильнее, и выносливее. К счастью, ни крестьяне, ни купцы не возражали против обмена. Мулы все же армейские, племенные. И Катон за три тысячи своих мулов получил четыре тысячи ослов. Для повозок он приобрел волов, но купить овец оказалось невозможно. В конце концов пришлось согласиться на две тысячи коров и тысячу коз.

«Это не марш, это целое переселение, – думал он мрачно. – Как, должно быть, хохочет сейчас Лабие! Он уже в Утике! Но я ему покажу! Пусть даже меня ждет смерть, но я приведу в провинцию Африка десять тысяч боеспособных солдат!» У него действительно набиралось такое количество, ибо он брал с собой и нестроевиков. Ни один римский командующий не требовал от своих бойцов полного самообслуживания. Каждая центурия состояла из ста человек, но только восемьдесят из них были воинами. Остальные двадцать мололи зерно, пекли хлеб, раздавали воду на марше, заботились о животных и о повозке центурии, стирали белье, следили за чистотой. Это были не рабы, а римские граждане, просто малопригодные для воинской службы, в основном деревенские простофили. Доля в трофеях у них была небольшой, зато жалованье и питание – как у солдат.

Пока женщины Киренаики трудились над шляпами, мужчины делали курдюки для воды. Глиняные амфоры с острым дном, предназначенные для хранения в рамах или в толстом слое опилок, были слишком громоздкими и не вместились в корзины, привязываемые к спинам ослов.

– Значит, вина не будет? – огорченно спросил Секст.

– Ни капли, – ответил Катон. – Люди будут пить воду, и мы тоже. Даже Афинодору нечем будет себя подкрепить.

На третий день января гигантское переселение началось под приветственные крики всех жителей Арсинои. Это была не аккуратная военная колонна на марше, а бесформенная масса животных и людей в плетеных соломенных шляпах и тонких туниках. Люди шли среди животных, стараясь не давать скоту разбежаться. Катон вел всю эту толпу на юг, к Филенам и псиллам. Хотя солнце палило нещадно, он вскоре понял, что скорость передвижения никого не

обессилит и не измотает. Десять миль в день – так постановили животные, и обжаловать их решение было нельзя.

Хотя Марк Порций Катон никогда не командовал войском и вся знать Рима не считала его способным к этому из-за его упрямства, озлобленности и отсутствия здравого смысла, в этом походе Катон оказался идеальным командиром. Он успевал подмечать все, на ходу исправлял ошибки, которые даже Цезарь не смог бы предвидеть. На рассвете второго дня центурионы получили приказ проследить, чтобы сапоги у всех были туго зашнурованы на лодыжках. Солдаты шли не по мощеной дороге, а по неровной земле. Если человек растягивал или рвал связки, он становился обузой. К концу первой недели, еще не пройдя и половины пути к Филенам, Катон разработал систему, по которой каждая центурия отвечала за определенное количество ослов, коров и коз, как за свою собственность. Если они слишком много ели или пили, то не стоило рассчитывать призанять воды и еды у более экономных соседей.

С наступлением сумерек вся толпа останавливалась и пополняла запас воды из колодцев или родников. Каждый ложился спать на непромокаемый сагум – круглую накидку с отверстием для головы, защищающую от дождя и от снега. Весь хлеб и весь нут съели в первую же неделю, а лазерпиция не предвиделось до самых Филен. Десять миль в день. К тому же по сносной местности. Но эти мили многому их научили. После Филен ситуация обещала стать хуже.

Когда каким-то чудом они достигли Филен за восемнадцать, а не за двадцать дней, Катон дал людям три дня отдыха в наскоро устроенном лагере близ длинного песчаного взморья. Они купались, ловили рыбу, платили драгоценный сестерций за секс какой-нибудь женщине из племени псиллов.

Все легионеры умели плавать, этому их обучали в тренировочных лагерях. Как знать, вдруг кто-нибудь вроде Цезаря прикажет им переплыть озеро или могучую реку? Обнаженные и беззаботные, люди веселились, объедались рыбой.

«Пусть резвятся», – думал Катон, тоже плавая с ними.

– Послушай! – воскликнул Секст, глядя на командира. – Я никогда не думал, что ты так хорошо сложен!

– Это потому, – ответил Катон, напроць лишенный чувства юмора, – что ты не видел меня, когда я не носил туники под тогой в знак протеста против нарушения *mos maiorum*. Ты был слишком мал.

Центурионам не надо было следить за животными и участвовать в других повседневных заботах центурий, у них была другая обязанность – следить за людьми. Катон созвал их, чтобы предупредить об исключительно мясном рационе и ознакомить с правилами употребления лазерпиция.

– Вам запрещается есть какие-либо растения. Псиллы говорят, что они несъедобны. Следите, чтобы солдаты не тащили их в рот. Каждому из вас дадут ложку и запас лазерпиция на центурию. Вечером, после того как люди съедят очередную порцию говядины или козлятины, вы лично будете давать каждому по пол-ложки этого снадобья. Вам вменяется в обязанности охранять женщин-псиллов и двести нестроевиков, когда они будут собирать сильфий. Я понял, что растение надо сначала истолочь, вскипятить, охладить, после чего с отвара снимается верхний слой. Это и есть лазерпиций. И это значит, что нам понадобится топливо там, где нет деревьев. Собирайте по дороге все, что может гореть. Тот, кто попытается изнасиловать женщину, будет лишен гражданства, подвергнут порке и обезглавлен. Я не шучу.

Центурионы подумали, что это все, но они ошиблись.

– Я не закончил! – крикнул Катон. – Любый позволивший козе съесть свою шляпу будет дальше идти с непокрытой головой, независимо от заслуг и от ранга. Это значит – солнечный удар и смерть! Пока у меня достаточно запасных шляп, чтобы выдать их тем, кого козы уже

обхитрили, но запас этот невелик. Так что все должны быть внимательными: нет шляпы – нет жизни!

– Вот это до них дойдет, – сказал Секст, сопровождая Катона к дому Насамона. – Единственная трудность, Катон, заключается в том, что, если коза захочет съесть шляпу, уследить за ней невозможно, как за проституткой, имеющей виды на богатого старого маразматика. А как ты охраняешь свою шляпу?

– Когда я ложусь спать, я подкладываю ее под себя. Наплевать, что тулья помнется. Каждое утро я снова ее выпрямляю и привязываю шляпу к голове лентой, которую дали мне женщины-плетельщицы.

– До Харакса мои люди будут помогать вам всем, чем смогут, – сказал Насамон, которому было жаль, что этот веселый цирк покидает его. Он деликатно кашлянул. – Э-э, могу я дать тебе небольшой совет, Марк Катон? Козы вам нужны, но вы не дойдете живыми до провинции Африка, если будете позволять им повсюду шнырять. Они съедят не только ваши шляпы, но и вашу одежду. Коза ест все! Поэтому на марше сбивайте их в одно стадо, а на ночь ставьте в специальный загон.

– А чем мы будем огораживать этот загон? – воскликнул Катон, сытый по горло этими козами.

– Я заметил, что у каждого легионера в заплечном мешке есть кол для ограждения лагеря. Колья достаточно длинные, и ночью можно использовать их для загона.

– Насамон, – сказал Катон с такой счастливой улыбкой, что Секст удивился, увидев ее, – я не знаю, что бы мы делали без тебя и без псиллов!

Красивые горы Киренаики исчезли из виду. Перед десятью тысячами Катона простиралась ровная пустыня с зарослями дикого сельфия и другой скудной растительностью. Между серыми низкими кустиками проглядывала желтовато-коричневая земля, усеянная камнями размером с кулак. Колья приобрели высочайшую ценность.

Насамон оказался прав. Колодцы и родники попадались часто, но их было недостаточно, чтобы напоить на стоянках десять тысяч людей и семь тысяч животных. На это понадобилась бы река величиной с Тибр. Поэтому Катон приказал каждой центурии пополнять бурдюки у каждого колодца или родника, мимо которых они проходили. Это позволяло орде, представлявшей собой весьма эффектное зрелище, весь день шагать, а на закате все останавливались, чтобы поесть говядины или козлятины, сваренной в морской воде (для чего все десять тысяч «переселенцев» собирали сухой кустарник), и поспать.

Помимо багрового неба и кустов сельфия их постоянным спутником было море, огромное пространство блестящего аквамарина с белыми барашками в тех местах, где под водой скрывались скалы. Эти барашки вместе с ленивыми волнами один за другим устремлялись к берегу. Скорость, с какой шли животные, позволяла людям быстро окунуться, чтобы охладиться и держать себя в чистоте. Десять миль в день означали, что до Гадрумента они доберутся лишь в конце апреля. «А к тому времени, – думал Катон с огромным облегчением, – споры о том, кто станет главнокомандующим наших армий, закончатся. Я распределю своих людей по легионам, а сам займусь каким-нибудь мирным делом».

Римляне не ели говядины, римляне не ели козлятины. Крупный рогатый скот имел у них только одно применение – он давал кожу и жир, а также кровь и кости, которые шли на удобрение. А у коз брали лишь молоко и делали из него сыр.

Один молодой бык поставлял около пятисот фунтов пищи, ибо люди ели все, кроме шкуры, костей и внутренностей. Фунт мяса в день на человека (никто не мог заставить себя съесть больше), и за день стадо уменьшалось на двадцать голов, а за шесть дней – на сто двадцать. Восьмидневный интервал завершался двумя днями козлятины, что было еще хуже.

Сначала Катон надеялся, что козы продолжат давать молоко, из которого можно будет делать сыр, но как только Филены остались позади, они перестали доиться. Ничего не понимавший в животноводстве, Катон предположил, что это как-то связано со слишком большим количеством съеденного ими сильфия, а не с соломенными шляпами или другими подобными деликатесами. Крупный рогатый скот лениво плелся, совершенно равнодушный к людскому соседству. Ребра, выступавшие из спины, двигались как рудиментарные крылья, у коров высохшее пустое вымя раскачивалось в такт ходьбе. Катон решил, что все неприятности из-за быков, потому что все они были кастрированы. Некастрированное животное, будь то кот, пес, баран, козел или бык, занимается сексом, никогда не толстеет, и мясо его жесткое, жилистое. Они сеют свое семя, а потом собирают огромный урожай котят, щенят, ягнят, козлят или телят.

Некоторые из этих мыслей он высказал Сексту Помпею, и тот пришел в восторг от открывшихся ему сторон фанатичного Марка Порция Катона, которые не были известны никому в Риме. Неужели это тот самый человек, который одним своим криком заставил его отца ввергнуть страну в очередную гражданскую заваруху? Который в качестве плебейского трибуна без колебаний налагал вето на любой закон, направленный на пересмотр чего-то заведомо устаревшего? Который в юности принудил коллегия плебейских трибунов сохранить всем надоевшую колонну посередине зала Порцовой базилики? Почему? Потому что сам Катон Цензор установил ее там. Потому что она – часть *mos maiorum* и убирать ее ни под каким предлогом нельзя. А чего стоили все легенды и анекдоты о неподкупном Катоне, о Катоне-пьянице, о Катоне, продавшем собственную жену! Но вот перед ним тот самый Катон, размышляющий о самцах и об их поразительной сексуальной активности, словно сам он не был самцом, и, кстати, щедро одаренным природой.

– Что касается меня, – непринужденно заметил Секст, – я очень хочу как можно скорее вернуться в цивилизованный мир. Цивилизация подразумевает наличие женщин. Я уже изголодался по женщине.

Взгляд серых глаз стал ледяным.

– Настоящий мужчина должен уметь контролировать свои основные инстинкты, Секст Помпей. Даже четыре года – ничто, – процедил сквозь зубы Катон.

– Конечно, конечно! – поспешил согласиться Секст.

Четыре года, а? Любопытный период времени взят для примера! Между двумя браками с Катонем Марция четыре года была женой Квинта Гортензия. Значит, он ее любил? И страдал?

Харакс оказался деревней в чудесной лагуне. Ее жители, псиллы и гараманты, пробавлялись тем, что ныряли за губками и за жемчугом. Питались они только рыбой, морскими ежами и овощами, которые выращивали их женщины на усиленно увлажняемых клочках земли. Завидев приближавшуюся громаду, те с пронзительными криками стали защищать свои огороды, размахивая мотыгами и осыпая римлян проклятиями. Катон тут же отдал приказ, запрещающий рвать овощи с грядок. Потом договорился с местным вождем о покупке зелени, какой только можно. Конечно, предложенного оказалось недостаточно, хотя при виде серебряных монет огородницы собрали для него все, что успело проклюнуться из земли.

Римляне были убеждены, что человечество не может выжить без фруктов и зелени, но до сих пор Катон не заметил никаких признаков цинги у людей, которые привыкли жевать по дороге ветки сильфия, чтобы во рту скапливалось хоть немного слюны. Что бы ни содержал сильфий, кроме лазерпиция, очевидно, это действовало так же, как зелень. «Мы прошли всего четыреста миль, – думал Катон, – но я чувствую, что мы дойдем».

Отдохнув день и объевшись рыбы, десять тысяч двинулись дальше по ужасной стране, плоской, как доска. Это было утомительное путешествие по солончаковым котловинам и соленым болотам с редкой порослью сильфия. На протяжении четырехсот миль ни колодцев, ни родников. Сорок дней нещадно палящего солнца, сорок очень холодных ночей среди скор-

пионов и пауков. Никто в Киренаике не говорил солдатам о пауках, которые стали ужасным потрясением. Италия, Греция, обе Галлии, обе Испании, Македония, Фракия, Малая Азия – эта часть мира была им знакома, они исходили ее вдоль и поперек. Там не было больших пауков. В результате самый заслуженный центурион, ветеран почти стольких же сражений, что и Цезарь, мог упасть в обморок при виде такого чудовища. А пауки Фазании (так называлась эта местность) были не просто большими. Они были огромными, размером с детскую ладонь, и с омерзительно волосатыми лапами, которые они прятали под собой, когда отдыхали.

– О Юпитер! – воскликнул утром Секст, вытряхивая такого паука из своего сагума. – Прямо скажу тебе, Марк Катон: если бы я знал заранее об этих тварях, я бы с радостью согласился на общество Тита Лабиена! Признаться, я не очень верил отцу, когда тот говорил, что, достигнув Каспийского моря, он уже через три дня повернул обратно из-за пауков, но теперь-то я знаю, что он имел в виду!

– По крайней мере, – сказал Катон рассудительным тоном, – они в отличие от скорпионов не ядовиты. Да, они больно кусают, но дело тут только в размере их жвал.

В душе он испытывал тот же страх и гадливость, что и другие, но гордость не позволяла ему показывать это. Если командир станет вопить и бегать как полоумный, что подумают десять тысяч солдат? О, иметь бы хоть топливо для костров, чтобы обогреться ночами! Кто бы подумал, что зной, так донимающий тебя днем, может сменяться столь жутким холодом после заката? Причем вдруг, моментально. Только что ты умирал от жары, а через миг дрожишь так, что зубы стучат. А скудные запасы плавника, собранного на берегу, нужны для приготовления силфий и мяса.

Мужчины-псиллы отработали заплаченные деньги. Как бы ни очищали места ночлега от скорпионов, они все же попадались. Многие были покусаны, но после того, как псиллы научили римских врачей, как разрезать укус и каким образом высасывать яд, мало кто стал нуждаться в ослах для дальнейшего продвижения. Правда, одной женщине, маленькой и щуплой, не повезло. Укус скорпиона убил ее, но не быстро, не милосердно.

Чем труднее было идти, тем веселее становился Катон. Секст не мог понять, как ему удастся держаться. Ведь он по нескольку раз в день обегал все свое воинство, не пропуская ни одной малой группы. Приостанавливался поговорить, посмеяться с такими бравыми, замечательными парнями. И те расправляли плечи, улыбались, делали вид, что этот марш для них – просто отдых. И шли дальше. Десять миль в день.

Вода в бурдюках кончалась. Не прошло и двух дней из предполагаемых сорока, как Катон ввел норму даже для животных. И если какая-нибудь корова или бык вдруг падали, их тут же забивали, чтобы в этот же вечер накормить сколько-то человек. Ослы были неумоимы, как Катон. Они упорно продолжали нести свою поклажу, которая становилась все легче из-за пустеющих бурдюков. И все же жажда – ужасней всего. Денно и ночью людей терзали мучительное мычание коров, жалобное блеяние коз и печальный рев длинноухих. Десять миль в день.

Время от времени грозовые тучи, появлявшиеся вдали, дразнили их, набухая и придвигаясь все ближе. Один или два раза был замечен серый занавес падающего дождя. Но на солдат не пролилось ни капли.

Для Катона, в перерывах между приливами энергии, побуждавшей его совершать обходы войска, путешествие стало временем своего рода триумфа. Унылая пустыня, в которую стоицизм превратил его душу, вырвалась наружу откуда-то из-под спуда и поглотила унылую пустыню, по которой брело его тело. Он словно плыл по морю боли, но боль была очищающей, даже приятной.

К полудню, когда солнце превращало воздух в дрожащее марево, ему иногда казалось, что он видит шагающего к нему Цепиона. Рыжие волосы пламенеют, лицо – маяк любви.

Однажды ему привиделась Марция, а один раз он увидел другую женщину, темноволосую незнакомку. Он понял, что это была его мать, несмотря на то что никогда не видел ее портретов. Она умерла через два месяца после его рождения. Ливия Друза. Мама, мама.

Последнее видение посетило его на сороковой день после выхода из Харакса. На рассвете Луций Гратидий сообщил, что бурдюки пусты. Ему снова явился Цепион, но на этот раз сверкающий дорогой образ придвинулся почти вплотную. Простертые руки едва не коснулись Катона.

«Не отчаивайся, брат. Вода рядом».

Кто-то крикнул. Видение тут же исчезло. Взамен – внезапный рев десяти тысяч плоток:
– Вода!!!

Какой-то час – и местность неузнаваемо изменилась, вдруг, неожиданно, как гром среди ясного неба. Причиной тому была небольшая речушка, появившаяся совсем недавно, судя по чахлым растениям на ее обрывистых берегах. Только по ней Катон понял, что они идут восемьдесят дней и что осень уже переходит в зиму, проливая дожди. Те тучи, что дразнили их издали, отдали свою благословенную влагу земле именно там, где местность позволила образоваться чистому потоку, устремившемуся к морю. За это время стадо коров уменьшилось до пятидесяти голов, а стадо коз – до сотни. Да, Цепион явился весьма своевременно.

Люди и животные растянулись вдоль речушки миль на пять, чтобы напиться, но со строжайшим наказом не справлять нужду близ воды. Катон дал своим десяти тысячам солдат четыре дня, чтобы наполнить водой бурдюки, поплавать в море, половить рыбу и выспаться всласть.

– Земля Фазании позади, – сказал он, растянувшись на песке возле Секста.

«Мы так загорели, что стали коричневыми, – подумал Секст, глядя на бесконечную полосу берега и на фигурки людей. – Даже Катон загорел, хотя он светлокожий. А я, наверное, похож на сирийца».

– Куда мы теперь идем? – спросил он.

– В Триполитану.

«Почему он такой опечаленный? Можно подумать, что мы только что изгнаны с Елисейских полей, а не выбрались из Тартара. Разве он не понимает, что, если бы вода не появилась, мы стали бы гибнуть от жажды? Что еда у нас почти кончилась? А может быть, он вызвал воду усилием воли? Ничто уже не может удивить меня в Катоне».

– Триполитана, – повторил Секст. – Земля трех городов. Но я не знаю никаких городов между Береникой и Гадруметом.

– Греки любят, когда название звучит знакомо. Посмотри на все эти города: Береника, Арсиноя, Аполлония, Гераклея... Думаю, построив три деревни на клочках более плодородной земли, они тут же нарекли всю округу «Три города». Большая Лепта, Эя и Сабрата, если Сократ с Насамом ничего не напутали. Странно, правда? Единственная Лепта, которую я знаю, – это Малая Лепта в нашей провинции Африка.

Триполитана не была рогом изобилия, как, например, Кампания или долина реки Бетис в Дальней Испании, но начиная с первой речушки местность стала населенной. Сильфий по-прежнему попадался, но теперь вперемешку с более сочными растениями, которые псиллы объявили съедобными. На равнине росли и деревья, но странные. Их ветки торчали горизонтально, с редкими – в форме веера – листьями желто-зеленого цвета. Они напомнили Катону два дерева, которые росли в саду перистилия у дяди Друза. Говорили, что их привез в Рим Сципион Африканский. Если это те деревья, тогда весной или летом они должны покрываться алыми или желтыми цветами.

Катон снова казался Сексту Помпею прежним.

– Я думаю, – сказал он, – пора мне сесть на осла и поехать разузнать, куда местные жители посоветуют двинуться десяти тысячам человек и горстке коз. Уверен, дорога наша проляжет не через колоссящиеся поля или персиковые сады. Но я попытаюсь купить здесь продукты. Рыба приятно разнообразит рацион, но нам нужно обзавестись скотом и – как я надеюсь! – найти зерно для хлеба.

Секст смотрел на Катона, стараясь подавить смех. Верхом на осле тот выглядел очень комично. Ноги у него были такие длинные, что казалось, будто он тащит осла меж ними, а не едет на нем.

Сексту Катон мог казаться смешным, но, когда через четыре часа он вернулся, в глазах трех сопровождавших его местных жителей светился благоговейный восторг. «Мы и вправду достигли цивилизованных мест, если тут слышали о Марке Порции Катоне».

– Я все разузнал, – объявил он Сексту и сошел с осла так, словно перешагнул через низкий забор. – Это Аристодем, Фазан и Фокий. Они будут нашими агентами в Большой Лепте. А в двадцати милях отсюда, Секст, я приобрел стадо годовалых овец. Мясо, конечно, но, по крайней мере, другого рода. Мы с тобой отправляемся в Лепту, так что пакуй вещи.

Они миновали селение Мисурата и пришли в город с двадцатитысячным населением в основном греческого происхождения. Большую Лепту. Урожай пшеницы был весь собран, и урожай хороший. Когда Катон показал серебряные монеты, ему продали достаточно мер зерна, чтобы его люди опять получили хлеб, и достаточно масла, чтобы было куда его макать.

– Всего шестьсот миль до Тапса, и еще сто – до Утики. Из них только двести безводных миль между Сабратой и озером Тритонида, которое уже в нашей провинции.

Катон разломил свежий хрустящий хлеб.

– По крайней мере, пройдя Фазанию, Секст, я твердо знаю, сколько нам понадобится воды на последнем отрезке пустыни. Мы сможем нагрузить несколько ослов зерном, снимать с повозок мельницы и печь свой хлеб. Когда есть топливо, почему бы его не печь? Это ли не прекрасно?

«Стоик до мозга костей, любящий один хлеб, – подумал Секст. – Но он прав. Триполитана – прекрасное место».

Хотя сезон винограда и персиков закончился, местные жители сушили их. Получался изюм, который можно было жевать, забрасывая в рот горстями, и жесткие кусочки персика, которые можно было сосать. Сельдерей, лук, капуста, латук в изобилии росли в диком виде благодаря семенам, разлетающимся с огородов.

Женщины, дети и мужчины Триполитаны носили штаны из плотной шерстяной ткани и кожаные гетры, защищаясь таким образом от змей, скорпионов и громадных пауков, известных здесь под названием тетрагнатиды. Почти все занимались сельским хозяйством – пшеница, оливки, фрукты, вино, – а также держали овец и крупный скот на общей земле, которая считалась слишком бедной и непригодной для выращивания чего бы то ни было. В Лепте имелись свои дельцы и купцы плюс неизбежный контингент пронырливых римских агентов, вечно разнюхивающих, где можно быстро заработать лишний сестерций. Но ощущение было такое, что они приехали сюда, чтобы жить, а не торговать.

От берега уходило низкое плато – начало пустыни в три тысячи миль, растянувшейся на восток, запад и дальше на юг, но насколько, никто не знал. Гараманты ездили по ней на верблюдах, пасли овец и коз, жили в шатрах, которые защищали не от дождя – там дождя не бывало, – а от песка. Сильный ветер гнал песок с такой силой, что можно было в нем задохнуться.

Намного более уверенные в себе, чем восемьсот миль назад, солдаты покинули Лепту в хорошем настроении.

Понадобилось лишь девятнадцать дней, чтобы преодолеть двести миль по пересохшей соленой равнине. Отсутствие топлива не позволяло печь хлеб, но Катон приобрел коров, а

также овец, чтобы разнообразить мясную диету. «Все, никаких коз! Если я больше никогда в жизни не увижу козы, я буду счастлив». То же самое чувствовали и его люди, особенно Луций Гратидий, в чьи обязанности входило следить за козами.

Озеро Тритонида служило неофициальной границей римской провинции Африка. Но люди были разочарованы, потому что вода в озере оказалась горькой от окиси натрия – вещества, родственного соли. Поскольку в море, восточнее озера, водились улитки-багрянки, на берегу Тритониды была построена мастерская для изготовления пурпурной краски. За ней громоздились дурно пахнущие кучи пустых раковин и гниющих останков их обитателей. Пурпурную краску извлекали из небольшого отверстия в теле улитки, а остальное выкидывали.

От озера начиналась римская дорога, мощеная, в хорошем состоянии. Смеясь и болтая, солдаты постарались как можно быстрее пройти мимо вонючей красильни. Они были рады этой дороге. Где дорога, там Рим.

На подходе к Тапсу умер Афинодор Кордилион, и так внезапно, что Катон, будучи где-то в другом месте, не успел проститься с ним. Плача, он проследил, чтобы из топья сложили приличествующий погребальный костер, совершил возлияние Зевсу, положил Афинодору в рот монету для Харона, паромщика, который перевезет его в царство мертвых. После окончания ритуала он снова пошел во главе людской массы. «Нас уже совсем мало. Ушли Катул, Бибул, Агенобарб, а теперь вот дорогой Афинодор Кордилион. Сколько же осталось мне? Если Цезарю уготовано править миром, то, вероятно, немного».

Поход закончился возведением большого лагеря около Утики, столицы римской провинции. Новый Карфаген, построенный рядом с прежним, где жили Ганнибал, Гамилькар и Гасдрубал, тоже имел великолепную гавань, но соперником Утике не был, ибо Сципион Эмилиан в свое время сровнял там все, что возможно, с землей.

Больно было расставаться с десятитысячной армией «переселенцев», которые не хотели терять любимейшего командира. Пятнадцать когорт и нестроевики будут расформированы, ими укомплектуют регулярные легионы. Но этот невероятный поход окружил всех участвовавших в нем сияющим ореолом в глазах остальных римских солдат.

Единственным, кого Катон и Секст Помпей взяли с собой, был Луций Гратидий, который будет тренировать гражданское ополчение, если Катону удастся осуществить свои планы. В последний вечер перед визитом к наместнику Утики и возвращением в привычный мир, покинутый около полугода назад, Катон сел писать письмо в Арсиною – Сократу.

Я заранее, дорогой мой Сократ, нашел несколько человек, у которых двойной шаг равен пяти футам, и поручил им измерить весь наш путь от Арсинои до Утики. В среднем вышло тысяча четыреста три мили. С учетом того, что мы три дня провели в Филенах, день в Хараксе и четыре дня в окрестностях Большой Лепты (в общей сложности один рыночный интервал), наш поход длился сто шестнадцать дней. Если ты помнишь, мы покинули Арсиною за три дня до Январских нон, а в Утику прибыли в Майские ноны. Я думал, пока не сел за расчеты, что мы делали десять миль в день, но получилось двенадцать. Все, кроме шестидесяти семи человек, перенесли поход, а еще мы потеряли одну женищницу из племени псиллов: ее укусил скорпион.

Я пишу, чтобы сообщить тебе, что мы благополучно достигли цели, но, если бы не ты и не Насамон, наш поход потерпел бы крах. На всем пути мы встречали лишь доброе отношение, однако ваши услуги воистину неоценимы. Однажды, когда любимая всеми нами Республика опять утвердится в своих прежних границах, я надеюсь увидеть тебя и Насамона в Риме в качестве моих гостей. Я воздам вам почести в сенате.

Письмо дошло до Сократа только через год, – целый год, за который многое произошло. Сократ читал эти строки сквозь слезы. Потом сел, уронил лист фанниевой бумаги на колени и покачал головой.

– О Марк Катон, ты и вправду не Ксенофонт! – воскликнул он. – Четыре месяца беспрерывного марша по бездорожью, а ты сообщаем мне только факты и цифры. Ты настоящий римлянин. Грек еще в пути делал бы заметки для будущей книги. А ты просто нашел несколько человек, чтобы считать шаги. Благодарность твою принимаю и письмо твое буду хранить как реликвию, ибо ты нашел время его написать. Но я многое отдал бы за подробное описание похода *твоих* десяти тысяч!

3

Римская провинция Африка была небольшой, но богатой. После того как Гай Марий шестьдесят лет назад победил нумидийского царя Югурту, ее территория увеличилась за счет некоторых земель Нумидии. Рим предпочитал иметь царей-клиентов, а не посылать своих наместников, поэтому царю Гиемпсалу разрешили сохранить большую часть страны. Он правил дольше сорока лет, а после него на трон сел его старший сын Юба. У провинции Африка было одно преимущество, которое заставило Рим ввести там прямое правление. Река Баграда, через нее протекавшая, имела сеть полноводных притоков, позволявших выращивать хорошие урожаи пшеницы. К тому времени как Катон и его десять тысяч прибыли туда, эта провинция приравнивалась к Сицилии по поставкам зерна. Владельцами огромных полей были члены сената либо всадники восемнадцати старших центурий. Провинция обладала еще одной важной особенностью: она занимала северный выступ африканского побережья и находилась вместе с Сицилией прямо напротив подъема италийской ступни. Своеобразный трамплин для вторжения в Сицилию и Италию. В прежние дни Карфаген этим пользовался, и не раз.

После того как Цезарь перешел Рубикон и без боя получил контроль над Италией, враждебные ему сенаторы поспешили бежать из страны следом за Помпеем Великим, которого они назначили своим главнокомандующим. Не желая втягивать сельское население Италии в еще одну гражданскую войну, Помпей решил сразиться с Цезарем за границей и выбрал театром военных действий Грецию и Македонию.

Однако для обеих сторон представлялось весьма важным сохранить контроль над основными поставщиками зерна, особенно над Сицилией и провинцией Африка. В связи с этим незадолго до бегства республиканский сенат обязал Катона поехать в Сицилию, которой от имени республиканского сената и народа Рима управлял наместник провинции Африка Публий Аттий Вар. Цезарь же, в свою очередь, послал очень способного Гая Скрибония Куриона, бывшего плебейского трибуна, отбить и Сицилию, и провинцию Африка у республиканцев. Ему нужно было кормить не только Рим, но и большую часть Италии, давно уже неспособную прокормиться самостоятельно. Сицилия быстро сдалась Куриону, ибо Катон не умел командовать войском, он был просто храбрым солдатом. Когда он бежал в Африку, Курион и его армия последовали за ним. Но Аттий Вар не убоился ни Катона, кабинетного полководца, ни Куриона, совсем еще молодого, зеленого командующего. Поначалу он сделал все, чтобы заставить Катона уехать к Помпею в Македонию, а потом с помощью царя Юбы заманил слишком доверчивого Куриона в ловушку. Курион и его армия были уничтожены.

В итоге Цезарь получил контроль над одной «хлебной» провинцией, а республиканцы обосновались в другой. Что было бы сносно для Цезаря в урожайные годы и недостаточно в неурожайные, которые следовали один за другим из-за чреды засух по всему побережью Нашего моря. Да еще в Тусканском море расположился республиканский флот, охотившийся за транспортом Цезаря с пшеницей. Ситуация обострилась, когда республиканцы проиграли войну на Востоке. Гнею Помпею теперь ничто не мешало бросить все силы на перехват столь необходимого италийцам зерна.

Собравшиеся после Фарсала в провинции Африка республиканцы хорошо сознавали, что Цезарь обязательно придет. И если они не хотят позволить Цезарю завладеть всем миром, им следует постоянно держать свою армию наготове. Ибо Цезарь рано или поздно появится. Скорее рано, чем поздно. Когда Катон покидал Киренаику, все согласились, что это произойдет в июне, поскольку Цезарь сначала должен решить проблему с царем Фарнаком в Анатолии. Но когда десять тысяч героев завершили переход, Катон, к своему изумлению, нашел армию республиканцев в таком беспорядке, словно никакого Цезаря не было и в помине.

Если бы покойный Гай Марий посетил теперешний дворец наместника в Утике, он не нашел бы в нем больших перемен. Как и шестьдесят лет назад, внутренние оштукатуренные стены были покрыты неяркой красной краской. За исключением довольно большого зала для аудиенций, дворец представлял собой лабиринт маленьких комнат. Но в пристройке имелись два довольно приличных покоя для приезжих торговцев зерном или влиятельных сенаторов, отправлявшихся путешествовать по Востоку. Сейчас дворец был переполнен республиканскими аристократами до такой степени, что грозил лопнуть по швам, а в душных его помещениях стоял несмолкаемый гул голосов вечно сварящейся заносчивой знати.

Молодой и застенчивый военный трибун привел Катона в канцелярию наместника, где за ореховым столом восседал Публий Аттий Вар в окружении служащих, шуршащих бумагами.

– Я слышал, ты совершил потрясающий переход, Катон, – сказал Вар, не вставая, чтобы пожать гостю руку: к Катону он относился с презрением.

Кивок – и подчиненные, поднявшись, гуськом пошли прочь.

– Я не мог не совершить! – гаркнул Катон, к которому вернулась прежняя манера кричать, сталкиваясь с дурно воспитанным собеседником. – Нам нужны солдаты.

– Да, это так.

Очень способный военачальник, но недостаточно знатный, Вар считался клиентом Помпея Великого, однако не только долг перед своим патроном привел его на сторону республиканцев. Он всей душой ненавидел Цезаря и был этим горд. Кашлянув, он посмотрел на Катона:

– Боюсь, Катон, я не смогу предложить тебе помещение. Все, кто не был хотя бы плебейским трибуном, спят в коридорах, а экс-преторы вроде тебя – в стенных шкафах.

– Я и не жду, что ты пригласишь меня погостить, Публий Вар. Один из моих людей как раз сейчас подыскивает мне пристанище.

Вспомнив, как обычно устраивался Катон, Вар вздрогнул. В Фессалонике это был жалкий кирпичный домишко всего с тремя комнатами и тремя слугами: для самого Катона, для Статилла и для Афинодора Кордилиона.

– Хорошо. Вина? – предложил он.

– Не для меня! – рявкнул Катон. – Я поклялся не пить, пока Цезарь не будет повержен.

– Благородная жертва, – заметил Вар.

Неприятный визитер молча сел. Его волосы и борода выглядели ужасно. Он что, не нашел времени помыться, прежде чем явиться с докладом? О чем тогда можно с ним говорить?

– Я слышал, в прошедшие четыре месяца вы ели только мясо, Катон.

– Иногда нам удавалось поесть и хлеба.

– Правда?

– Я уже сказал.

– Я также слышал, что вас донимали скорпионы и гигантские пауки.

– Да.

– Многие умерли от их укусов?

– Нет.

– И все твои люди совершенно оправились от ранений?

– Да.

– И... э-э-э... случались ли песчаные бури?

– Нет.

– Должно быть, это кошмар – идти без воды.

– Вода у нас всегда имелаась.

– На вас нападали разбойники?

– Нет.

– Вам удалось сохранить все вооружение?

– Да.

- Тебе, должно быть, не хватало политических схваток, дискуссий.
- В гражданских войнах политики нет.
- Ты был лишен благородного общества.
- Нет.

Аттий Вар сдался.

– Что ж, Катон, хорошо, что ты вернулся, и я надеюсь, тебе удастся пристойно устроиться. Теперь, когда ты здесь и наше войско полностью укомплектовано, можно собирать большой совет. Он состоится завтра, через два часа после восхода. Нам следует, – продолжал он, провожая Катона к выходу из канцелярии, – решить, кто станет главнокомандующим.

Что ответил бы Катон, так и осталось неясным, ибо за порогом Вар увидел Секста Помпея, развлекающего часовых болтовней.

- Секст Помпей! Катон не сказал, что и ты тоже здесь!
- Это меня не удивляет, Вар. Тем не менее я здесь.
- Ты тоже пришел из Киренаики?
- Под защитой Марка Катона это было приятной прогулкой.
- Входи же, входи! Могу я предложить тебе вина?
- Конечно можешь, – ответил Секст и, подмигнув Катону, исчез рука об руку с Варом.

Луций Гратидий подпирал ворота дворца, жуя соломинку и глаза на женщин, стиравших белье у фонтана. Поскольку на нем не было ничего, кроме забрызганной грязью туники, внутрь его не пропустили. Никто из стражи не мог поверить, что этот тощий и грязный верзила был старшим центурионом первого легиона Помпея.

– Нашел тебе неплохую квартирку, – сообщил он шурящемуся на солнце Катону. – Девять комнат и ванна. С уборщицей, поваром и двумя слугами. Пятьсот сестерциев в месяц.

Для римлянина весьма умеренная цена, даже для скряги.

– Отличная сделка, Гратидий. Статилл появился?

– Нет еще, но вот-вот появится, – весело ответил Гратидий, ведя Катона по узкой улочке. – У него много хлопот. Ему ведь надо убедиться, что Афинодора Кордилиона похоронят как подобает. Конечно, философу хорошо бы покоиться рядом с другими философами, но, не разрешив Статиллу принести прах в Утику, ты был прав. Топляк плохо занялся, осталось слишком много костей, да и тело сгорело не полностью.

– Я об этом даже не подумал, – сказал Катон.

Квартира занимала первый этаж восьмизэтажного здания, ближайшего к гавани. В окнах – лес мачт, серебристо-серые пристани с верфями и невероятно синее море. Пятьсот сестерциев в месяц – это действительно удачная сделка, решил Катон, увидев, что слуги уже приготовили ему теплую ванну. Когда, как раз к поздней трапезе, появился Статилл, он не сдержал довольной улыбки. Статилла сопровождал Секст Помпей, который отказался разделить с ними хлеб, масло, сыр и салат, но, удобно устроившись в кресле, стал выкладывать, что ему удалось почерпнуть из общения с Варом:

– Тебе, наверное, будет приятно узнать, что Марк Фавоний жив и здоров. Он встретился с Цезарем в Амфиполисе и попросил у него прощения. Цезарь вроде бы с удовольствием простил его, но после Фарсала бедняга, кажется, повредился умом. Ибо он, плача, объявил Цезарю, что ничего более не хотел бы, как вернуться в Италию и вести в своих поместьях тихую, мирную жизнь.

«О Фавоний, Фавоний! Ну что же, я это предвидел. Пока я сидел с ранеными в Диррахии, ты должен был выносить бесконечные ссоры кабинетной клики Помпея, умело подогреваемые дикарем Лабиеном. В своих письмах ты подробно рассказывал мне обо всем, но теперь меня вовсе не удивляет, что после Фарсала ты замолчал. Тебе, наверное, страшно было сообщить мне, что ты больше не на стороне республиканцев. Что ж, наслаждайся покоем, дорогой Марк Фавоний. Я не виню тебя. Нет, я не могу тебя винить».

– Один мой информатор, – продолжал болтать Секст, – не буду называть его имени, шепнул мне, что здесь, в Утике, обстановка еще хуже, чем та, что складывалась в Диррахии и Фессалонике. Даже такие дурни, как Луций Цезарь-младший и Марк Октавий, которые не побывали и в плебейских трибунах, претендуют на должность армейских легатов. Что уж говорить о тех, у кого статус повыше! Лабиен, Метелл Сципион, Афраний и наместник Вар – каждый видит себя в командирской палатке.

– Я надеялся, что этот вопрос будет решен до моего прибытия, – резко сказал Катон с каменным лицом.

– Нет, это будет решаться завтра.

– А что твой брат Гней?

– Он где-то у южного берега Сицилии. Лижет зад своему дорогому тестю. Попомни мои слова, – добавил Секст с ухмылкой, – мы не увидим его, пока кого-нибудь не поставят командующим.

– Разумный человек, – отозвался Катон. – Ну а ты сам, Секст?

– О, я вцеплюсь в папочку моей мачехи, как колючка в овечью шерсть. Метелл Сципион, возможно, не очень умен и совсем не талантлив, но, я думаю, мой отец велел бы мне быть с ним.

– Да. Он так и сказал бы.

Серые глаза в упор посмотрели на Секста.

– А что Цезарь?

Секст нахмурился:

– Вот здесь абсолютная неразбериха, Катон. Насколько известно, он все еще в Египте, хотя явно не в Александрии. Разные ходят слухи, но достоверно известно лишь то, что он не давал о себе знать с ноября, когда написал из Александрии письмо, которое пришло в Рим спустя месяц.

– Невероятно, – сквозь зубы сказал Катон. – Этот человек любит писать, а теперь, как никогда в жизни, ему нужно быть в курсе происходящего. Цезарь – и молчит? Цезарь – и не поддерживает ни с кем связи? Тогда он, наверное, мертв. О, какой поворот судьбы! Цезарь – и умер от заразы или от копья аборигена в такой тихой заводи, как Египет! Кажется, меня водят за нос.

– Нет, он определенно не умер. По слухам, он здоровее других. И совершает путешествие по Нилу. На золотой, усыпанной цветами барже, а рядом – царица Египта. Арф столько, что их звуки способны заглушить рев десятка слонов. Везде едва прикрытые танцовщицы и ванны, полные ослиного молока.

– Ты смеешься надо мной, Секст Помпей?

– Смеяться над тобой, Марк Катон? Ни за что!

– Тогда это хитрость. Но в Утике на нее могут купиться. И видно, купились. Этот кусок дерьма Вар не захотел ничего мне сказать, поэтому я тебе благодарен. Нет, молчание Цезаря – это уловка. – Он скривил губы. – А что слышно о знаменитом консуляре и юристе Марке Туллии Цицероне?

– Сидит в Брундиции и не может решить дилемму. Ватиний позвал его обратно в Италию, но тут с основной армией Цезаря появился Марк Антоний и велел Цицерону уехать. Цицерон в ответ показал письменное приглашение Долабеллы, и Антонию пришлось извиниться. Но ты знаешь эту бедную старую мышь. Цицерон слишком робок, чтобы отважиться высунуть из Брундиция нос. А его женушка напрочь отказывается ему помочь. – Секст хихикнул. – Она так безобразна, что ее лицо может служить водостоком фонтана.

Взгляд Катона несколько охладил его.

– А что в Риме? – спросил Катон.

Секст присвистнул:

– Катон, там полный цирк! Правительство довольствуется десятью плебейскими трибунами, потому что никому не удастся провести выборы эдилов, преторов или консулов. Долабеллу усыновил кто-то из плебса, и теперь он плебейский трибун. Долги у него баснословные, поэтому он пытается провести через плебейское собрание закон об отмене долгов. Каждый раз, когда он выносит его на обсуждение, парочка сторонников Цезаря, Поллион и Требеллий, налагают вето, поэтому он по примеру Публия Клодия организовал уличные банды, терроризирующие и бедных, и богатых, – весело частил Секст. – Поскольку диктатор в Египте, его замещает начальник конницы Антоний. Ну, тот шокирует всех. Вино, женщины, алчность, злость и коррупция.

– Тыфу! – плюнул Катон, сверкнув глазами. – Марк Антоний – хищник, бешеный хряк! О, это прекрасная новость! Цезарь наконец перехитрил сам себя. Поручил Рим пьянице и буяну! Заместитель диктатора! Начальник конницы! Задница он конницы, а не глава!

– Ты недооцениваешь Марка Антония, – очень серьезно возразил Секст. – Нет, Катон, он что-то задумал. Ветераны Цезаря стоят лагерем вокруг Капуи. Они ропшут, поговаривают о походе на Рим, чтобы отстоять свои права, а какие права – неизвестно. Моя мачеха, которая, кстати, посылает тебе привет, считает, что Антоний обрабатывает солдат в своих целях.

– В своих целях? Не в целях Цезаря?

– Корнелия Метелла говорит, что у Антония большие амбиции и что он хочет сравняться с Цезарем.

– Как там она?

– Хорошо. – Лицо Секста беспомощно сморщилось, но он быстро справился с приступом слабости. – Она построила мраморный склеп на территории своей виллы в Альбанских горах, после того как Цезарь прислал ей прах отца. Кажется, он где-то встретил нашего вольноотпущенника Филиппа, который сжег тело отца в Пелузии, на берегу. Сам Цезарь кремировал голову. Прах сопровождало теплое, сердечное письмо – это ее слова, – в котором говорилось, что ей разрешено сохранить свое имущество и состояние. Она держит это письмо при себе, на случай если Антонию вздумается все у нас конфисковать.

– Я поражен и... и очень обеспокоен, Секст, – сказал Катон. – Где сейчас Цезарь? Что он замышляет? Как я могу об этом узнать?

На другой день, через два часа после рассвета, семнадцать человек собрались в зале для аудиенций наместнического дворца.

«О, – подумал Катон с упавшим сердцем, – я вернулся на свою арену, но, кажется, потерял вкус ко всему, что тут творится. Может быть, это мой недостаток – отсутствие стремления к высшим командным постам, но если так, то этот изъян очень хорошо сообразуется с философией, безжалостно и безраздельно владеющей моей душой. Я точно знаю, что мне следует делать. Люди могут смеяться над моими самоограничениями, но потакать своим прихотям намного хуже. А что такое стремление к власти, как не потачка себе? Вот мы здесь, тринадцать человек в римских тогах, готовые разорвать друг друга из-за пустой скорлупы, именуемой командирской палаткой. Неплохая метафора! И очень верная! Сколько людей занимали подобную скорлупу? А главное, чем они ее наполняли? Кто пребывал в ней скромно, без роскоши? Один только Цезарь. Хоть я его и ненавижу, но вынужден это признать!

А эти четверо наверняка нумидийцы. Один из них явно царь Юба. Весь в тирском пурпуре, на вьющихся длинных локонах – белая диадема. Борода тоже курчавая, перевита золотыми нитями. Как и другим двоим, ему около сорока. А четвертый совсем еще молод».

– Кто эти... персоны? – спросил Катон своим самым громким и самым противным голосом.

– Марк Катон, говори тише, пожалуйста! Это царь Нумидии Юба, царевич Масинисса с сыном Арабионом и царевич Сабурра, – ответил Вар, немного смутясь.

– Удали их, наместник! Они не римляне! Это собрание не для них!

Вар еле сдержался.

– Нумидия – наш союзник в войне против Цезаря, Марк Катон, и они имеют право присутствовать здесь.

– Может быть, они и имеют право присутствовать на военном совете, но не имеют права наблюдать, как тринадцать римских аристократов выставляют себя идиотами, споря о чисто римских делах! – заорал Катон.

– Собрание еще не началось, Катон, а ты уже буянишь, – сквозь зубы проговорил Вар.

– Я повторяю: это собрание римлян! Извинись за меня, но пусть иноземцы уйдут!

– Извини, но я не могу этого сделать.

– Тогда я останусь здесь, но в знак протеста не пророню ни слова! – рявкнул Катон.

Сопровождаемый пристальными взглядами четверых нумидийцев, он отошел вглубь помещения и встал за спиной Луция Юлия Цезаря-младшего. Тоже побег от древа Юлиев, чей отец Цезарю – двоюродный брат, а также правая рука и верный сторонник. «Интересно, – думал Катон, сверля взглядом спину Луция-младшего. – Сын идет против отца».

– Он и в подметки родителю не годится, – прошептал Секст, бочком придвигаясь к Катону. – Не без способностей, конечно, но не в состоянии признать очевидное.

– А ты сам не хочешь стоять где-нибудь в первых рядах?

– В моем возрасте? Нет, рановато!

– Я замечаю в тебе некоторое легкомыслие, Секст Помпей. Тебе следует от него избавляться, – сказал, опять по обыкновению громко, Катон.

– Я знаю об этом, Марк Катон, поэтому и стараюсь держаться к тебе поближе, – так же громко ответил Секст.

– Тихо там, в задних рядах! Я призываю к порядку!

– К порядку? К какому такому порядку? Что ты имеешь в виду, Вар? Я вижу здесь по крайней мере одного жреца и одного авгура! С каких это пор собрание римлян, намеревающихся обсудить государственные дела, проводится без предварительных молитв и истолкования знамений? – крикнул Катон. – Неужели наша дорогая Республика дошла до того, что даже такие люди, как Квинт Цецилий Метелл Пий Сципион Назика, принуждены стоять и молчать, не возражая против твоих незаконных действий? Я не могу заставить тебя выдворить иноземцев, Вар, но я запрещаю тебе начинать собрание, не воздав почестей Юпитеру Всеблагому Всесильному и Квирину!

– Если бы ты подождал немного, Катон, ты бы понял, что я как раз собирался предложить нашему уважаемому Метеллу Сципиону произнести положенные молитвы и попросить уважаемого Фавста Суллу истолковать знаки, – сказал Вар, быстро сориентировавшись, что не обмануло никого, кроме нумидийцев.

«Было ли когда-нибудь собрание более обреченное на неудачу, чем это? – спросил себя Секст Помпей. Он получал удовольствие от спектакля, наблюдая, как сноровисто Катон делает фарш из десяти римлян и четверых нумидийцев. – Я прав: Катон очень переменялся с тех пор, как мы встретились в Паретонии, но сегодня я получил представление о том, каким он был в сенате, яростно протестуя против любого предложения Цезаря или отца. Перекричать его невозможно, игнорировать тоже».

Высказав свой протест и проследив, чтобы религиозные формальности были соблюдены, Катон остался верен своему слову, встал позади всех и замолчал.

На звание командующего претендовали четверо: Лабиен, Афраний, Метелл Сципион и, как ни странно, сам наместник провинции Африка Вар. Резоны у каждого были свои, но довольно весомые, чтобы рьяно отстаивать их. У не-консуляра Лабиена был лучший боевой послужной список, а консуляр и экс-наместник Сирии Метелл Сципион упирал на свою родовитость. Афраний, понятно, вступил в драку, чтобы исподволь поддержать Лабиена, но он тоже

был видным военачальником и консуляром. Однако, увы, у него, как и у Лабиена, предки не стоили того, чтобы о них говорить. Неожиданно сильным соперником оказался Аттий Вар, мотивировавший свои претензии тем, что он – законный наместник провинции, фактически ведущей войну, а следовательно, военное положение ставит его выше всех прочих.

Катон понимал, что греческий язык слабоват для страстей, накалявшихся все сильнее. В греческом недостаточно бранных слов, зато латинские ругательства можно изливать непрерывным потоком. Поэтому возобладали латынь. Нумидийцы сразу же потеряли нить разговора, что не понравилось Юбе, весьма проницательному и хитрому человеку. Он втайне презирал всех этих шумно спорящих римлян, но считал, что его шансы расширить свое царство за счет Мавретании намного выше с ними, чем они были бы с Цезарем, которому Юба не нравился. Вспоминая тот день в римском суде, когда Цезарь, ненавидевший ложь, потерял терпение и дернул его за царственную бороду, Юба всякий раз испытывал боль.

Возмущение нумидийцев усугублялось еще и тем, что Вар никому не предложил кресел. Предполагалось, что все будут стоять, сколько бы времени ни длился спор. Просьба предоставить кресло уставшему царю была равнодушно отклонена. Натренированные на своих идиотских собраниях римляне чувствовали себя неплохо и стоя. «Хотя я должен поддерживать их в сражениях, – думал Юба, – это еще не значит, что я не могу начать борьбу против них. Какой богатой сделалась бы Нумидия, если бы земли реки Баграда принадлежали лишь мне!»

Четыре коротких весенних часа, по сорок пять минут в каждом, пролетели почти незаметно. Споры все продолжались, решение так и не находилось, колкости делались все ядовитее с каждой падающей каплей в часах.

– Ты мне не конкурент! – наконец грубо крикнул Вар Лабиену. – Это из-за твоей тактики мы потерпели крах под Фарсалом, и я плюю на твое утверждение, будто ты – лучший наш командующий! Если ты лучший, то как мы сможем побить того, кто побил тебя? Пора понять, что возглавить войско должен новый человек – Аттий Вар! Я повторяю: это моя провинция, законно порученная моему попечению истинным сенатом Рима, а наместник провинции стоит в ней выше всех.

– Сущая чушь, Вар! – крикнул Метелл Сципион. – Я считаюсь наместником Сирии, пока не пересеку померий Рима. А этого не случится, покуда Цезарь не сломлен. Мало того, сенат предоставил мне *imperium maius*! А ты всего лишь пропретор! Ты мелко плаваешь, Вар.

– Возможно, я не имею неограниченных полномочий, Метелл Сципион, но я, по крайней мере, не развлекаюсь с голенькими мальчиками и порнографическими альбомами!

Метелл Сципион взвыл и кинулся к Вару. Лабиен и Афраний, сложив на груди руки, наблюдали за дракой. Высокий, хорошо сложенный, с верблюжьей, как кто-то однажды подметил, надменностью на лице, Метелл Сципион оказался намного сильнее, чем ожидал более молодой Аттий Вар.

Катон отодвинул плечом Луция Цезаря-младшего и вышел на середину, чтобы разнять эту пару.

– Мне это надоело! Хватит! Сципион, ступай вон в тот угол и стой там спокойно. Вар, ты встань здесь и тоже уймись. Лабиен, Афраний, смените позу и постарайтесь не выглядеть парочкой бритых танцовщиц, слоняющихся у стен Эмилиевой базилики.

Он прошелся по залу. Волосы и борода всклокочены, в глазах отчаяние и гнев.

– Очень хорошо, – сказал он, встав лицом к присутствующим. – Мне ясно, что это может продолжаться весь день, и завтра, и весь следующий месяц, и весь следующий год, но вы так ничего и не решите. Поэтому решение приму я, и сейчас же. Квинт Цецилий Метелл Пий Сципион Назика, – обратился он к Метеллу, тщательно выговорив его ужасно длинное имя, – палатку главнокомандующего займешь ты. Я выбираю тебя по двум причинам, обе из которых соответствуют *mos maiorum*. Во-первых, ты консуляр, обладающий на данный момент *imperium maius*, что превышает все прочие полномочия, – и это тебе отлично известно, Вар, так что

помолчи!.. Во-вторых, одно из твоих имен – Сципион. Суеверие это или нет, но люди считают, что Риму не победить в Африке без Сципиона. Испытывать сейчас Фортуны глупо. Однако, Метелл Сципион, ты не лучший военачальник, чем я, поэтому ты не будешь вмешиваться в действия Тита Лабиена на поле боя. Это понятно? Твое положение номинальное, и только номинальное. Лабиен будет командовать на деле, а Афраний будет ему помогать.

– А я? – ахнул запыхавшийся Вар. – Где мое место в твоей грандиозной схеме, Катон?

– Там, где ты и находишься, Публий Аттий Вар. Ты – наместник этой провинции. Твой долг – поддерживать в ней спокойствие и порядок, а также следить, чтобы армия была обеспечена всем, и осуществлять связь с Нумидией. Ясно, что ты крепко дружишь с Юбой и его приспешниками, поэтому тут от тебя будет толк.

– Ты не имеешь права! – крикнул Вар, сжав кулаки. – Кто ты такой, Катон? Ты – экс-претор, который не смог даже выбиться в консулы, и ничего больше собой не представляешь. Если бы не твоя луженая глотка, ты был бы ничем!

– Да я и не спорю, – ответил Катон, не обижаясь.

– А я оспариваю твое решение. И даже больше, чем Вар! – злобно прорычал Лабиен, скаля зубы. – Мне надоело воевать за других, не имея палудамента!

– Алый не подходит к цвету твоего лица, Лабиен, – дерзко заметил Секст Помпей. – Успокойтесь, господа, Катон прав. Кто-то должен принять решение, и у него есть на то основания, ибо сам он не претендует на командирский пост.

– Если нет, Катон, то чего же ты хочешь? – спросил Вар.

– Стать префектом Утики, – нормальным голосом ответил Катон. – Эта работа как раз по мне. Я с ней справлюсь. Однако, Вар, ты должен найти мне приличный дом. Квартира, которую я арендую, слишком мала.

Секст пронзительно вскрикнул и засмеялся:

– Молодец, Катон!

– *Quin taces!* – крикнул Луций Манлий Торкват, сторонник Вара. – Закрой свой рот, молодой Помпей! Кто ты такой, чтобы аплодировать правнуку раба?

– Не отвечай ему, Секст! – прогремел Катон.

– Что происходит? – строго спросил Юба на греческом. – Решение принято?

– Принято, царь, – ответил Катон по-гречески. – Теперь о тебе. Твоя функция – снабжать нашу армию дополнительными войсками, но Цезаря здесь еще нет. Значит, и от тебя пока что нет пользы. Ты можешь ехать домой.

Какое-то время Юба молча слушал, что шепчет Вар ему в ухо.

– Я одобряю твое решение, Марк Катон, но не манеру, в какой ты огласил его, – царственным тоном произнес он. – Однако я не поеду домой. У меня есть дворец в Карфагене, и я буду жить там.

– Что до меня, царь, ты можешь залезть хоть в задницу и устроиться там, свесив ноги, но предупреждаю: занимайся Нумидией и не вмешивайся в дела римлян. Нарушишь приказ – и я велю тебе собирать барахло, – сказал Катон.

Расстроенный, мрачный, с пошатнувшейся верой в себя, Публий Аттий Вар сделал вывод, что лучший способ поладить с Катоном – дать ему все, что он просит, и постараться не встречаться с ним. Поэтому Катон переехал в очень приличный дом на главной городской площади, по соседству с портом, но не на его территории. Отсутствующий владелец дома, торговец зерном, был сторонником Цезаря и поэтому не мог бы протестовать, даже если бы захотел. В доме имелись полный комплект прислуги и управляющий с подходящим ему именем Прогнант, что означает «выдвинутая челюсть», – очень высокий человек с мощной нижней челюстью и нависающим лбом. Катон набрал собственный штат служащих (на деньги наместника), но не отказался и от услуг агента хозяина дома, некоего Бута, когда Вар прислал его.

Решив эту проблему, Катон созвал триста самых влиятельных в городе лиц.

– Те из вас, у кого есть скобяные лавки и мастерские, должны перестать делать котлы, горшки, ворота и плужные лемехи, – объявил он. – Отныне от вас потребуются мечи, кинжалы, наконечники копий, шлемы и кольчуги. За все, что вы сможете изготовить, буду платить я, как заместитель наместника Утики. Занимающиеся строительством начнут немедленно строить силосные ямы и новые склады. Утика должна обеспечить нашу армию всем необходимым. Каменщики, я хочу усилить наши фортификационные линии и стены, чтобы они могли выдержать осаду посерьезнее той, что в конце концов уничтожила Карфаген, прославив Сципиона Эмилиана. Подрядчики в доках сосредоточатся на поставках продовольствия и военной техники, поэтому запрещается завозить в город духи, пурпур, красивые, но непрочные ткани, мебель и тому подобную ерунду. Любой корабль с грузом, не отвечающим военным нуждам, будет отправлен обратно. И наконец, все мужчины от семнадцати до тридцати лет должны записаться в отряды гражданской милиции. Их вооружат и обучат. Завтра утром на плацу Утики мой центурион Луций Гратидий начнет тренировки. – Он оглядел пораженных дельцов. – Вопросы есть?

Вопросов не было, и Катон отпустил всех.

– Вполне очевидно, – сказал он Сексту Помпею (который решил держаться поближе к нему), – что они стосковались по твердой руке.

– Жаль, что ты все время утверждаешь, будто у тебя нет воинский жилки, – с искренней горечью заметил Секст. – Мой отец всегда говорил, что хороший командующий больше заботится о подготовке к сражению, чем о самом сражении.

– Поверь мне, Секст, я не могу руководить войском! – раздраженно ответил Катон. – Это особый дар богов, щедро отпущенный таким людям, как Гай Марий или Цезарь. Людям, которые видят ситуацию и тут же понимают, где самое слабое место у противника, чем может помочь ландшафт и где могут дрогнуть их собственные войска. Дай мне хорошего легата и хорошего центуриона, и я выполню все, что они мне прикажут. Но сообразить сам, что надо делать, я не могу.

– Ты очень строг к себе, – сказал Секст. Он подался вперед, карие глаза сверкнули. – Но скажи мне, дорогой Катон, есть ли эта способность командовать у меня? Мое сердце говорит мне, что есть, ибо, послушав всех этих дураков, превозносящих себя до небес, самый безнадежный идиот поймет, что нет у них никакого таланта. Я прав?

– Да, Секст, ты прав. Всегда сверяйся со своим сердцем. Оно тебя не подведет.

За два рыночных интервала в Утике установился новый, военный ритм жизни, и это вроде бы нравилось городу. Но потом в дом возле порта пришел Луций Гратидий, чем-то обеспокоенный.

– Что-то происходит, Марк Катон, – сказал он.

– Что?

– Моральный дух парней не так высок, каким должен бы быть. Моя молодежь приуныла, считает, что все наши усилия напрасны. Поговаривают, что Утика втайне симпатизирует Цезарю и что в ней деятельно работают его эмиссары. – Он помрачнел. – А наш нумидийский друг, царь Юба, будто бы до такой степени уверовал в это, что собирается взять Утику штурмом и покарать всех изменников. Но я думаю, что именно Юба и распускает все эти слухи.

– Ага! – воскликнул Катон, вскакивая. – Я целиком согласен с тобой! Да, Гратидий. Это Юба мутит здесь воду, а не какие-то мифические сторонники Цезаря. Его цель – заставить Метелла Сципиона уступить свое место ему. Нумидиец хочет командовать римлянами! Ничего, я его урезоню! Вот ведь наглец!

Разгневанный Катон поспешил в Карфаген, во дворец, где некогда царевич Гауда, претендент на нумидийский трон, хандрил и хныкал, пока Югурта воевал с Гаем Марием. Зда-

ние более грандиозное, чем резиденция наместника в Утике, отметил он, слезая с двуколки, запряженной двумя мулами. На нем была *toga praetexta* с пурпурной каймой, с безукоризненно уложенными складками. Впереди шесть ликторов в алых туниках, с топориками в фасциях – свидетельство его империя. Следом за ними Катон прошел во дворец, коротко, по-хозяйски кивнув оторопевшей охране.

«Все-таки каждый раз это срабатывает, – подумал он. – Один взгляд на ликторов, на топорики, на белую с пурпуром тогу – и даже стены Илиона готовы пасть».

Во дворце было просторно и пусто. Катон приказал ликторам ожидать его в вестибюле, а сам прошел дальше, в глубину здания, обставленного с тошнотворной, непозволительной роскошью. Неправоммерность вторжения в личные покои Юбы его ничуть не смущала. Юба нарушил *mos maiorum*, он был преступник, и больше никто.

Царь возлежал на ложе в просторной комнате с действующим фонтаном и выходящим во внутренний двор широким окном, через которое непрерывным потоком лились солнечные лучи. На мозаичном полу перед ним медленно извивались полуголые танцовщицы.

– Постыдное зрелище! – пролаял Катон.

Царь судорожно выпрямился на ложе, потом соскочил с него и в бессильной ярости уставился на непрошеного посетителя. Женщины с визгом кинулись по углам и сгрудились там, пряча лица.

– Вон отсюда, ты, сластолюбец! – рявкнул Юба.

– Это ты убирайся, нумидийский распутник! – взревел Катон так, что крик Юбы показался беспомощным лепетом на фоне этого трубного гласа. – Вон, вон, вон! Сегодня же вон из провинции Африка, ты слышишь меня? Какое мне дело до твоего омерзительного многоженства или до твоих бедных невольниц, лишенных малейшей свободы! Я – римлянин, чтущий святость брака, у меня есть жена, которая занимается моим домом, умеет читать и писать. И умеет блюсти себя без всяких евнухов и заточения! Плевать мне на твоих шлюшек и на тебя!

Катон плюнул в подтверждение сказанного, но не как человек, избавляющийся от излишней слюны, а как разъяренная кошка.

– Стража! Стража! – завопил Юба.

В комнату вбежали стражники, за ними три нумидийских царевича. Масинисса, Сабурра и молодой Арабион изумленно застыли, с невольным страхом глядя на римлянина, который даже не шелохнулся, когда десятки копий едва не уперлись ему в грудь, в спину, в бока.

– Убей меня, Юба, и ты вызовешь бурю! Я – Марк Порций Катон, сенатор, пропре-тор, префект Утики! Почему ты решил, что можешь меня напугать? Меня, противостоявшего таким людям, как Цезарь и Помпей Магн? Вглядиись повнимательнее в мое лицо и пойми, что оно принадлежит человеку, которого нельзя подкупить или подчинить! Сколько ты платишь Вару, чтобы он терпел таких, как ты, в своей провинции? Ладно, Вар может поступать, как ему диктует кошелек, но даже не думай показывать мне твои мешки с деньгами! Сегодня же покинь провинцию Африка, иначе – клянусь всеми богами, Юба! – я пойду к армии, в один час мобилизую ее и вы все умрете смертью рабов. Мои люди распнут вас!

Он с презрением оттолкнул от себя копьё, повернулся на пятках и вышел.

К вечеру царь Юба со своей свитой был уже в пути. Когда он пришел с жалобой к наместнику Аттию Вару, тот поежился и сказал, что с Катонem в таком настроении спорить бесполезно. Лучше сделать, как он говорит.

Отъезд Юбы положил конец нервозности в Утике. Город успокоился, благословляя землю, по которой ступал Катон, но делая это скрытно. Ибо тот, прознав о таком, тут же собрал бы всех горожан и прочел бы им лекцию о недопустимости богохульства.

Что касалось Катона, то он был счастлив. Новая работа ему нравилась, он знал, что справляется с ней хорошо.

«Но где же Цезарь?» Этим вопросом он задавался, прогуливаясь по гавани и наблюдая за бесконечными перемещениями кораблей. «Когда он появится? Где скрывается? До сих пор это никому не известно, а кризис в Риме разрастается с каждым днем. Это значит, что, когда он объявится, ему добавится дел. Чем он займется сначала, не важно. Либо прогонит Фарнака из Анатолии, либо возьмется приводить в чувство Рим. Главное, до его появления здесь пройдет еще несколько месяцев. Мы выдохнемся к тому времени, когда он явится. Вот в чем заключается его хитрость. Никто лучше его не знает, что единомыслия среди нас нет. Значит, я должен держать этих упрямых дурней подальше друг от друга еще месяцев шесть. Одновременно надо умерять пыл Лабиена и приглядывать за царем Юбой. Не говоря уже о наместнике, чьей главной амбицией может стать стремление сделаться правой рукой нумидийца».

Погруженный в эти безрадостные размышления, Катон вдруг заметил, что к нему со смущенной улыбкой приближается какой-то молодой человек. Прищурясь (после похода дальнее зрение стало его подводить), он внимательно вглядывался в чем-то знакомую фигуру, пока его вдруг не озаарило. Это был удар молнии. Марк! Его единственный сын!

– Почему ты здесь, а не в Риме? – спросил он, не обращая внимания на протянутые к нему руки.

Лицо, так похожее на его собственное, дрогнуло, искривилось.

– Я решил, отец, что пора мне присоединиться к республиканцам, вместо того чтобы слоняться без дела, – сказал Катон-младший.

– Правильный выбор, Марк, но я тебя знаю. Что именно подвигло тебя принять это запоздалое решение?

– Марк Антоний грозит конфисковать наше имущество.

– А как же моя жена? Ты что, оставил ее на милость Антония?

– Это Марция настояла, чтобы я ехал к тебе.

– А твоя сестра?

– Порция по-прежнему живет в доме Бибула.

– А моя сестра?

– Тетушка Порция убеждена, что Антоний конфискует имущество Агенобарба, поэтому она купила небольшой дом на Авентине. На всякий случай. Агенобарб выгодно распорядился ее приданым – вложил в надежное дело под хороший процент и на тридцать лет. Тебе от нее привет. И от Марции, и от Порции тоже.

«Какая ирония, – подумал Катон, – что и умом, и способностями из моих детей наделена только дочь. Моя воинственная и бесстрашная Порция. Что там писала Марция в своем последнем письме? Что Порция любит Брута. Я попытался бы поженить их, но Сервилия не позволит. Чтобы ее драгоценный безвольный сынок женился на своей кузине и сделался зятем Катона? Ха! Сервилия его просто убьет».

– Марция умоляет тебя написать ей, – сказал Катон-младший.

На это Катон ничего не ответил.

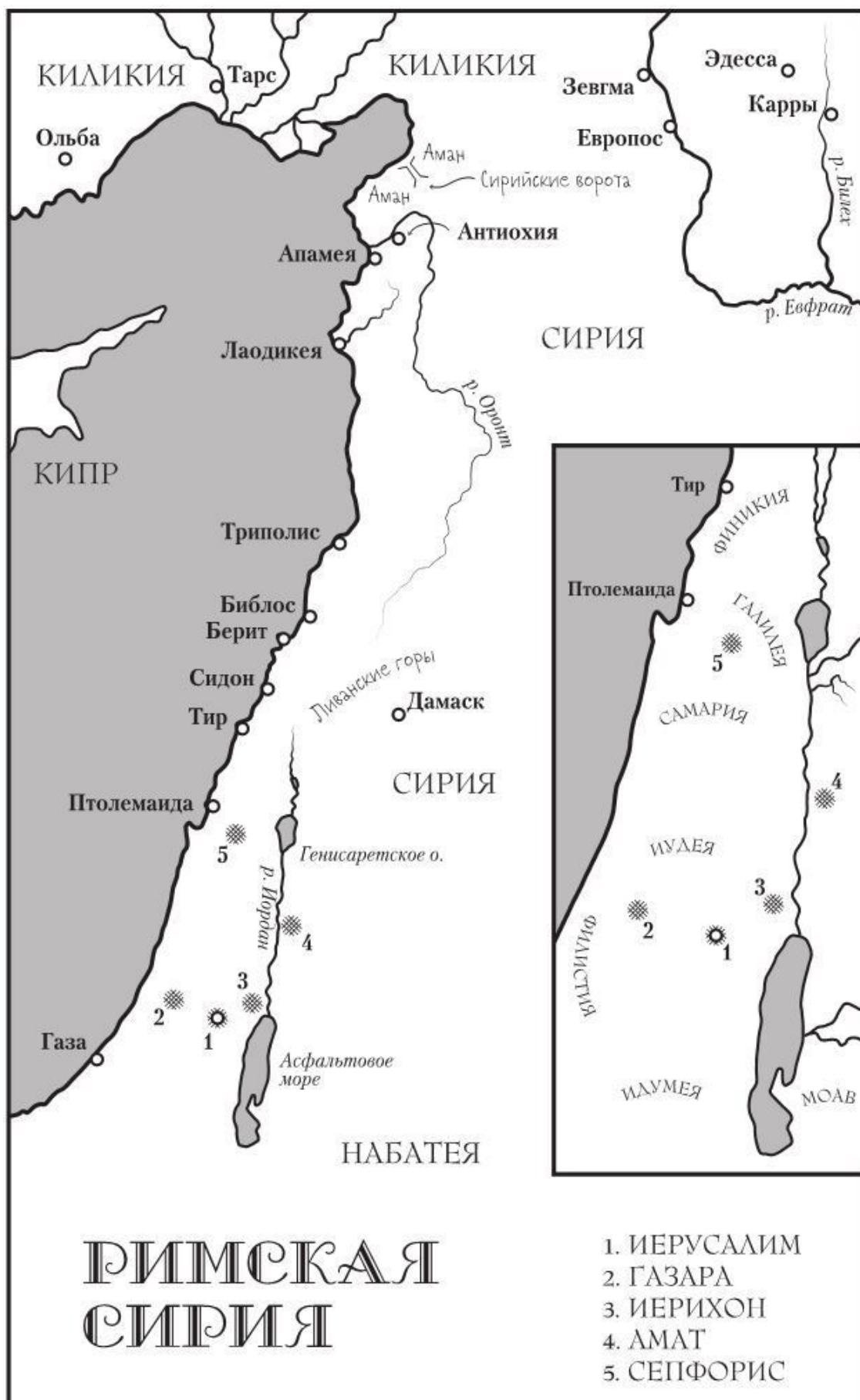
– Пойдем-ка со мной. У меня для тебя сыщется комната. Ты не забыл еще канцелярского дела?

– Нет, отец, не забыл.

А он-то надеялся, что отец после долгой разлуки простит ему все его слабости и недостатки. Его неудачи. Но этому не бывать. У Катона нет слабостей, нет недостатков, нет неудач. Катон никогда не сворачивал с праведного пути. Ужасно быть сыном человека без недостатков.

III Обустройство Малой Азии Июнь – сентябрь 47 г. до Р. Х

1

По смерти старой царицы Александры, случившейся в том же году, когда родилась Клеопатра, обстановка в Иудее ухудшилась. Вдове грозного Александра Янная даже в распадавшейся Сирии как-то удавалось править страной. Впрочем, это не вызывало благодарного отклика у большинства ее подданных, ибо Александра симпатизировала фарисеям. Все, что она делала, плохо воспринималось и саддукеями, и раскольниками-самаритянами, и обитавшими в центральных районах страны еретиками-галилеянами, а также нееврейским населением Декаполиса. Иудею терзали религиозные распри.

У царицы Александры было два сына – Гиркан и Аристобул. После смерти мужа она выбрала своим наследником старшего сына, Гиркана, – может быть, потому, что он был более смирным. Она сразу сделала Гиркана первосвященником, но умерла, не успев укрепить его власть. Едва ее похоронили, как младший брат захватил трон и сан первосвященника.

Но самым умным человеком при еврейском дворе был идумей Антипатр. Большой друг Гиркана, он давно враждовал с Аристобулом, так что, когда тот узурпировал власть, Антипатр освободил Гиркана и они оба сбежали. Укрылись они у царя Арета в арабской стране Набатее, очень богатой, потому что она торговала с Малабарским берегом Индии и островом Тапробана. Антипатр был женат на Кипре, племяннице тамошнего царя Арета. Это был брак по любви, который стоил Антипатру шанса самому сесть на еврейский трон, а его четырех сыновей и дочь лишил права называться евреями.

Война Гиркана и Антипатра с Аристобулом продолжалась с неослабевающей силой. Она еще более осложнилась внезапным вторжением Рима. После поражения Митридата Великого и его армянского союзника Тиграна Помпей Великий прибыл в Сирию, чтобы сделать ее римской провинцией. Евреи тут же восстали, чем очень разозлили Помпея. Он вынужден был пойти на Иерусалим и взять его, вместо того чтобы мирно зимовать в Дамаске. Гиркан был назначен первосвященником, но сама Иудея стала частью новой римской провинции Сирия, лишившись какой-либо автономии.

Аристобул и его сыновья продолжали провоцировать беспорядки, и первые римские наместники в Сирии не могли их утихомирить. Наконец туда прибыл Авл Габиний, друг и сторонник Цезаря, хорошо разбиравшийся в военном деле. Он утвердил власть Гиркана и выделил ему как первосвященнику пять доходных районов: Иерусалим, галилейский Сепфорис, Газару, Абат и Иерихон. Разгневанный Аристобул выступил против него, но Габиний провел молниеносную кампанию, и Аристобул с одним из своих сыновей второй раз оказался на корабле, отправлявшемся в Рим. Габиний пошел дальше, в Египет, где опять посадил на трон Птолемея Авлета при горячей поддержке Гиркана и его друга Антипатра. Опираясь на них, Габиний без труда сдвинул границу Египта к Пелузию, еврейское население которого отнеслось к этому совершенно спокойно.

Марк Лициний Красс, тоже хороший друг Цезаря и следующий правитель Сирии, наследовал мирную провинцию, даже Иудея была укрощена. К несчастью для евреев, Красс не испытывал ни малейшего уважения к религиозным традициям покоренных народов. Он вошел в Большой храм и забрал оттуда все ценное, включая две тысячи талантов золота, хранившегося в святой святых. Верховный жрец Гиркан проклял его от имени еврейского бога, и вскоре Красс погиб возле Карр. Но сокровища в Большой храм так и не вернулись.

А к власти в Сирии неофициально пришел простой квестор Гай Кассий Лонгин. Он единственный из тех, кто выжил у Карр, имел хоть какой-то статус. Несмотря на шаткость своего положения, Кассий спокойно взял бразды правления Сирией в свои руки и объехал всю провинцию, чтобы ее укрепить, ибо туда вот-вот могли нагрянуть парфяне. В Тире он встретил Антипатра, который попытался объяснить ему суть иудейских проблем, подвигавших евреев

постоянно бороться на два фронта – между собой и против любой иноземной власти, желавшей ввести их в рамки. Когда Кассию удалось набрать два легиона, он опробовал их на армии галилеян, пытавшихся скинуть Гиркана. Вскоре после этого парфяне действительно вторглись в Сирию, и тридцатилетний квестор Гай Кассий оказался единственным командующим, выступившим против них. Он замечательно проявил себя, нанеся захватчикам сокрушительное поражение и прогнав прочь парфянского царевича Пакора.

Итак, когда противник Цезаря и идеолог фракции *boni* Марк Кальпурний Бибул, назначенный наместником Сирии, наконец (незадолго до начала гражданской войны) соизволил туда прибыть, там царил мир и все документы были в полном порядке. Но как посмел простой квестор прикасаться к ним? Как он отважился управлять огромной провинцией? С точки зрения *boni*, простой квестор, оказавшись в такой ситуации, должен сидеть и ждать, пока не прибудет законно назначенный правитель. И не имеет никакого значения, что происходит в это время на территории, где он сидит. Всякие там восстания или вторжения не должны его волновать. Таково было мировоззрение *boni*. Результат – леденящий холод при встрече, ни благодарностей, ни похвалы. Наоборот, Бибул приказал Кассию немедленно покинуть Сирию, предварительно прочитав ему нотацию о том, что никто не имеет права брать на себя больше, чем предписывает *mos maiorum*.

Почему тогда Кассий выбрал сторону *boni* в гражданской войне? Определенно не из любви к своему шурину Бруту, хотя он обожал мать Брута Сервилию. Но она в этом конфликте сохраняла нейтралитет, у нее были родственники в обоих лагерях. Одна из причин, которыми руководствовался Кассий, заключалась в его инстинктивной антипатии к Цезарю. В чем-то они были похожи. Например, оба в раннем возрасте не побоялись без высшего одобрения взять на себя командные функции: Цезарь – в Тралах, а Кассий – в Сирии. Оба были храбры, энергичны, оба серьезно относились к карьере. Но, по мнению Кассия, Цезарь забрал себе слишком много славы в Длинноволосой Галлии, в той поразительной девятилетней войне. Как мог Кассий, когда пришло его время, совершить нечто подобное? Ясное дело, никак. Но это было ничем в сравнении с тем фактом, что Цезарь пошел на Рим как раз тогда, когда Кассий стал плебейским трибуном. В результате правительство разбежалось, а Кассий потерял свой шанс произвести сенсацию в этой неумирающей должности, вызывающей такие ожесточенные споры. Другая причина неприязни крылась в том, что Цезарь был биологическим отцом жены Кассия – третьей дочери Сервилии, Тертуллы. По закону она была дочерью Силана и получила огромное приданое из его состояния. Но половина Рима – включая Брута – знала, кто зачал Тертуллу, а Цицерон по этому поводу имел даже наглость шутить!

Когда Кассий со свойственной ему решительностью опустошил подвалы нескольких храмов, чтобы пополнить финансы республиканцев, Помпей послал его в Сирию – собирать флот. Плавать по морям нравилось ему гораздо больше, чем занимать незначительный пост при командующем. Военный талант Кассия проявился и на море, когда он с блеском разбил флот Цезаря у сицилийской Мессаны. Затем у Вибоны на Тусканском море он перехватил флот Сульпиция Руфа, флотоводца Цезаря, и тоже разбил бы его, если бы не Фортуна! Легион ветеранов Цезаря сидел на берегу, наблюдая за боем, и в конце концов им надоело смотреть на неумелые действия Сульпиция. Они реквизировали местные рыболовецкие лодки, вышли в море, ввязались в бой и так надели на Кассия, что он вынужден был перескочить на соседнее судно, спасаясь, а его собственный корабль потонул.

Зализывая душевные раны, Кассий решил уйти на Восток, чтобы набрать там кораблей и пополнить свой основательно потрепанный ветеранами Цезаря флот. Когда он плыл из Нумидии, к нему возвратилась удача. Он повстречал десяток транспортов, груженных львами и леопардами для арен Рима. Какое счастье! Это же огромное состояние! С пленными транспортами он зашел в греческую Мегару пополнить запасы воды и продовольствия. Мегара была фана-

тически преданным Республике городом и обещала позаботиться о грозных хищниках, пока Кассий не найдет, куда их поместить. После победы он продаст их Помпею для триумфальных игр в его честь. Оставив на берегу клетки с кошачьими, Кассий поплыл с десятком пустых транспортов к Коркире, чтобы отдать их Помпею.

Но на одной из стоянок до него дошла весть о поражении при Фарсале. Потрясенный Кассий кинулся в Аполлонию в Киренаике, где встретил множество беглецов. Среди них были Катон, Лабиен, Афраний, Петрей. Однако никто не хотел замечать многообещающего молодого человека, избранника плебса, потерявшего свою должность в результате гражданской войны. Поэтому Кассий, уязвленный до глубины души, уплыл от них, отказавшись передать свои корабли республиканцам в провинции Африка. «Пусть засунут эту провинцию себе в задницу! Не хочу больше принимать участие в затеях Катона и Лабиена! Пусть их обхаживает напыщенный кусок дерьма Метелл Сципион!»

Кассий вернулся в Мегару, чтобы забрать своих леопардов и львов, но их и след простыл. Пришел цезарианец Квинт Фуфий Кален и взял город. Жители Мегары открыли клетки и выпустили львов и леопардов, чтобы те растерзали захватчиков. Вместо этого звери накинлись на горожан! Фуфий Кален поймал животных, посадил в клетки и отправил в Рим – для игр в честь триумфатора Цезаря! Кассий остался ни с чем.

Но в Мегаре он выяснил кое-что интересное: Брут сдался Цезарю после Фарсала, был прощен и сейчас сидит во дворце наместника в Тарсе, а сам Цезарь поехал искать Помпея. Кальвин и Сестий отправились в Малую Армению, чтобы сразиться с Фарнаком.

Таким образом, не зная, куда деваться, Гай Кассий поплыл в Тарс с намерением передать флот Бруту, своему шурину и ровеснику. (Четыре месяца разницы нечего и считать!) По крайней мере, Брут ему скажет, что правда, что вымысел, и он, поостыв, сможет решить, как поступить с остатком своей неудавшейся жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.